

ном балансе), где возможные формы разрешения находятся в свёрнутом виде, как потенциал творческой свободы, обладающий большим количеством возможных форм разрешения. Эта модель оперирует категорией возможности, а не реальности, причём структура такого противоречия «заряжена» на динамику, на активность посредством категорий возможности, вероятности, действительности, реальности (действительность, например, виртуальная, не всегда представляет реальность). Вероятность обозначает степень актуализации одной из степеней свободы, получающей (с долей вероятности в зависимости от условий, предпосылок) статус необходимости.

В итоге можно сделать следующие выводы: сознание можно определить в контексте категорий «возможность», «вероятность», «готовность» осознанного личностью потенциала культуры к реализации познавательного, аксиологического, методологического характера, а в контексте свободы – как её потенциальную проекцию на реализацию творческого замысла. Это сфера возможности, вероятности, но не действительности имеет материальную, субстратную основу, без которой

сознание невозможно, но в рамках которой природе сознания исследовать бессмысленно. Процесс реализации потенциала культуры как творческого замысла – это уже не сознание, а мышление – активность сознания, наполняющегося содержанием объекта или предмета исследования, на их содержание нацелен «фокус» сознания. Сферу возможности немислимо описать в понятиях, отражающих действительность, поэтому прибегают к символизации сознания.

Примечания

- ¹ Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007. С. 27.
- ² Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М., 2009. С. 64.
- ³ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 263.
- ⁴ Гостев А. А. Психология вторичного образа. М., 2007. С. 9.
- ⁵ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 299.

УДК 130.3:612

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ «Я» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. М. Иванов

Саратовский государственный университет
E-mail: ivanovem@info.sgu.ru

В статье критически рассматриваются концепции «Я», изложенные в работах Н. Лосского, С. Л. Франка и Л. Лопатина. Изложены аргументы против идеи трансцендентности «Я» по отношению к феноменальному содержанию сознания, содержащейся в работах Н. Лосского и С. Франка. Поддерживается позиция Л. Лопатина, предполагающая имманентность «Я» содержанию сознания.

Ключевые слова: сознание, Я, русская философия, индивидуальность.

The Problem of the Nature of «Self» in Russian Philosophy

E. M. Ivanov

In article the concepts of «self», stated in works of N. Lossky, S. Franc and L. Lopatin are critically considered. Arguments against the idea of transcendence of «self» in relation to the phenomenal content of the consciousness, contained in N. Lossky and S. Frank's works, are stated. The position of L. Lopatin, assuming immanence of the «self» to consciousness contents, is supported.

Key words: consciousness, the self, Russian philosophy, personality.

Проблеме природы «Я» русские философы уделяли большое внимание. Весьма подробно разработанная концепция «Я» содержится в главном психологическом труде С. Франка «Душа человека». Г. Шпет посвятил этой проблеме объемную статью «Сознание и его собственник». Определенную концепцию «Я» мы находим у Н. Лосского и Л. Лопатина.

Все авторы согласны с тем, что термин «Я» есть обозначение некоего фактора, обеспечивающего единство индивидуального сознания. «Единство переживаний есть во многих отношениях удовлетворительная характеристика я как эмпирического единства, или <...> единство сознания» – пишет Шпет¹. В статье С. Алексеева, написанной для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, читаем: «Я (ego) – обозначает сознаваемое каждым человеком единство собственного индивидуального существования. Так как в этом единстве соединяется в одно целое

все нами переживаемое, то обыкновенно слово «Я» служит для обозначения неопределенной совокупности собственных душевных состояний, охватываемой памятью и воображением. Более тонкий психологический анализ обнаруживает в сознании не только объединенную множественность состояний сознания, но и то, в чем эта множественность объединяется. Таким образом, сущность сознания «Я» состоит в переживании душевных состояний и деятельностей, связанными с некоторым центральным пунктом сознания, который и обозначается словом «Я»². Второе, констатируемое всеми авторами свойство «Я», – оно рассматривается в качестве источника (или субъекта) деятельности, как когнитивной, так и практической. «Я» – это то, что воспринимает, мыслит, вспоминает, инициирует те или иные действия.

Третье несомненное свойство «Я», на которое обращают внимание русские мыслители, – обладание уникальной индивидуальностью, неповторимостью. Различия в позициях российских философов касаются природы фактора, объединяющего сознание, отношения этого фактора к содержанию сознания (его предметному содержанию) и пониманию способов индивидуации сознания. Здесь мы видим различные, даже диаметрально противоположные подходы.

То, что «Я», действительно, обладает упомянутыми свойствами, сомнения не вызывает. Главная функция «Я» – это синтез, объединение чувственного и сверхчувственного материала, представленного в феноменальном внутреннем мире субъекта. Мы говорим: я вижу вазу, я вижу дерево, я слышу музыку, думаю о работе и т.п., тем самым объединяя все эти объекты в один класс – воспринимаемого мною. Но таким формальным синтезом разнородных содержаний сознания деятельность нашего «Я» ограничиться, очевидно, не может. Этот формальный синтез есть необходимое условие для соотнесения элементов сознания друг с другом, выявления их сходства и различия, смысловых, причинно-следственных и иных связей между ними. Это соотнесение осуществляется и в пространственном, и во временном аспектах. Например, я замечаю, что один человек выше другого. Предпосылкой моей способности заметить такое различие является, очевидно, единство моего «Я». Одно и то же «Я» видит и первого, и второго человека, что и делает возможным их сравнение. Аналогично, я понимаю развернутую во времени речь, поскольку одно и то же себе тождественное «Я» воспринимает и начало, и середину, и конец данной речи. Если мы полагаем, что «Я» не только делает возможным операции по соотнесению содержаний сознания, но и осуществляет сами эти операции, то мы автоматически приходим к признанию второго свойства «Я» – субъекта психической

деятельности. Третье свойство «Я» – быть принципом индивидуации – вытекает из гипотезы существования множества обособленных индивидуальных «Я», т. е. из отрицания солипсизма. Если «Я» – принцип объединения содержимого сознания, то индивидуация, очевидно, связана с различными формами объединения элементов, принадлежащих, с одной стороны, одному и тому же «Я» и разным «Я» – с другой стороны. После этих предварительных замечаний перейдем к анализу позиций заявленных нами авторов.

Рассмотрим концепцию Н. Лосского, который мыслит «Я» в духе учения о монадах Лейбница³. «Я» есть элементарная, неразложимая на части духовная субстанция. Она «идеальна», пребывает вне пространства и времени и уже в силу своей сверхвременности обладает тождеством во времени.

Такое понимание «Я» как себе тождественной идеальной духовной субстанции вытекает из общегносеологической концепции Лосского – интуитивизма – теории прямого постижения реальности. То, что мы видим, слышим, осязаем, мыслим, есть «сами вещи в подлиннике», а не их субъективные репрезентации (отражения). Интуитивизм противоположен теории отражения. Он отрицает всякий элемент опосредованности в любой форме нашего познания – как чувственного, так и интеллектуального. Лосский выделял три вида интуиции: чувственную, интеллектуальную и мистическую. С их помощью мы познаем «в подлиннике» физические предметы, идеи и Бога. Поскольку мы познаем «сами вещи в подлиннике», то, очевидно, вещи эти в состав нашего «Я» включены быть не могут. Следовательно, и содержимое нашего сознания – как чувственное, так и сверхчувственное – не есть часть нашего «Я». Все это составляющие объективной реальности, которые, входя в наше сознание, не становятся чем-то субъективным. Сознание, таким образом, есть лишь отношение, реализуемое внутри самого бытия (а не копирование бытия в приватной сфере субъективного). Оно существует не субстанционально, не атрибутивно, но интенционально. Что же тогда включает в себя «Я», в чем его роль? «Я» у Лосского выступает как центр, из которого исходят различные интенции – как познавательные, так и деятельные. Это тот полюс, относительно которого центрировано содержимое сознания и отношение к которому вещей и составляет их осознание. Быть осознаваемым, по Лосскому, значит находиться в отношении к «Я». Таким образом, единственное свойство «Я» – быть субъектом познавательных и деятельных отношений. Но поскольку познание тоже вид деятельности, то можно сказать, что «Я», по Лосскому, есть чистый субъект деятельности или – «деятель», а деятельность – единственный атрибут «Я».

Основная проблема, с которой сталкивается концепция «Я» Лосского, – наш источник знания об этом «Я». Лосский высказывает претензию на феноменологический подход, который приводит его к идее «Я». Он заявляет, что должен, «не опираясь ни на какие предвзятые учения об отношении между я и миром, начинать просто с анализа состава сознания и точного описания элементов и отношений, которые найдутся в нем»⁴.

«Я» Лосского выступает, прежде всего, в роли гносеологического субъекта, находящегося с объектом в отношении «гносеологической координации» (т. е. я как субъект предполагает объект, а объект логически предполагает субъекта). Само отношение субъекта и объекта Лосский характеризует термином «обладание»: «Я» обладает теми или иными объектами восприятия, мышления, воображения, но при этом ими не является. Но является ли сам субъект обладания, например, чувственно воспринимаемым предметом чем-то непосредственно присутствующим в нашем опыте? На этот вопрос, вопреки Лосскому, следует ответить отрицательно. Субъект явно феноменально не представлен в акте восприятия: я вижу стену, но не вижу какого-либо «Я», смотрящего на эту стену (пример Д. Юма). В восприятии дано лишь мое тело, но тело, очевидно, не есть непосредственно усматриваемый нами субъект восприятия, оно есть лишь, в лучшем случае, условие восприятия. Ничто в теле не объясняет нам его свойство центрировать вокруг себя элементы реальности, превращая их в элементы опыта. Также и в мышлении нам наряду с содержанием мысли отнюдь не дан с интуитивной достоверностью субъект, «владеющий» данной мыслью. Наличие вещи или мысли в моем сознании никак не меняется от того, что я соотношу их с неким субъектом. Следовательно, «Я» не усматривается в опыте феноменологически, но постулируется, искусственно вводится. По сути, единственным феноменальным проявлением «Я» в составе сознания является его волевая деятельность – инициирование тех или иных познавательных и физических актов. Феноменальная данность этих актов несомненна, но уже Шопенгауэр отмечал, что наличие актов, действий автоматически не предполагает примысливания к ним какого-либо «деятеля». Действие непосредственно дано нам в виде динамики наших переживаний, и в самой этой динамике никакого деятеля мы обнаружить не сможем. Например, действие поднятия руки дано как смена чувственных переживаний: рука опущена – рука поднята, вместе с предвосхищающей поднятие руки мыслью о необходимости поднять руку. Но нельзя с уверенностью сказать, что именно мысль есть причина поднятия руки – ведь многие действия мы совершаем спонтанно, без пред-

варительного обдумывания. Этот пример явно показывает, что в переживании любого действия сам деятель как таковой не присутствует. Если «Я», как мыслит его Лосский, трансцендентно по отношению к любому опыту, то оно в опыте присутствовать не может, а значит не может быть и предметом нашего мышления (так как мысль должна некоторым образом указывать на свой предмет, а делать это она может лишь рамках данного ей опыта). Таким образом, трансцендентное «Я» – это нечто немислимое, фиктивное, понятие, лишённое всякого предметного содержания.

Концепцию «Я» Лосского вряд ли можно признать удовлетворительной. Во многом сходную, но более усложненную концепцию «Я» предложил С. Франк в своей работе «Душа человека»⁵. Предварительно заметим, что термины «Я» и «душа» Франк использует как взаимозаменяемые. Сходство позиций Франка и Лосского проистекает из общей интуитивистской направленности их гносеологического мышления. Франк, как и Лосский, отвергает теорию отражения и рассматривает чувственное восприятие как прямое видение «самих вещей». Таким образом, уже в чувственном восприятии нам открывается объективная (надиндивидуальная) реальность. Философ также претендует на феноменологический характер своего исследования: он ничего не постулирует, не конструирует, но лишь усматривает в составе непосредственно данного нам опыта. В отличие от Лосского Франк более последовательно использует этот феноменологический метод. Как и другие рассматриваемые нами авторы, он связывает понятие «Я» с единством сознания, но с единством сложным, многосоставным.

Первичная форма единства сознания выявляется на уровне «стихии душевной жизни», которая, по Франку, является базовой и менее всего организованной составляющей нашей психической жизни. Эта стихия переживается нами в состоянии дремоты, полусна, когда мысли и образы хаотичны, неупорядочены. Тем не менее уже на этом уровне мы имеем дело с определенной формой целостности, взаимной соотносительности психических феноменов, которую можно определить как слитность, «сплошность», бесформенное единство. Феномены переживаются не отдельно друг от друга, но сопереживаются, т. е. переживаются вместе с отношениями между ними. Находясь на позиции интуитивизма, Франк на этом уровне сознания не усматривает ничего специфически индивидуального, субъективного, причастного к организующей деятельности «Я». Хотя «Я» у Франка выступает в качестве начала, обеспечивающего единство сознания, он не рассматривает стихию душевной жизни как продукт объединяющей деятельности «Я», но трактует

как проявление имманентно присущего всякому бытию внутреннего единства. Здесь мы имеем дело с надындивидуальным уровнем опыта, еще не затронутым организующей деятельностью «Я». Следовательно, и исходное единство душевной жизни не есть единство индивидуального «Я». Собственно же объединяющая и организующая деятельность «Я» имеет сложную структуру и проявляется на трех уровнях: эмоциональном, волевом и интеллектуальном.

На эмоционально-чувственном уровне деятельность «Я» имеет наименее упорядоченный характер и проявляется в виде эмоциональных влечений к одним предметам и отталкивания от других, одобрения и неодобрения. Здесь организующее начало «Я» почти слито с исходной стихией душевной жизни и не противостоит ей. Это начало связано с витальными функциями и соответствует «растительной душе» Аристотеля. Второй уровень – сверхчувственно-волевой – связан не с родовыми, витальными функциями организма, а с индивидуальной целеустремленностью, способностью действовать целесообразно, по определенному плану, иногда вопреки эмоциональным предпочтениям. Здесь направляющим началом является не ощущение, а некое сверхчувственное содержание, на котором основано воление.

Третий уровень – интеллектуальной, идеально-разумной (духовной) регуляции и организации душевной жизни. Его характеризуют переживания нравственного порядка, самопреодоление, вытекающее из сознания долга, веления абсолютной идеи в нас. Эти три силы феноменально различны, но в основе едины, это три ответвления единого корня. В сфере чувственно-эмоциональной они смыкаются с имманентным организующим началом душевной жизни и таким образом не только трансцендентны, но и имманентны последней. Единый корень – источник всех форм единства душевной жизни – также, по Франку, феноменологически усматривается в составе душевной жизни, и он наше подлинное «Я», а отнюдь не эмпирическая личность, выступающая как продукт объединяющей деятельности нашего сознания.

Эта схема описания сознания также вызывает существенные возражения. Во-первых, если отказаться от интуитивистской гносеологии и считать, по крайней мере, чувственное содержание сознания приватным, субъективным, то ясно, что уже исходная форма «слитного единства» душевной жизни вполне достаточна для того, чтобы объяснить единство сознания как конкретного «Я». Ведь всё, что для этого требуется, – принципиальная соотносимость элементов сознания друг с другом. Если я погружен в стихию душевной жизни, мои мысли и чувства хаотичны, то это не означает, что я перестал быть самим собой,

перестал существовать. Выйдя из такого ослабленного состояния, я тут же соотношу хаос с текущими упорядоченными переживаниями (хотя бы различая их между собой) и тем самым «присваиваю» хаотические переживания себе, рассматриваю их как мои собственные. Более сложные и высокие формирующие способности в таком случае ничего принципиально нового к уже установленному единству «Я» не добавляют, но определяют лишь ту или иную конкретную конфигурацию нашей эмпирической личности, но не сам факт существования меня как единичной индивидуальности.

Во-вторых, если «Я» как фактор, обеспечивающий единство сознания, обнаруживается феноменологически, усматривается в опыте, то он должен быть конкретно идентифицирован и отождествлен с неким элементом (или аспектом) этого опыта и, кроме того, иметь отношение ко всем элементам опыта. Ясно, что он не может быть в этом случае гносеологически трансцендентным по отношению к содержанию опыта. «Я» не может быть противопоставлено каким-то элементам опыта, поскольку все они суть элементы, объединяемые этим «Я». Если я борюсь с неким чувством, то это чувство потому и может быть объектом борьбы, поскольку «Я» включает его в мое сознание. Это чувство не в меньшей степени мое, чем и то волевое усилие, которое это чувство пытается подавить, т. е. борьба «психических сил» в моем сознании, как представляется, к проблеме «Я» никакого отношения не имеет. На вопрос: что же конкретно способно объединить опыт, например, во времени, Франк ответа не дает. Фактически целостность опыта обеспечивается уже исходной, имманентной самому опыту формой его соотносительности как «слитного единства». Но легко понять, что соотносительность элементов опыта есть не что иное, как смысл. Ведь смысл это и есть (по В. Соловьеву) «отношение всего ко всему». Поэтому правильным ответом на вопрос о том, что соединяет сознание в единое целое, будет – смысл. Единство сознания – это смысловое единство. Тождество «Я» во времени, с этой точки зрения, есть просто иное название смыслового единства сознания, ибо и то и другое имеют единую основу – имманентную соотносительность элементов сознания друг с другом.

В заключение раздела рассмотрим концепцию «Я» Л. Лопатина, которая представляется нам наиболее интересной⁶. Лопатин исходит из того, что текучее феноменальное содержание сознания не может быть отождествлено с себе тождественным во времени «Я», которое не меняется на протяжении жизни человека. «Я», с этой точки зрения, – духовная субстанция, к которой неким образом относятся или принадлежат отдельные духовные феномены. Она не локальна

во времени, что и гарантирует ее временную себестоимость. Феномены – это лишь частные, локальные во времени проявления духовной субстанции.

Главной недостаток этой концепции в том, что, с точки зрения её автора, мы познаем в опыте лишь феномены, но не субстанции как таковые. Лопатин преодолевает эту трудность, постулируя тождество феноменов и субстанции. Субстанция – это и есть имманентно присущее феноменам как одномоментное, так и временное единство. Оно феноменально переживается как соотносительность феноменов в пространстве и во времени (с нашей точки зрения, эту соотносительность можно охарактеризовать термином «смысл» и, следовательно, переживание осмысленности данного феномена есть в то же время переживание его соотносительности со всеми настоящими, прошлыми и будущими феноменальными единицами сознания). Таким образом, единство сознания переживается прямо и непосредственно как смысл, как смысловое единство. «Я» не противостоит феноменам, а есть само феноменальное сознание, взятое в аспекте его единства, в том числе и сверхвременного единства. «Я» имманентно сознанию, оно лишь другое название для сознания. Индивидуация «Я» определяется интегральным сверхвременным содержанием сознания – совокупностью всех моих потенциально возможных переживаний.

Поскольку сверхвременные компоненты сознания, относимые к будущему и прошлому (а также – возможному будущему и прошлому), находятся вне сферы чувственного переживания, рассматриваемое «Я» как целое – это преимущественно сверхчувственное образование – некий эйдос, что согласуется с неоплатоническим пониманием души как единичного логоса Мирowego Ума.

Итак, мы видим широкий спектр подходов к пониманию природы «Я» в русской философии. Общее у всех авторов: «Я» всегда мыслится как начало, обеспечивающее единство феноменального содержания сознания, а также как фактор, направляющий в единое русло деятельность сознания. Различается, прежде всего, оценка природы этого фактора. У Лосского и в меньшей степени у Франка он трансцендентен

содержанию душевного мира (феноменам сознания), Лопатин и Г. Шпет склонны признать имманентность «Я» как принцип целостности самому содержимому сознания. Последняя точка зрения предполагает тождество «Я» и сознания: «Я» – это и есть сознание, рассматриваемое в аспекте его временного и пространственного единства, самосоотнесенности. Эта точка зрения представляется нам наиболее продуктивной. Данность феномена некоему «Я», с этой точки зрения, есть тождество «Я» и данного феномена (я вижу стол означает: я есть стол). Но «Я» тождественно не только текущему содержанию сознания, но любому содержанию сознания вообще (прошлому, будущему, возможному и т.д.). Отсюда и относительная трансцендентность «Я» (как целого) конкретному феномену (как части). Но поскольку в сфере смысловых отношений действует принцип «все во всем», в каждом частном состоянии сознания присутствует все сознание: его прошлое, будущее, возможное прошлое, возможное будущее. Таким образом, «Я» (как всеполнота потенциально возможных содержаний сознания) целокупно, но вместе с тем «виртуально» пребывает в каждом конкретном временном состоянии сознания. Тогда самосознание есть просто способность сознания «иметь себя в виду» в качестве сверхвременного целого и в качестве такового противопоставлять себя относительным «не-Я».

Примечания

- ¹ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. Философские этюды. М., 1994. С. 20.
- ² Алексеев С. Я в философии и психологии // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 88 т. СПб., 1904. Т. 81. С. 465.
- ³ См.: Лосский Н. О. Учение о перевоплощении // Переселение душ. М., 1994. С. 357–383.
- ⁴ Лосский Н. О. Введение в философию. СПб., 1904. Ч. 1. Пг., 1918. С. 256.
- ⁵ См.: Франк С. Л. Душа человека // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. Минск ; М., 2000. С. 631–990.
- ⁶ См.: Лопатин Л. М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Лопатин Л. М. Аксиомы философии. М., 1996. С. 174–202.

Примечания

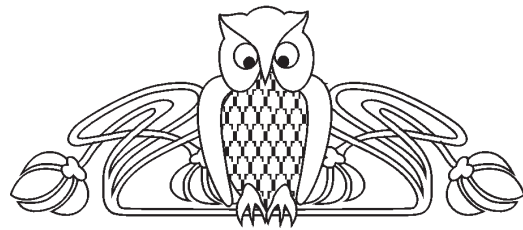
- 1 См.: Дегтярёв А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 109.
- 2 Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 25.
- 3 Кравченко В. И. Власть и коммуникация : проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб., 2003. С.109.
- 4 Ахиезер А. Россия : критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 210.
- 5 См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P. 200.
- 6 Стризов А. Л. Власть риска и риски власти // Власть. 2012. № 3. С.19.

УДК 001:1+7:1

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСТВА

В. М. Дармограй

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterinadar@mail.ru

В статье рассматривается проблема сущностных характеристик сознания, вне понимания которого невозможно осмыслить условия и предпосылки, способствующие творчеству. Показано, что сознание можно представить только в контексте потенциала, возможности или готовности к реализации, а сама реализация или активность сознания является уже новым качественным состоянием, которое определяется как мышление, поэтому сознание можно обозначить только посредством символа.

Ключевые слова: сознание, возможность, вероятность, действительность, свобода, «фокус» сознания, аксиологическая и смысловая матрица.

Symbolic Nature of Consciousness in the Aspect of Creativity

V. M. Darmogray

The article deals with the problem of the essential characteristics of consciousness. It is impossible to comprehend the premise of creativity without understanding that. Consciousness can be represented only in the context of potential. The activity of consciousness is a new qualitative state of mind which is defined as thinking. As a result, consciousness can be defined only by the symbol.

Key words: consciousness, possibility, probability, reality, freedom, the focus of consciousness, axiological and semantic matrix.

Предельно общая и относительно простая схема (или модель) творчества может быть представлена как хаос–порядок, где хаос метафорически символизирует сам процесс творчества, его таинство, непостижимость, проблемность. Творческий процесс связан с сознанием, мышлением, условной единицей измерения или описания которых может быть хронотоп, где хронос символизирует временные параметры творческого процесса, а топос – пространственные. Однако подобные рассуждения предполагают обоснова-

ние сущности сознания или точки зрения автора относительно определения сознания, иначе все выводы по поводу творчества как бы повиснут в пустоте. Мы считаем, что понимание сознания как некоего объекта, подлежащего исследованию, не имеет под собой никаких оснований, так как сознание есть временная (длящаяся) форма субъективного характера, которую в принципе невозможно абстрагировать от содержания, на которое направлено сознание. Эта направленность есть интенциональность, «высвечивающая» объект (предмет) исследования. Отсюда несостоятельны концепции сознания, сводящие этот феномен только к состоянию психической жизни индивида, хотя, безусловно, сознание связано с психикой, как и с субстратной основой, т. е. с мозгом. Но сводить сознание только к условиям, к предпосылкам несостоятельно. Активная субъективная форма как психическое состояние предполагает еще и нейродинамический уровень и далее – квантовый (процесс мышления как целесообразная селекция квантовых альтернатив – Е. И. Иванов).

Продолжать подобную редукцию можно до бесконечности, а вот процессы, связанные со становлением и развитием субъективной формы или с субъективным переживанием – осмыслением событий как внешнего, так и внутреннего мира без акцентирования на содержании, которое может касаться природы, культуры, своего отношения к этим объектам, включая и состояния субъективного характера (познавательные, аксиологические, эвристические и другие), – заслуживают внимания, так как речь идёт об универсальной форме субъективного характера, которая, существуя потенциально, активизируется по мере становления интенциональности. Безусловно, поста-

вить границы между становлением и развитием субъективной внутренней формы и содержанием, на которое направлена интенция сознания, невозможно, так как от степени формирования внутренней формы зависит понимание содержания, на которое нацелен «фокус» сознания.

Давно известно, что форма есть внешнее выражение содержания, т. е. форма содержательна, а содержание оформлено. Все попытки осмыслить феномен сознания посредством только самого сознания сводились лишь к констатации самости или априорных первичных форм, которые предельно абстрактны. Инструментарий такой субъективной формы зависит от сферы культуры, в рамках которой субъект постигает, усваивает, изменяет или конструирует некое содержание. В мифологии это – символ, в науке – понятия, складывающиеся в рационально-логические формы (силлогизмы), в философии – категории, в искусстве – особые языки или художественные средства выразительности, посредством которых личность творит художественный образ.

Сознание всегда связано с конкретным субъектом, причём таким субъектом может быть не только определённая личность, но и творческий коллектив, отвлечённые или абстрагированные субъекты, претендующие на абсолют (платоновские идеи, Творец, абсолютная идея). Что касается артефактов культуры, то здесь мы имеем дело с продуктами, с результатами творческого мышления или с результатами активности сознания. Эти продукты (к примеру, тексты) могут спровоцировать, активизировать новые творческие акты сознания, а могут оставаться только потенциалами подобных актов.

Далее, когда мы говорим о сознании, то прибегаем к метафоре или к символизации, так как невозможно отделить сознание от его содержательной проекции. Так, информационный аспект сознания подразумевает информационное воздействие на сознание. Е. Д. Павлова, к примеру, пишет: «Под термином информационное воздействие на сознание условимся понимать процесс изменения смыслов (знаний, мнений, представлений, понятий, суждений личности и т.д.) посредством трансформации информационной матрицы сознания»¹.

Информационная матрица сознания предполагает уже готовый проект сознания с содержанием определённого характера, доминанту информации, обладающую аксиологическим статусом. Кроме того, подобная матрица обладает творческим потенциалом. Она как информационный образ мира представляет собой открытую систему, обладающую таким количеством степеней свободы, которое позволяет воспринимать, усваивать, перерабатывать информационные потоки внешней среды, сохраняя при этом достаточную меру устойчивости в этой среде и

способность к рефлексивному анализу и вследствие этого – способностью к саморазвитию, к качественному самоизменению в соответствии с вызовами внешнего или внутреннего характера. Открытая система, сохраняя системные свойства, содержит методологические формы, посредством которых осуществляются отбор, селекция, систематизация поступающей информации. Память является механизмом воспроизводства необходимой информационной матрицы или её фрагмента для его превращения в инструментарий гносеологического или аксиологического характера. Все эти процессы происходят при функционировании сознания, т. е. мышления.

Сознание, его структуру можно исследовать только метафорически, если принять условно за его структурные единицы или признаки некую знаковую систему в форме символов. В этой связи М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский заметили: «Мы договорились, что эмпирически найденный факт сознания мы в общем случае не можем однозначно соотносить со структурой сознания. Мы не можем также и само наше метарассуждение соотнести со структурой сознания. Но каждый этап нашего метарассуждения, с одной стороны, является фактом сознания, а с другой – что особенно важно – соответствует определённым состояниям сознания. Таким образом, становится возможным представление о, своего рода, однонаправленной семиотической связи: структуры сознания, будущие структуры, неструктуры, отсутствие структур или отсутствие фактов на данном этапе метарассуждения могут полагаться знаками состояния сознания. Но не наоборот, мы не можем идти от состояния сознания к содержательности сознания, поскольку её мы рассматриваем как постоянную возможность состояния сознания»².

Ключевым понятием относительно того, что понимается под сознанием, являются его возможные состояния и формы или их гипотетические интерпретации в символической форме. Форма интерпретации универсально выражена в языках, логике, образах, символах, т. е. во всех средствах, которые могут усваивать, перерабатывать, понимать информацию относительно объективного и субъективного мира личности. Таким образом, в качестве факта сознания мы принимаем гипотетическую (возможную) интерпретацию информации, поступающую в результате личностного внешнего (эмпирического) и внутреннего (трансцендентального) опыта личностного характера. Однако гипотетическая интерпретация возможного опыта, выраженная в символах, может представлять и конечный результат сознания, а не само сознание. Более корректное определение понятия сознания может быть сформулировано как осознание (посредством рефлексии) наличия внутри моего телесного и духовного мира

трансцендентального субъекта как потенциала моих духовных способностей, возможностей. Осознание является следствием оценки моего общего и профессионального уровня духовной культуры, моей предрасположенности (способности) к использованию этого потенциала для решения творческих задач. Сложность состоит в том, что подобную активную форму трудно идентифицировать в возможности её развёртывания или проявления. Как только подобная форма активизируется, она сразу же принимает облик содержательной формы, или формы проявления содержания предмета (объекта), на которую направлен фокус сознания. Сам процесс развёртывания этой формы уводит меня от понимания сознания и подменяет содержанием предмет исследования. То, чего нет в реальности (даже виртуальной), а есть только в возможности (как потенциал), трудно исследовать. Конечно, я могу представить гипотетические сценарии, но эти сценарии неизбежно будут содержательными.

Сознание можно определить как субъективно осмысленный духовный потенциал (с интеллектуальной, т. е. рационально-логической доминантой в сфере науки или с эмоционально-образной – в сфере художественной культуры), объективация которого в принципе невозможна в силу того, что (как говорят физики) масса покоя сознания равна нулю. Сознание как таковое не имеет субстратной основы, хотя материальные условия, предпосылки, безусловно, есть (они общеизвестны), поэтому сознание есть знание относительно собственного духовного потенциала или осознание своих творческих способностей. Вначале этот процесс осознания может происходить в форме внутреннего диалога, причём необязательно с применением языка, который является инструментом, оформляющим внешнюю речь или текст. А. Эйнштейн утверждал, что новая концепция теоретического характера приходит к нему помимо языкового оформления, как глубинное понимание, которое потом оформляется с помощью языка. «Эти мысли, – вспоминал учёный, – возникли не в какой-то вербальной форме. Я вообще очень редко думаю словами. Приходит мысль, а потом я могу попытаться выразить её словами»³. Психологи выдвигают версию вторичного внутреннего образа, который может актуализироваться из онтогенеза – из древних пластов генетической памяти. А. А. Гостев считает: «Познавательная и регулятивная сила “внутренней образности” понятна: образы являются самым древним языком психики, связанным с допонятийным мышлением. И в онтогенезе до овладения речью индивидуальный опыт “записывается” в образной форме. Поэтому через образы становится возможным проникновение в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Образы на этом глубинном уровне формируют своеобразные “матрицы”, участвующие

в психической регуляции. В результате образ становится произвольной или непроизвольной программой для изменения существующих обстоятельств, для реализации желаемого или нежелательного»⁴.

Здесь напрашивается версия творческой интуиции как внезапного озарения, «схватывания», мгновенного понимания. С одной стороны, не следует забывать, что способность к творческой интуиции развивается постепенно и именно язык как знаковая система является смыслообразующим инструментарием учёного. Иными словами, только в «поле» языка возможно становление новых смыслов и их понимание. С другой стороны, язык как символическая репрезентация мира является уже оформленным продуктом культуры, который может и блокировать творческие процессы, связанные с осмыслением качественно новых явлений в науке или с созданием художественных образов в искусстве. Самая простая модель, разрешающая это противоречие, состоит в том, что вначале происходит образование некоего концепта или предчувствие истины как становление ещё неявной, нечёткой идеи, которая потом получает языковое оформление в форме внутренней речи. Однако мы полагаем, что процессы творческого характера более глубоки и сложны.

Концепция психологов относительно образной глубинной памяти заслуживает внимания, иначе как объяснить доречевое, доязыковое мышление А. Эйнштейна? В контексте онтогенеза генетическая программа, которая была реализована немецким физиком, как раз состояла в актуализации, в расшифровке образной, глубинной памяти. Интуитивное «угадывание» может быть результатом образного «послания» из глубин памяти, и кроме переживания этого процесса или предчувствия истины учёный ничего не может об этом сказать до актуализации, т. е. раскодировки, математического и экспериментального обоснования. Образ как когнитивная доминанта вначале переживается личностью, а затем из сферы переживаний генерируются когнитивные и научные стратегии, т. е. ощущение верности общего направления исследований. Следующий этап предполагает процессы креации, появление или «рождение» качественно новых идей.

Сознание можно понимать и как осознание личностью своего информационно-энергетического потенциала, так как оно (сознание) связано не только с константой рефлексивного характера как устойчивого «фона», сопровождающего возможные виртуальные формы или сценарии активизации сознания в рамках внутреннего диалога, но и с эмоционально-чувственным переживанием этого потенциала, который, активизируясь, реализуется в возможных сценариях творческого мышления. Подобный информационно-энергетический потенциал, являясь по своей природе

виртуальным, не может обладать какими-то объективными свойствами (и его невозможно описать в качестве объекта), поэтому мы прибегаем опять к символу. Таким символом может быть понятие хронотопа. Хронотоп символизирует сознание, в котором отражается амбивалентная связь временных и пространственных отношений как соотношение темпоральных и топологических его особенностей при перенесении фокуса сознания на усвоение или понимание культурных смыслов. Другими словами, хронотоп характеризует особенности личностного сознания, которое переносит свой фокус (направленность или интенциональность) с одного текста культуры, где заложен смысл, на другой.

Однако хронотоп есть только один из параметров или моделей исследования сознания. Другой составляющей является аксиологическая матрица, генерирующая форму смыслов. Сложность определения этой матрицы обусловлена тем, что она – результат личностного, индивидуального опыта, который для творческой личности длиною в жизнь.

Процесс саморазвития духовного мира такой личности и, соответственно, развёртывания творческого потенциала показывает и доказывает ценностный потенциал творческой свободы как необходимое условие развития процесса творчества. Осознание смыслового и ценностного потенциала свободы есть условие становления свободной, а значит творческой личности. Таким образом, аксиологическая матрица представляет собой относительно устойчивую систему принципов мировоззренческого уровня (знаний как результата жизненного, научного, художественного и другого опыта, получивших статус убеждений личностного характера), однако у творца становление, развитие системы ценностей сопровождается кризисом, распадом, переоценкой на основе нового жизненного опыта, новых ценностных установок. Эти кризисы создают необходимое творческое напряжение, усилие творческого поиска в целях генерирования новых креативных форм, соответствующих новым реалиям. Аксиологическая матрица претендует на статус центральной системообразующей составляющей сознания, вне которой невозможно осознание значимости смыслов и свободы как фундаментального принципа творчества, хотя иерархия или структурность в отношении сознания всегда условна, некорректна. Скорее всего, речь может идти о доминантах в сфере сознания, поэтому ценностная матрица может генерировать подобную временную доминанту или доминирующий момент многомерного противоречивого единства, способного выявлять качественно новые смыслы. Если эти смыслы наполнены существенным аксиологическим содержанием (как результатом оценочного отношения субъекта или

его творческого выбора), то личность получает кроме осознания смысловой значимости ещё и энергетический, волевой потенциал – мотивацию к творчеству, творческое вдохновение или экзистенцию творческой свободы.

Аксиологическо-смысловая матрица с рационально-логической доминантой будет представлять «ядро» научного сознания, причём если речь идёт о сознании, то эта символическая структура может рассматриваться только в контексте возможности. Возможность превращается в действительность тогда, когда эта матрица активизируется, т. е. сознание (как потенциал, как возможность) превращается в мышление. Процесс мышления характеризуется возникновением функционально-структурной доминанты временного и виртуального характера, которая представляет «фокус» сознания на предмет или объект исследования или то, что в феноменологии принято называть интенциональностью. Безусловно, такой процесс сопровождается аффектами, переживанием, творческой мотивацией, активизацией научного интереса.

Таким образом, проблемность в исследовании сознания объясняется тем, что «масса покоя» сознания равна нулю. Сознание неуловимо как объект, так как речь идёт о потенциале, о возможных вариантах решения творческих задач. «В целом же, – отмечает В. Молчанов, – любая теория сознания, уже хотя бы потому, что создаётся не без участия человеческого сознания, соответствует определённому аспекту человеческого бытия. Теория отражения, активизм, интенциональность как “имманентная предметность”, интенциональность как функционирующее смыслопридание, сознание как ментальная деятельность мозга, сознание как усмотрение сущностей и ценностей и т.д. – каждая из этих теорий так или иначе затрагивает отношение человека и мира, однако далеко не каждая заботится о своём самообосновании, что как раз подразумевает аналитику осуществляемого сознанием опыта»⁵. Процесс осуществления подобного опыта сознанием есть мышление, которое всегда содержательно, наполнено существенными параметрами предмета или объекта исследования. Если сознание определять как субъективный образ объективного мира, то образ как некая форма единства (которая используется в художественном творчестве) тяготеет к пространственным формам, где о сознании говорить некорректно. То же самое относится к рационально-логическим формам, посредством которых принято описывать процессы научного мышления, уже имеющие содержание. Тем не менее сознание можно моделировать посредством символов (концепция М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского) или посредством объёмного, многомерного противоречия (или многомерных противоположностей, находящихся в относитель-

ном балансе), где возможные формы разрешения находятся в свёрнутом виде, как потенциал творческой свободы, обладающий большим количеством возможных форм разрешения. Эта модель оперирует категорией возможности, а не реальности, причём структура такого противоречия «заряжена» на динамику, на активность посредством категорий возможности, вероятности, действительности, реальности (действительность, например, виртуальная, не всегда представляет реальность). Вероятность обозначает степень актуализации одной из степеней свободы, получающей (с долей вероятности в зависимости от условий, предпосылок) статус необходимости.

В итоге можно сделать следующие выводы: сознание можно определить в контексте категорий «возможность», «вероятность», «готовность» осознанного личностью потенциала культуры к реализации познавательного, аксиологического, методологического характера, а в контексте свободы – как её потенциальную проекцию на реализацию творческого замысла. Это сфера возможности, вероятности, но не действительности имеет материальную, субстратную основу, без которой

сознание невозможно, но в рамках которой природе сознания исследовать бессмысленно. Процесс реализации потенциала культуры как творческого замысла – это уже не сознание, а мышление – активность сознания, наполняющегося содержанием объекта или предмета исследования, на их содержание нацелен «фокус» сознания. Сферу возможности немислимо описать в понятиях, отражающих действительность, поэтому прибегают к символизации сознания.

Примечания

- ¹ Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007. С. 27.
- ² Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М., 2009. С. 64.
- ³ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 263.
- ⁴ Гостев А. А. Психология вторичного образа. М., 2007. С. 9.
- ⁵ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 299.

УДК 130.3:612

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ «Я» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. М. Иванов

Саратовский государственный университет
E-mail: ivanovem@info.sgu.ru

В статье критически рассматриваются концепции «Я», изложенные в работах Н. Лосского, С. Л. Франка и Л. Лопатина. Изложены аргументы против идеи трансцендентности «Я» по отношению к феноменальному содержанию сознания, содержащейся в работах Н. Лосского и С. Франка. Поддерживается позиция Л. Лопатина, предполагающая имманентность «Я» содержанию сознания.

Ключевые слова: сознание, Я, русская философия, индивидуальность.

The Problem of the Nature of «Self» in Russian Philosophy

E. M. Ivanov

In article the concepts of «self», stated in works of N. Lossky, S. Franc and L. Lopatin are critically considered. Arguments against the idea of transcendence of «self» in relation to the phenomenal content of the consciousness, contained in N. Lossky and S. Frank's works, are stated. The position of L. Lopatin, assuming immanence of the «self» to consciousness contents, is supported.

Key words: consciousness, the self, Russian philosophy, personality.

Проблеме природы «Я» русские философы уделяли большое внимание. Весьма подробно разработанная концепция «Я» содержится в главном психологическом труде С. Франка «Душа человека». Г. Шпет посвятил этой проблеме объемную статью «Сознание и его собственник». Определенную концепцию «Я» мы находим у Н. Лосского и Л. Лопатина.

Все авторы согласны с тем, что термин «Я» есть обозначение некоего фактора, обеспечивающего единство индивидуального сознания. «Единство переживаний есть во многих отношениях удовлетворительная характеристика я как эмпирического единства, или <...> единство сознания» – пишет Шпет¹. В статье С. Алексева, написанной для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, читаем: «Я (ego) – обозначает сознаваемое каждым человеком единство собственного индивидуального существования. Так как в этом единстве соединяется в одно целое

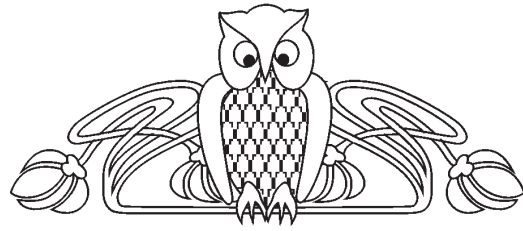

УДК 316.772

ВЛАСТЬ И СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ: РИСКОГЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С. А. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье анализируются коммуникационные стратегии власти в условиях модернизации общества. Коммуникация – основа модернизационного процесса, и следует говорить о директивных и консенсусных моделях в условиях нарастающей рискогенности изменений.

Ключевые слова: модернизация, стратегии коммуникации, власть, риски.

Power and Communication Strategy in a Modernizing Society: in Conditions of Risks

S. A. Danilov

The article analyzes the communication strategies of the authorities in the conditions of modernization of the society. Communication is the base of modernization. We should speak about decision-making and consensus models in the conditions of growing riskogenicity changes.

Key words: modernization, strategy of communication, authorities, risks.

Процессы модернизации, которые лежат в основании социальных изменений, определяются властными и коммуникационными началами. Импульсы модернизации генерируются политическими элитами, отдельными лидерами, включают в орбиту изменений участников социального процесса. Ресурсы власти становятся ресурсами модернизационных трансформаций. Таким образом, власть определяется в качестве генерального социального института, определяющего социальные отношения, изменения, и с помощью таких ресурсов, как авторитет, насилие, идеология, право конструирует отношения управления, интегрирующие подчинение, влияние, убеждение.

Среди различных типологий и классификаций власти выделим атрибутивно-субстанциальный и реляционный¹. Если атрибутивно-субстанциальные концепции трактуют власть как атрибут либо как самодостаточный «предмет» или «вещь», то реляционные подходы – Д. Ронга, постструктуралистский – М. Фуко, коммуникативный – Ю. Хабермаса определяют власть как социальное отношение на различных коммуникативных уровнях. Н. Луман понимает власть как «символически генерализованное коммуникативное средство»², редуцирующее

«комплексности» (неограниченное число возможностей) к ограниченному набору возможных действий партнера по коммуникации. Коммуникация стала ключевой категорией, раскрывающей смысл власти в пространстве современного постмодернистского дискурса (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар и др.)

Власть выступает как механизм общения, она формируется и реализуется в пространстве коммуникативного взаимодействия. Можно утверждать, что власть, понимаемая, например, как власть государственная, формирует в обществе социально-политический порядок, выступающий, прежде всего, как коммуникативный порядок. В политическом пространстве коммуникация приобретает не только операционно-функциональный, идеологический, но и онтологический статусы. Ее основу составляют медийные, коммуникативные коды власти. В качестве кодов власти выступают мифы, архетипы, символы, социальные стереотипы; к медийным кодам относятся те феномены, которые выполняют функцию кода власти и средств политической коммуникации, «генерализованных средств коммуникации»: авторитет, доверие, престиж. При отсутствии генерализованного кода публичной власти легитимация власти в пространстве политической коммуникации в сложноорганизованном обществе окажется проблематичной и рискогенной одновременно. Другими словами, от качества коммуникативно-символического производства зависит эффективность политических решений, в том числе модернизационных. В процессе реализации коммуникационных стратегий проявляется субъективное восприятие и оценивание политики, задействуются оценочные средства духовного мира личности. Действия власти должны быть приняты на личностном уровне, это является залогом ее легитимности.

Политическое пространство рассматривается с позиций противоречивости его содержания, где личные приоритеты коррелируют с нормативно-ценностными системами политических субъектов (партий, движений, групп, кланов и др.), взаимодействует консенсусная и конфликтная ситуативность, выстраиваются взаимоотношения за право обладать жизненными ресурсами общества

и государства. В данном контексте главное значение приобретают информационные, коммуникативные аспекты, позволяющие акцентировать внимание на сфере взаимодействия политических субъектов. Это актуально проявляется в условиях современного общества, коммуникативная природа которого определяет построение локальной и глобальной дискурсивной политики. Циркуляция политической информации, определяющая взаимодействие всех составляющих политического пространства – индивидов и политических групп, власти и общества, межсубъектных отношений, зависит как от уровня развития системы массовой коммуникации, так и от состояния самого политического пространства. Политика, понимаемая через призму коммуникации, предстает «как особый тип общения и контактных связей, возникающих в специализированной деятельности человека политического»³. В условиях современного глобализирующегося общества, в котором существуют факторы рискогенности, выстраивание властью стратегий коммуникации является генеральной задачей и функцией. Модернизация – это разговор по поводу модернизации, требующий соучастия и взаимного интереса участников. Принятие или отрицание модернизации на уровне сознания как личности в отдельности, так и в формате группового сознания предполагает в качестве первичного акта интерпретацию, которая согласно А. Ахиезеру выступает в качестве «инструмента интеграции»⁴.

Природа самого коммуникативного действия имеет ценностный характер, модернизация же – процесс, в котором социальные субъекты ориентированы на новые ценности, и именно коммуникация открывает модернизирующемуся обществу представление о новых образах и стилях жизни. Выделенные нами характеристики модернизации акцентируют внимание, во-первых, на социокультурной составляющей модернизации, вне которой изменения невозможны. Участники процесса модернизации – социальные группы – носители разнообразных социокультурных ценностей, традиций. Социокультурное измерение невозможно вне коммуникационных механизмов, суть которых в общении и обмене ключевыми ценностями (Ю. Хабермас). Во-вторых, модернизация – процесс, интегрирующий различные части социальной системы, консолидирующий социальные силы – агентов, противников, наблюдателей. Учитывая фрагментарность и поливариативность современного общества, актуализируются проблемы достижения договоренностей, согласования многообразных социальных интересов по поводу единой генеральной цели – модернизационного успеха. В-третьих, власть в лице государства представляет собой ядро политической системы и одновременно «центр управления модернизацией» (особенно

в России), который определяет стратегию и корректирует модернизационные усилия общества. Можно говорить о взаимодействии ценностной природы коммуникативного действия, политики и модернизации. В-четвертых, модернизация предполагает политическую модернизацию, в ходе которой развивается политическое многообразие, формируются новые институты, с которыми необходимо выстраивать коммуникационное взаимодействие, интегрируя их в пространство широко понимаемого социального общения.

Модернизирующееся общество характеризуется ростом неопределенности, нестабильностью состояния. Агенты социального пространства, осознающие себя в качестве сил, мотивированных модернизацией, усиливают социальную динамику, стараясь воспользоваться предпочтениями самого процесса, обрести более выгодные социальные позиции. Данное состояние обнаруживает амбивалентную природу института государственной власти и его противоречивые проявления, например, государство, нацеленное на сохранение существующего порядка, выступает источником и агентом изменений; являясь главным «минимизатором» социального риска, оно инициирует рискогенные процессы, что приводит к изменению диспозиций участников социального процесса.

В таких условиях решающую роль играют коммуникационные стратегии, выстраиваемые институтом власти. Коммуникационная стратегия – реализация концептуально-теоретического элемента мировоззрения в технологиях социального взаимодействия. Конструирование стратегий коммуникации является целерациональным процессом, который в нашем случае генерируется или координируется властным институтом. Мы исходим из идеи управляемости модернизационного процесса, задействующей различные ресурсы: ценности, социокультурные традиции, нормы. Миссией коммуникационных стратегий как инструмента модернизации выступает не просто создание благоприятной легитимной среды, санкционирующей социальное действие, но формирования значимости и ценности модернизации как ключевого процесса совершенствования жизни. Модернизация, освоенная внутренним духовным миром индивида, становится осмысленным процессом, личность понимает нужность, важность и неизбежность социальных преобразований. Важную роль здесь играет государство – «центр управления изменениями», а коммуникация выступает ключевым «инструментом модернизации».

Рассмотрим директивную и консенсусную модели коммуникации. *Директивная* предполагает внедоговорную основу, когда инициативы модернизации конструируются и реализуются властью. Ключевым институтом, принимаю-

щим модернизационные решения, выступает государство, которое директивно формулирует идеи и пути их воплощения, настойчиво и безапелляционно включая социальных, политических субъектов в политику преобразований. Для такого типа коммуникационного взаимодействия свойственен выбор генеральной линии, «вертикальный» характер мобилизации ресурсов. Такая модель успешна в гомогенных средах. Данная стратегия не предполагает общественной дискуссии, институты вовлекаются в процесс, подчиняясь логике власти, отсутствуют мотивация и понимание модернизационных преимуществ. Директивная модель характеризуется локализацией во времени и тотальным расширением пространства, где осуществляется модернизация. Модернизационный процесс носит «догоняющий» характер, где призыв власти к «гонке модернизации» является монологом при отсутствии возможности говорить другим субъектам, а если последние и будут говорить, то их не будут слушать. Очевидны рискогенные профили: ограниченность во времени, большой объем задач, широкое пространство трансформаций поддерживается, с одной стороны, силовыми методами, имеющими репрессивный характер и санкции, а с другой – мощной идеологией, транслируемой государственной пропагандистской машиной с включением образа «внешнего врага», задач исторического лидерства. Человек здесь выступает не активным участником модернизации, а является, применив слова американского политолога Р. Даля, «аполитичной глиной, из которой политики что-то лепят». При реализации такой стратегии духовные ресурсы участников модернизации не являются капиталом, который эффективно используется, а в лучшем случае – ценностным фоном, на котором разворачиваются образы и идеалы прошлого.

Институт государства формирует пространство изменений, где доминируют вертикальные связи, позволяющие объективно в критических условиях реализовать соответствующие задачи. В рамках такой «вертикализации» можно говорить об институциональном отборе, когда акцент делается на ключевом институте, выступающем генератором глобальных изменений. Так, для России, по словам академика Ю. С. Пивоварова, системные изменения, в том числе модернизационного характера, начинались с реформы института армии, впоследствии определяющей историческую эпоху: при Иване III создается мобильная дворянская конница, или дворянское сословие, морской флот и армия – цель Петра I и др.

Задача консенсусной стратегии – обеспечение эффективной коммуникации между различными сегментами социально-политического пространства через систему мотивации участников. Участник модернизационного процесса должен стать

агентом модернизации, не только проводником идей, но и генератором действия. Результатом выступает конвенция, договор, воплощающий модернизационные решения на основе понимания участниками выгод и рисков. Пространство коммуникации является пространством формирования договоренностей, а консенсус становится главным идеологическим продуктом модернизации. Действия власти направлены на мотивирование субъектов модернизации, и такое отношение базируется на понимании социокультурных оснований, традиций, духовного опыта – вовлекаемого в процесс участника – малой социальной группы, нации. В этом случае власть слушает и слышит социального субъекта. Консенсусная модель предполагает реализацию диалоговой модели, обратную связь, обсуждение хода модернизационного процесса, контроль качества модернизационных эффектов. Один из ключевых принципов, способных воплотиться в рамках данной стратегии, – публичный контроль, в который включены различные участники модернизации, ключевую роль здесь играют институты гражданского общества. Пространство консенсусной модели структурируется горизонтальными связями, где присутствует не только генеральная линия модернизации, инициированная элитой, а действуют, в том числе на принципах самоорганизации, другие участники, мотивированные изменениями, они включаются в процесс, трансформируя свой статус из объекта в активного субъекта трансформаций. Участники обладают правом, а главное – возможностями предлагать свои решения и выстраивать на их основе стратегии поведения. Такая модель является эффективной и целесообразной в условиях многонационального полисубъектного общества. Так, федеративное устройство нашей страны, уникальная история, культура, национальные традиции различных народов, наций, этносов должны, в первую очередь, учитываться при определении тактических рисунков модернизации.

Мы выделяем два ключевых эффекта реализации консенсусных коммуникационных стратегий в условиях модернизации. Это самоорганизация и доверие, формирующие горизонтальную и вертикальную ось коммуникационного пространства модернизации. Тема доверия представлена в творчестве Э. Гидденса, который говорит о нем как об основе принятия решения⁵. Отсутствие доверия может привести к деструктивным последствиям для социальной системы: нарушается социальное взаимодействие, нарастает рискогенность (а Э. Гидденс напрямую увязывает риск и доверие), возрастает неопределенность. Формированию доверия к власти как институту, гарантирующему эффективную модернизацию, угрожает риск утраты взаимопонимания. Доверие выступает одним из генеральных духовных

ресурсов модернизации, чей публичный дискурс ориентирован на достижение поддержки, сокращение дистанции доверия, преодоление барьеров в понимании. Доверие неотделимо от ответственности, которая должна усиливаться со стороны власти как модератора модернизации. Доверие – ответственность – классическая конструкция, которая проявляется с особой актуальностью во время социальных изменений.

Самоорганизация агентов модернизации невозможна без коммуникации, в сущности, социальная самоорганизация есть коммуникация, взаимодействие. Эффективная коммуникация должна формировать стремление к эффектам самоорганизации и социальной консолидации, когда субъекты осознают значимость и ценность модернизационных преобразований, выстраивают стратегии на основе диалога и консенсуса. Эффективные коммуникации определяют самосознание и самопонимание, позволяющие социальным группам артикулировать свои потребности и намерения, через реализацию демократических процедур приобрести опыт согласования «модернизационного интереса». Модернизация через коммуникацию формирует возможности функционировать в пространстве изменений.

Стратегии, обозначенные выше, позволяющие говорить не просто о коммуникациях, а о риск-коммуникациях. Современное модернизирующееся общество находится в измененном состоянии, открыто новациям, в нем процессы коммуникации являются амбивалентными процессами. С одной стороны, коммуникация открывает общество изменениям через трансляцию образцов лучшей жизни, успешного и комфортного будущего, создает основу для устойчивого развития через вариативность, генерирующуюся диалогичностью, а с другой стороны – импортирует риски, которые, будучи подкреплены коммуникационным основанием, представляют собой значительно усложненный объект управления и минимизации. Таким образом, коммуникация модернизирующегося социума – риск-коммуникация, снижающая и усиливающая одновременно неопределенность, нестабильность, непредсказуемость. Интересна позиция А. Л. Стризов, определяющего связь коммуникативных рисков власти «со способностью предотвращать и урегулировать разного рода социальные конфликты формированием широкого социального консенсуса, выбором оптимального режима коммуникации»⁶.

Реализация коммуникационных стратегий в условиях модернизации влечет за собой развитие рисков, представляющих угрозу обществу. Как отмечалось выше, однонаправленность коммуникационных импульсов, раскрывающаяся в директивной модели, не способна сформировать пространство согласования действий субъектов модернизации. Общество не видит смысла в

модернизации потому, что до него, до каждого его члена не доводят информацию о ее преимуществах. Как правило, это происходит и потому, что власть в лице государства не обладает четким планом, стратегией модернизационного развития. Такое игнорирование социального интереса не только не создаст социальную базу модернизации, но и делает усилия самой власти провальными даже в условиях избранной ею директивной модели.

Выстраивание стратегий коммуникации предполагает активное использование ресурсов интернет-среды. Коммуникация современного мира интенсифицируется прежде всего с помощью интернет-факторов. Социальные сети способны выступать виртуальной площадкой общения по поводу ключевых проблем модернизирующегося общества. Речь также может идти о развитии блогосферы, пропагандирующей ценности и преимущества модернизации. Лидеры сетевого сообщества могут стать агентами модернизационных изменений. Интернет лоялен к различным формам атрибутирования модернизационного интереса.

Коммуникативное пространство, которое должно быть сформировано, если мы рассчитываем на успех модернизации, представлено различными версиями, конформистскими или оппозиционными, но проясняющими суть модернизации для конкретного общества. Важнейшую роль в этом процессе играет экспертное сообщество, чей дискурс является определяющим в диалоге. Экспертный дискурс – особый модус дискурсивности. Фундаментальная роль экспертного сообщества отмечается классиками науки – У. Бэком, Э. Гидденсом. Эксперт представляет собой лидера эпохи, соединяя в себе следующие возможности: его знание сциентизировано – он представитель, как правило, академических сред, имеющий практический опыт, его массмедийный профиль определяется его востребованностью СМИ. Экспертотократия – власть экспертов – выступает, прежде всего, как медийная экспертотократия, дискурс этого сообщества может и должен формировать поле конструктивной коммуникативности по поводу преимуществ модернизации. В то же время очевиден риск реализации их манипулятивных способностей. В условиях модернизирующегося социума особый акцент должен быть сделан на открытом, публичном диалоге по поводу ключевых тем модернизации с вовлечением максимального числа участников, готовых принять участие в общественной дискуссии.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Риски и сценарии модернизационного транзита в институциональном измерении российских регионов» при поддержке гранта Президента РФ (№ МК-400.2011.6).

Примечания

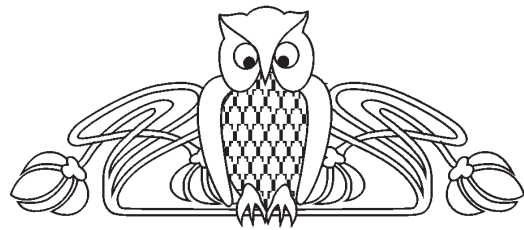
- 1 См.: Дегтярёв А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 109.
- 2 Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 25.
- 3 Кравченко В. И. Власть и коммуникация : проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб., 2003. С.109.
- 4 Ахиезер А. Россия : критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 210.
- 5 См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P. 200.
- 6 Стризое А. Л. Власть риска и риски власти // Власть. 2012. № 3. С.19.

УДК 001:1+7:1

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСТВА

В. М. Дармограй

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterinadar@mail.ru

В статье рассматривается проблема сущностных характеристик сознания, вне понимания которого невозможно осмыслить условия и предпосылки, способствующие творчеству. Показано, что сознание можно представить только в контексте потенциала, возможности или готовности к реализации, а сама реализация или активность сознания является уже новым качественным состоянием, которое определяется как мышление, поэтому сознание можно обозначить только посредством символа.

Ключевые слова: сознание, возможность, вероятность, действительность, свобода, «фокус» сознания, аксиологическая и смысловая матрица.

Symbolic Nature of Consciousness in the Aspect of Creativity

V. M. Darmogray

The article deals with the problem of the essential characteristics of consciousness. It is impossible to comprehend the premise of creativity without understanding that. Consciousness can be represented only in the context of potential. The activity of consciousness is a new qualitative state of mind which is defined as thinking. As a result, consciousness can be defined only by the symbol.

Key words: consciousness, possibility, probability, reality, freedom, the focus of consciousness, axiological and semantic matrix.

Предельно общая и относительно простая схема (или модель) творчества может быть представлена как хаос–порядок, где хаос метафорически символизирует сам процесс творчества, его таинство, непостижимость, проблемность. Творческий процесс связан с сознанием, мышлением, условной единицей измерения или описания которых может быть хронотоп, где хронос символизирует временные параметры творческого процесса, а топос – пространственные. Однако подобные рассуждения предполагают обоснова-

ние сущности сознания или точки зрения автора относительно определения сознания, иначе все выводы по поводу творчества как бы повиснут в пустоте. Мы считаем, что понимание сознания как некоего объекта, подлежащего исследованию, не имеет под собой никаких оснований, так как сознание есть временная (длящаяся) форма субъективного характера, которую в принципе невозможно абстрагировать от содержания, на которое направлено сознание. Эта направленность есть интенциональность, «высвечивающая» объект (предмет) исследования. Отсюда несостоятельны концепции сознания, сводящие этот феномен только к состоянию психической жизни индивида, хотя, безусловно, сознание связано с психикой, как и с субстратной основой, т. е. с мозгом. Но сводить сознание только к условиям, к предпосылкам несостоятельно. Активная субъективная форма как психическое состояние предполагает еще и нейродинамический уровень и далее – квантовый (процесс мышления как целесообразная селекция квантовых альтернатив – Е. И. Иванов).

Продолжать подобную редукцию можно до бесконечности, а вот процессы, связанные со становлением и развитием субъективной формы или с субъективным переживанием – осмыслением событий как внешнего, так и внутреннего мира без акцентирования на содержании, которое может касаться природы, культуры, своего отношения к этим объектам, включая и состояния субъективного характера (познавательные, аксиологические, эвристические и другие), – заслуживают внимания, так как речь идёт об универсальной форме субъективного характера, которая, существуя потенциально, активизируется по мере становления интенциональности. Безусловно, поста-

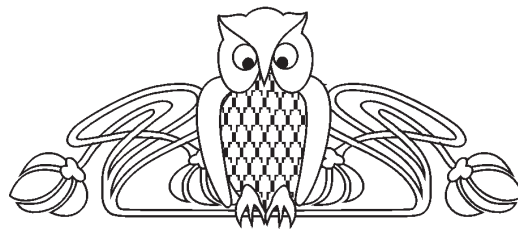
- ⁵ См.: Бляхер Л. Представляю номер // Полис. 2006. № 6. С. 6–23.
- ⁶ См.: Веселкова Н. В. Ментальные карты города : вопросы методологии и практика использования // Социология : методология, методы и математическое моделирование. 2010. № 31. С. 6–7.
- ⁷ См.: Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. 335 с.
- ⁸ Цит. по: Лейбович О. Л., Кабацков А. Н., Шушкова Н. В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2004. № 1. С. 91–105.
- ⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 464 с.
- ¹⁰ Барбошина Н. В. Молодежь и малый город : проблемы «переходного» возраста / Время культуры и студент в зеркале времени : «переоткрытия». Самара, 2011. С. 35.

УДК 124.5

ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ И ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е. В. Высоцкая

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: solo8@mail.ru

В статье рассматривается понятие ценности как имеющее исключительное значение для анализа бытия личности, так и в изучении социальных процессов и изменений. Определены структурные уровни личностного бытия, которые выступают основанием для выделения основных групп ценностей.

Ключевые слова: личность, ценности личности, личностное бытие.

Values of the Personality in Social and Ontologic Aspects

E. V. Vysotskaya

The concept of value has an exclusive importance for the analysis of personal life and in studying of social processes and changes. Structural levels of personal life which act as the basis for allocation of the main groups of values are considered.

Key words: personality, values of the personality, personal life.

Проблема ценностей в социальном и онтологическом аспектах осмысливается как в западной, так и в отечественной философии. Классический подход к ценностям обозначил И. Кант. В объективно-онтологических системах (В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Шелера, Н. Гартмана) ценность рассматривалась как понятие, обозначающее достоинства духовного бытия человека, особую трансцендентную реальность. В субъективном варианте ценности выступали в качестве характеристики бытийной автономии человеческой личности (это характерно для представителей экзистенциализма – М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра). Особое место в разработке проблемы ценности занимает Ф. Ницше, определивший единое начало для всех ценностных категорий. В эмотивизме (Ч. Огден, А. Ричардс) мы видим анализ языка ценностных суждений и определе-

ние последних как выражения чувств субъекта. Представители логического позитивизма – Б. Рассел, Р. Карнап, Л. Витгенштейн – отличались строгим противопоставлением ценностных и познавательных суждений.

Русская философия развивала в основном этическую сторону аксиологических учений. В трудах Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, С. Л. Франка представлено религиозное понимание ценностей, при этом аксиологическая проблематика рассматривается в тесной связи с исследованием сущностных начал мира и развития общества. Ценностные устремления личности рассматриваются как актуализация абсолютного, обосновываются в аспекте индивидуальной свободы и духовного творчества.

Ю. И. Истошин рассматривает ценности как «один из присущих личности шаблонов для оценки, для осознанного или неосознанного измерения допустимых в конкретных обстоятельствах образцов социального поведения»¹. По мнению И. Фролова, ценность это «реалия социального бытия, имеющая собственные бытийные формы, процессуальные особенности, закономерности возникновения, существования и развития в социальном пространстве»². В. Б. Ольшанский сравнивает ценности с маяками, помогающими «заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в позитивном или негативном смысле) для жизнедеятельности человека; это такие ориентиры, придерживаясь которых человек сохраняет свою определенность, внутреннюю последовательность своего поведения»³.

Рассматривая проблему ценностей, можно опереться на понятия «личностный смысл», вве-

денное А. Н. Леонтьевым, и «ценностное отношение», употребляемое В. Н. Мясищевым⁴. А. Н. Леонтьев утверждал, что ценности формируются в деятельности, т. е. определяют человека как субъекта деятельности и как личность (личность по А. Н. Леонтьеву формируется в деятельности). Противоположной точки зрения придерживался В. Н. Мясищев: он считал, что ценности являются личностной характеристикой и поэтому определяют поведение человека. От ценностей зависит социальная позиция личности.

В русле личностно ориентированного подхода природа ценностей раскрывается в концепции В. П. Барышкова. Ценности – нечто такое, что относится к определяющим основаниям жизни, человеческого общежития. Это не просто то, что можно употребить на что-то, что имеет преходящее, ограниченное значение, а то, во имя чего проживается жизнь, то, чего люди хотят ради него самого, а не ради чего-то другого. Ценность имеет значение должного, и даже реализованная не теряет этого качества. Она есть горизонт, поскольку, будучи достигнутой, находится в процессе реализации, реализуется в каждом новом акте жизни, всегда утверждается как сама жизнь. Она должна иметь всеобщий характер как для данной единичной жизни, так и для данной своеобразной культуры. Ценности можно выразить в идеях, обосновать их логически, но сами они не суть идеи, а то, что можно характеризовать как некий путь жизни, образ жизни или как определенный способ бытия человека в мире, способ отношения к миру. Ценности составляют всеобщее как смысл всего пространства души индивида, придающее таким образом ему целостность⁵.

Понятие ценности рассматривается как имеющее исключительное значение для анализа бытия личности, так и в изучении социальных процессов и изменений. В плане индивидуального существования ценности человека выступают сферой соприкосновения субъективного и объективного бытия, внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего, в чем и заключено их субстанциональное значение. Через изучение ценностей, воспринимаемых человеком извне, происходит осмысление процесса «включения» субъекта в мир объективного, его участия и собственной оценки в составе бытия. Через анализ ценностей, вырабатываемых самим субъектом и утверждаемых им в качестве должных или желаемых целей развития общества в целом, происходит понимание роли субъективного переживания, чувствования, осознания, воплощенное в духовно-волевом акте и направленное в объективное внешнее бытие.

Поскольку и личность, и мир представляют собой динамичные, постоянно изменяющиеся системы, суть их отношений заключается во взаимовлиянии, определяющем направленность

дальнейших изменений. Ценности в этом смысле выступают мерой осознания личностью собственной бытийственности и критерием значимости бытия (его феноменов) для ее развития. В индивидуальном бытии ценности выступают основанием духовной бытийственности личности. По нашему мнению, ценностное основание присутствует в каждой из духовной составляющих жизнедеятельности личности. Ценностное основание – явное или неявное, оформленное в понятии или стихийно присутствующее в принципах, взглядах, деятельности членов общества – является необходимым условием формирования убеждений, верований, норм жизнедеятельности, директивных действий, реальной готовности личности к определенному типу поведения. Например, ценность свободы, признаваемая личностью в качестве приоритета, будет оказывать влияние и на особенности мировоззрения в целом: индивидуальные образы мира во многом будут характеризоваться открытостью, вера отличаться не догматичной интерпретацией традиционных парадигм, а их неортодоксальным толкованием, эмоции и чувства будут стремиться к раскрепощению и адекватному проявлению, деятельность – к независимости и самоконтролю. Преобладание религиозных (Бог, душа) или социальных (государство, мир, прогресс и др.) ценностей может способствовать развитию других типов мировоззрения, выражающих стремление не столько к самораскрытию и трансформации окружающего по своему образу и подобию, сколько к поддержанию существующих традиций, знаний, форм консолидации для включения в состав некой высшей ценности, несравнимо большей, чем собственное Я.

Таким образом, ценности – сплав конкретно-личностного и социально-всеобщего. Формирование индивидуального ценностного сознания происходит под влиянием социального опыта, но ценностные представления личности не полностью погружены в общественные идеалы. По своей природе ценностное сознание всеобщее, но при этом имеет глубоко личностную, индивидуальную форму существования.

Выделенные структурные уровни личностного бытия выступают основанием для выделения основных групп ценностей, которыми личность руководствуется в своей деятельности:

Ценность телесности: отношение к телу как к ценности самой по себе может иметь различную смысловую нагрузку, обладать различной модальностью – от абсолютизации этой ценности, превращения ее в самоцель (я – это прежде всего мое тело, и на него должна быть ориентирована моя личностно значимая деятельность) до признания второстепенности значимости тела в общей системе социальных ценностей. В первом случае абсолютизация носит столь же

акультурный характер, как и в случае функционального отчуждения тела от субъекта.

Изменение отношения к человеческому телу обусловлено многими факторами: экономическими, социальными, этическими, эстетическими и др. Возрастание значимости тела в современной культуре потребления связано также и с приобретением им особого смысла – как носителя символической ценности, – что сделало проблему «вотелеснивания» социальных смыслов одной из фундаментальных для современного социального познания. Этот процесс начинается в середине XX в., выражаясь в проблемах эстетической красоты тела, его сексуальной привлекательности, здоровья, проблемах питания и лишнего веса. В западноевропейской культуре закладывается «новый тип мышления», связанный с повышением ценности человеческой индивидуальности в современном мире, осознанием своего тела как способа самовыражения и как следствие этого – правом распоряжаться им по своему усмотрению⁶.

Ценность пространства и времени. Ценностное отношение к пространству выдвигает проблему личности в центр субъективного пространства. Этот переход точно обозначил М. С. Каган: «Как только мы начинаем рассматривать пространство не само по себе и не в его отношении к органам восприятия, а в отношении к человеку как субъекту, оно мгновенно становится субъективированным, то есть приобретает ценностную значимость для субъекта»⁷. Оценивая значимость пространства не только с позиций полезности территории для реализации своих потребностей, интересов, целей, личность неизбежно приходит к осознанию ценностей, которые захватывают глубинные пласты пространственной бытийственности.

П. П. Горноста́й утверждает, что категория времени занимает центральное место в жизни личности, а порой ассоциируется с ценностью самой жизни⁸. Ценность времени зависит от ряда факторов: на оценку значимости времени влияют эмоциональное отношение личности к событию и отрезок жизненного пути, на котором находится человек.

Ценность социального общения. Каждому человеку в той или иной степени присуща потребность в общении, налаживании социальных контактов. С одной стороны, это потребность в новых впечатлениях, чувствах, знаниях, а с другой – желание поделиться с партнером своими переживаниями и мыслями. Социальное общение является процессом информационного обмена, потребность в котором для человека не менее важна, чем, допустим, потребность в обмене вещей. Однако от любого другого обмена информационный отличается тем, что в результате происходит обогащение определённым

опытом каждого собеседника, участвующего в общении.

В исследованиях П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской выделяются семь основных характеристик для описания индивидуальной стратегии самовыражения личности в общении⁹. Первая – степень осознанности и целенаправленности посылаемой информации о себе. Люди существенно различаются по способности к управлению процессом формирования впечатления о себе у окружающих. Вторая – естественность или искусственность создаваемого образа. Каждый человек пользуется всеми средствами самораскрытия и самопрезентации в зависимости от ситуации, собственных мотивов. Третья характеристика – активность самовыражения человека в общении. Учитываются объём, длительность, частота стремления личности быть в центре внимания окружающих, демонстративность поведения. Четвёртая – широта самовыражения личности, определяющаяся по количеству сфер общения. Пятая – вариативность презентуемых образов. Существуют значительные различия между людьми в способности менять свой имидж и манеру поведения. Шестая характеристика – нормативность или окультуренность самовыражения личности. В процессе самовыражения человек находится в определённой ролевой позиции, и каждая социальная роль содержит негласные или четко обозначенные предписания по её исполнению, которые существуют в виде традиций в культуре. Седьмая – креативность самовыражения личности. Каждый человек имеет возможность привнести в свою социальную роль аспекты, основанные на личном опыте, использовать новые стратегии самопрезентации.

Ценность идентификации и самореализации. Психологи и философы утверждают, что всем людям, но в разной степени присущ бессознательный импульс к самореализации («человеческая воля к жизни» А. Шопенгауэра, «воля к власти» Ф. Ницше, «стремление к превосходству» А. Адлера, «притязание» К. Левина). Сама жизнь выдвигает на первый план потребности личности разобраться в самой себе, изучить свою самость, свои возможности и достоинства, соизмерить их с реальностью.

Идентификация реализует потребность в ощущении глубоких временных – исторических корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия; человек ощущает свою преемственность, превосходящую масштаб собственной жизни и находящую её в масштабах эволюции всего общества.

Однако фрагментарность социального и культурного опыта современного человека нередко порождает неспособность разобраться в самом себе и приводит к ложным самоидентификациям.

Так, личность может начать идентифицировать себя со своими потребностями. Страх же перед невозможностью удовлетворить потребности делает человека неспособным к самобытному существованию, он живет автоматически, не глядя в себя.

Человек идентифицирует себя с социальной маской, не подозревая о своем внутреннем, глубинном измерении, не понимая, что это внешнее эмпирическое «я» вовсе не вся личность, а лишь ее незначительная внешняя проекция. В силу этого у него «...нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя “кем-то”; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто»¹⁰. Эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой «личности» объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важна. От нее зависит не только успех в практических делах, но и способность сохранить самоуважение: без него человек скатывается в пропасть неполноценности.

Одной из основных причин возникновения кризиса самоидентификации в современном обществе является то, что обычно сохранение своего идентификационного статуса является одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств, и если моральные ценности связаны в большей степени не с внутренним духовным опытом, а с соответствующей идентификацией, то наступает почти полный моральный вакуум¹¹.

Таким образом, ценности – это ответы личности на ключевые вызовы бытия – смерти, одиночества, чуждости миру, абсурдности, несвободы. Это попытки внести в существование, не имеющее заранее заданной цели и смысла, значения, создать (или изменить) себя и мир в соответствии с собственной преференцией. Ценностное творчество является выражением свободы личности по отношению к природно-социальной программе, возможностью «перекодировки» собственного Я и окружающего мира в

направлении значимого идеала и, следовательно, важнейшим фактором динамики человека, социума, культуры как «открытых» систем.

Эпоха ценностных перемен — не только отражение происходящего в социуме и природе, но и творчество новых установок, ориентиров сознания, призванных преодолеть сложившиеся кризисные явления. В этом смысле ценности – не вторичный феномен, выражающий следствие перемен во внешней для личности сфере, а активный, потенциально креативный, способный указать направление дальнейших действий индивида и общества.

Примечания

- ¹ Истошин И. Ю. Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения / отв. ред. М. И. Бобкова, Е. В. Шорохова. М., 1979. С. 263.
- ² Фролов И. Ценностное понимание человека // Alma Mater. Вестн. высшей школы. 2006. № 7. С. 36.
- ³ Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 471.
- ⁴ См.: Мясников В. Н. Сознание как единство отражения действительности. СПб., 2001. С. 75–77.
- ⁵ См.: Барышков В. П. Аксиология. Саратов, 2009. С. 29–30.
- ⁶ См.: Травайо И. Социология телесных практик // Социальные и гуманитарные науки. Социология. Сер. 11. 2000. № 4. С. 3–12.
- ⁷ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 73.
- ⁸ См.: Горностай П. П. Творчество как форма освоения и переживания времени личностью // Психология личности и время жизни человека : сб. науч. докл. Черновцы, 1991. С. 24.
- ⁹ См.: Психология личности / под ред. проф. П. Н. Ермакова, проф. В. А. Лабунской. М., 2007. 653 с.
- ¹⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С. 116.
- ¹¹ См.: Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007. С. 34–35.

своеобразие модернизационного проекта России путём обращения к тем моментам исторического развития, которые демонстрируют превосходство её цивилизационных характеристик над основными политическими конкурентами;

4) исходя из этого, целью модернизации в России является не достижение уровня развития, свойственного модернизированным западноевропейским обществам, а легитимация существующего социального и политического порядка, сознательно противопоставляемого альтернативным формам социального бытия. Используемая стратегия конфигурирования пространства памяти может быть названа *имперской* в силу того, что единство отдельных топосов прошлого достигается за счет поиска исторических оснований централизации и универсализации современного российского социального и культурного пространства.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (№ 12-33-09003).

Примечания

- 1 См.: Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 23.
- 2 Калинин И. Археология национального знания // Неприкосновенный запас. 2012. № 1. С. 15.
- 3 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 100–101.
- 4 Гавров С. Н. Указ. соч. С. 7.
- 5 Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 13–14.
- 6 Там же. С. 20.
- 7 Калинин И. Ностальгическая модернизация : советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 24.
- 8 См.: Halbwachs M. The Collective Memory. N.Y., 1950. P. 48–49.
- 9 Ср. понятие «supra-identity» у А. Янова (см.: Янов А. Цивилизационная неустойчивость России // Неприкосновенный запас. 2003. № 3. С. 112–117).

УДК 008.001

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОГО ГОРОДА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ГОРОДА БУЗУЛУКА

Н. В. Барабошина

Бузулукский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета
E-mail: baraboshina@mail.ru

Статья посвящена определению специфики социокультурного пространства малого города Бузулука, расположенного на границе Оренбургской и Самарской областей. Использована методика ментальных карт, которая позволяет через фиксацию физических объектов городского пространства воспроизвести и структурировать социокультурное пространство города и значимое пространство личности в этом городе.

Ключевые слова: малый город, пространство малого города, форма города, городская среда, ментальная карта, публичная сфера, приватная сфера, креативное городское пространство.

Sociocultural Space of a Small town: Studying Experience of Buzuluk Mind Maps

N. V. Baraboshina

The article deals with the problem of the sociocultural specific of a small town Buzuluk located on the border of Orenburg and Samara regions. The author describes an actual technique of mind maps which allows to

reproduce and structure sociocultural space of the town and significant space of the personality in it through fixing of physical objects.

Key words: small town, space of the town, town form, urban environment, mind map, public sphere, private sphere, creative town space.

В наше время в эпоху глобализации российские города стали местом концентрации новых экономических, политических, социокультурных процессов. В связи с глобализационным сжатием «пространства и времени»¹ пространство отдельного города все более теряет свое значение. Исследователи предполагают, что социокультурные трансформации в городах заданы требованиями транснационального капитала (ТНК), мировой торговли. Глобальные города стали базами для международных операций ТНК, «командными пунктами» крупных финансовых

компаний для определения системы производства и руководства рынком сбыта. Они не имеют ничего общего с «местом» города и с городским пространством, все больше переходя в пространство виртуальное².

В этой связи особую актуальность приобретает изучение пространства малого города, слабо или в деформированном виде подверженного этим изменениям. Малый город, формируя своеобразные пространственные феномены, демонстрирует пример не только физической, но и ментальной близости человека и «места» (пространства города). Оно не столь насыщено товарами, услугами, благами, нежели пространство мегаполиса, но определяет комфорт городской организации как сложного взаимодействия природных, материальных, политических, социальных и культурных факторов.

Уже К. Линч различал реальное городское пространство и «образ города», возникающий в сознании горожан³. В отечественной науке интересны исследование Н. Ю. Замятиной, посвященное анализу ментальных представлений о конкретном географическом месте⁴, изучение пространства России с помощью метода ментальных карт⁵, проект «Трансформация городского пространства и мобильность населения» (2008–2009 гг., Екатеринбург)⁶.

Большинство исследователей отмечают, что улицы, районы, памятники имеют для человека ценностный смысл, формируя особое пространство (облик) города, создавая городскую среду. Город можно описать, только увидев смыслы, которыми наделяют пространство сами жители, так пространство города обретает качество городской среды. Зафиксировать эти смыслы пространства можно используя метод ментальных карт (mindmap), представляющих собой изображения местности, выполненные информантом по просьбе исследователя. Так, С. Милграм просил парижан нарисовать карту города, на которой они могут обозначить все его элементы, которые придут на ум: памятники, площади, отдельные кварталы, улицы и т.п. Участников предупреждали, что набросок должен выражать их видение города, а не представлять собой туристическую карту⁷. В нашем исследовании студенты Бузулукского гуманитарно-технологического института изображали на карте города то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для города; было подготовлено 30 ментальных карт города.

Обратимся к рассмотрению ментальной карты жителя малого города Бузулука: особое внимание студенты уделили обозначению путей сообщения – дорог (28 упоминаний на карте), вокзала (21), остановок (7), мостов (городской виадук, связывающий две части города, – 21), транспортных развязок (4), автозаправочных

станций (3). Создается впечатление, что респонденты обозначают «пути отступления» из города, воспринимают его как своеобразный транзитный пункт. Пожалуй, это наиболее точно обозначенные элементы городского пространства, при этом границы города не отмечены как смыслообразующие, значимые линии. Во многом это связано с тем, что провинциальные города слиты в сознании их жителей с пригородами: обозначая городское пространство, студенты указывали на наличие садов, огородов, дач как элементов пространства города, находящихся за его пределами.

Система районирования на картах отражена слабо: в лучшем случае присутствуют границы микрорайонов (5), а районы не обозначены. Это можно объяснить тем, что пространство малого города в сознании его жителей изначально слабо расчленено. Большие города демонстрируют бесконечно усложняющуюся «форму» города, наличие элементов избыточного благоустройства – фонтаны, набережные, торговые и спортивные центры. Именно эти элементы позволяют структурировать пространство в сознании горожанина. Малые города могут только сохранять «форму» города, по мере сил реконструируя советский набор элементов: дворец культуры, кинотеатр, здание администрации, центральная площадь, Вечный огонь. Районирование такого города проточное, в котором можно определить только центр и его окраины.

Во внутреннем пространстве малого города можно проанализировать две смысловые зоны – приватную и публичную. По формуле Г. П. Бардта, «город — это поселение, в котором повсюду, в том числе и в повседневной жизни, проявляется тенденция к поляризации между публичным и приватным»⁸.

Во многом пространство города определяется потребностями человека, поэтому в поле зрения гражданина оказываются наиболее полезные для него объекты и пути их достижения, связанные с обеспечением его жизнедеятельности. Они и составляют утилитарное пространство города: школа (обозначена на 15 картах), институт (23), больницы (7), банки (3). Доминирующими точками городского ландшафта стали магазины (21), гипермаркет «Магнит» (10), рынки (2). Такое диспропорциональное преобладание сферы потребления и практически полное отсутствие на ментальных картах сферы производства (завод тяжелого машиностроения – 2) не может не привлечь внимания исследователя.

На наш взгляд, в современных условиях крупные промышленные предприятия, которые в большинстве малых городов переживают не лучшие дни, перестают определять пространственные координаты города. Границы городского пространства размываются, теряют всякую ценность: доминантами становятся торговые центры,

где горожанин потребляет товары и услуги, чтобы обрести некое подобие «смысла» быть горожанином. Эту особенность социокультурного восприятия города как торгового центра прослеживает Ж. Бодрийяр, отмечая, что гипермаркет служит пространством «операционной симуляции социальной жизни»⁹.

Еще один круг пространства представлен собственно приватной зоной. Основным контрапунктом, организующим приватную зону, становится дом: родительский (24), родственников (17), друзей (12), знакомых (3) и т. д. Ценность «дома» для провинциального человека очень велика: именно дом, а не место работы определяет успешность жизни. Это подтверждается и многочисленными глубинными социологическими интервью, взятыми у студентов Бузулукского гуманитарно-технологического института в 2010–2011 гг.¹⁰.

Публичная сфера в пространстве малого города очень слабо выражена. Основными ее элементами выступают центральная городская площадь им. Ленина (13), здание администрации (7), здание налоговой инспекции (1). Следует отметить, что эти объекты, обозначенные на ментальных картах, фиксируют места пребывания молодых горожан («перед Белым домом», «под Лениным»), – места их встреч и прогулок. Так, объекты публичной общественно-политической сферы выступают в качестве мест проведения досуга.

Креативное пространство малого города также слабо представлено, а значит – подменено сугубо эксплуатационным. Если попытаться проанализировать публичное пространство, которое сложилось в Бузулуке, то понятие «thirdplace» (креативное, субкультурное «место») в нем практически отсутствует. Молодые жители города затрудняются с определением самого понятия досуга, в лучшем случае говоря о «просиживании» в социальных сетях, просмотре фильмов, упоминается и традиционное времяпрепровождение: «пройтись с друзьями», «погулять», «пообщаться». Местом такого общения является центральный парк (12), аллея (8). На ментальных картах в небольшом количестве представлены кафе (7), ночные клубы (4). Пытаясь воссоздать досуговое пространство города, студенты обозначали стадионы (11), спортивные центры (2), бассейн (8), спортивные школы (2). На наш взгляд, это связано с традиционной дислокацией (стадион «Олимпиец») в городе школы олимпийского резерва по самбо, дзюдо, волейболу, баскетболу, боксу, карате, прыжкам в воду и плаванию, детской спортивной школы олимпийского резерва по легкой атлетике и лыжному спорту (лыжная база – 2).

Социокультурное пространство города на ментальных картах практически не получило отражения: обозначены только Вечный огонь (3),

церковь (1), городской музей (3), памятник основателям города Бузулука (1). Это может означать, что данные элементы городского пространства значимыми для студентов не являются.

Карты говорят на языке города о жизненных ценностях, приоритетах, привычках своих создателей, о чем-то они проговариваются помимо воли авторов. Человек постоянно живет в состоянии «сотворения культурного пространства» и, основываясь на сложившемся пространстве города, черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Социокультурное пространство города выступает важнейшей характеристикой бытия, от его восприятия напрямую зависит деятельность человека по освоению и переработке окружающего мира. Оно хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человека, пополняясь в результате культурной деятельности людей. Если культурное пространство города слабо представлено на ментальной карте, значит оно не обладает смыслом для горожанина, не участвует в формировании культурного пространства личности. «Сжатое» (бедное) культурное пространство города, в свою очередь, приводит к обеднению пространства реализации человеческого потенциала (возможностей, способностей, желаний и пр.), социальных программ.

В любой ментальной карте переплетаются личностное видение пространства города и реальный городской ландшафт. Чем точнее и полнее на ментальной карте информант отражает элементы городского пространства, чем точнее определяет его смысловые границы и ориентиры, тем более значимым в его глазах является сам город. Востребованность метода ментальных карт сегодня обусловлена активным поиском региональной, городской, местной идентичности, созданием эффективных имиджей города, городских брендов. В условиях возрастания конкуренции – между городами и регионами за инвестиции, специалистов в различных областях науки и сферах производства – малые города в силу своей специфики, в том числе и городского пространства, оказываются либо рентабельными, представляющими социальные лифты, либо лишенными перспектив.

Примечания

- ¹ См.: *Harvey D. Spaces of Capital : Towards a Critical Geography* / Edinburgh : Edinburgh, 2001. 320 p.
- ² См.: *The Global City* / ed. S. Sassen. N.Y. ; L ; Tokio [et al]. 2001. 412 p.
- ³ См.: *Линч К. Образ города*. М., 1982. 328 с.
- ⁴ См.: *Замятина Н. Ю. Когнитивная география : предмет и основные понятия* // *Вопр. экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 18. М. ; Смоленск, 2009. С. 57–69.

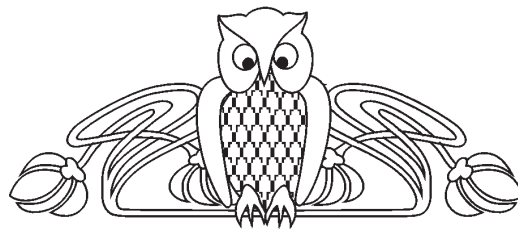
- ⁵ См.: Бляхер Л. Представляю номер // Полис. 2006. № 6. С. 6–23.
- ⁶ См.: Веселкова Н. В. Ментальные карты города : вопросы методологии и практика использования // Социология : методология, методы и математическое моделирование. 2010. № 31. С. 6–7.
- ⁷ См.: Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. 335 с.
- ⁸ Цит. по: Лейбович О. Л., Кабацков А. Н., Шушкова Н. В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2004. № 1. С. 91–105.
- ⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 464 с.
- ¹⁰ Барбошина Н. В. Молодежь и малый город : проблемы «переходного» возраста / Время культуры и студент в зеркале времени : «переоткрытия». Самара, 2011. С. 35.

УДК 124.5

ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ И ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е. В. Высоцкая

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: solo8@mail.ru

В статье рассматривается понятие ценности как имеющее исключительное значение для анализа бытия личности, так и в изучении социальных процессов и изменений. Определены структурные уровни личностного бытия, которые выступают основанием для выделения основных групп ценностей.

Ключевые слова: личность, ценности личности, личностное бытие.

Values of the Personality in Social and Ontologic Aspects

E. V. Vysotskaya

The concept of value has an exclusive importance for the analysis of personal life and in studying of social processes and changes. Structural levels of personal life which act as the basis for allocation of the main groups of values are considered.

Key words: personality, values of the personality, personal life.

Проблема ценностей в социальном и онтологическом аспектах осмысливается как в западной, так и в отечественной философии. Классический подход к ценностям обозначил И. Кант. В объективно-онтологических системах (В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Шелера, Н. Гартмана) ценность рассматривалась как понятие, обозначающее достоинства духовного бытия человека, особую трансцендентную реальность. В субъективном варианте ценности выступали в качестве характеристики бытийной автономии человеческой личности (это характерно для представителей экзистенциализма – М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра). Особое место в разработке проблемы ценности занимает Ф. Ницше, определивший единое начало для всех ценностных категорий. В эмотивизме (Ч. Огден, А. Ричардс) мы видим анализ языка ценностных суждений и определе-

ние последних как выражения чувств субъекта. Представители логического позитивизма – Б. Рассел, Р. Карнап, Л. Витгенштейн – отличались строгим противопоставлением ценностных и познавательных суждений.

Русская философия развивала в основном этическую сторону аксиологических учений. В трудах Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, С. Л. Франка представлено религиозное понимание ценностей, при этом аксиологическая проблематика рассматривается в тесной связи с исследованием сущностных начал мира и развития общества. Ценностные устремления личности рассматриваются как актуализация абсолютного, обосновываются в аспекте индивидуальной свободы и духовного творчества.

Ю. И. Истошин рассматривает ценности как «один из присущих личности шаблонов для оценки, для осознанного или неосознанного измерения допустимых в конкретных обстоятельствах образцов социального поведения»¹. По мнению И. Фролова, ценность это «реалия социального бытия, имеющая собственные бытийные формы, процессуальные особенности, закономерности возникновения, существования и развития в социальном пространстве»². В. Б. Ольшанский сравнивает ценности с маяками, помогающими «заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в позитивном или негативном смысле) для жизнедеятельности человека; это такие ориентиры, придерживаясь которых человек сохраняет свою определенность, внутреннюю последовательность своего поведения»³.

Рассматривая проблему ценностей, можно опереться на понятия «личностный смысл», вве-

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС: ТОПОСЫ ПРОШЛОГО В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Д. А. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена вопросу использования социальной памяти в качестве основного ресурса модернизационных процессов, протекающих в современной России; анализируются актуальные стратегии обращения к прошлому; устанавливается, что российская модернизация характеризуется особыми политическими и социокультурными целями, кардинально не схожими с ориентирами «догоняющей модернизации».

Ключевые слова: социальная память, империя, политика памяти, социальное пространство, символический капитал.

**Social Memory as Modernization Resource:
Top Wasps of the Past in the Russian Political Landscape**

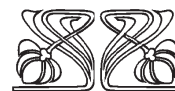
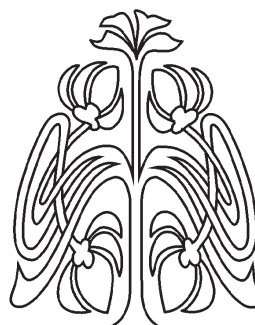
D. A. Anikin

Article is devoted to the question of use of social memory as the main resource of the modernization processes proceeding in modern Russia. The author analyzes actual strategy of the appeal to the past, coming to a conclusion that the Russian modernization is characterized by the special political and sociocultural goals, is cardinal not similar to reference points of «catching-up modernization».

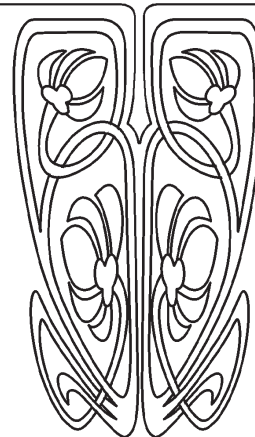
Key words: social memory, empire, policy of memory, social space, symbolical capital.

Проблематика социальной памяти в современной гуманитарной науке становится одной из магистральных тем исследования: недаром в англоязычной науке возник устойчивый термин «memory studies», обозначающий совокупность междисциплинарных методов обращения к способам репрезентации прошлого в изменившемся социальном и политическом контексте. Чем сильнее ощущается разрыв современного общества с предшествующими стадиями социального развития, тем большей оказывается его зависимость от сохранения преемственности. Но речь идет не просто о ностальгии, а о глобальных процессах деконструкции привычного пространства памяти, в результате чего это пространство распадается на отдельные топосы. Утрата онтологической целостности и собственной идентичности даже с относительно недавним прошлым приводит к потребности конструирования того прошлого, которое представляется наиболее адекватным существующему социальному контексту и ориентирам социально-политического развития.

Традиционные подходы к социальной памяти, разрабатывавшиеся в рамках неклассической парадигмы социальной философии, сосредоточивались на отдельных социальных группах либо на обще-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

стве в целом, настаивая на определенной гомогенности социальной памяти, ее возможности *делать людей равными* путем приобщения к общему запасу исторических и социальных знаний. Но изменение предмета исследования влечет за собой и возникновение нового методологического инструментария, отражающего специфические характеристики социальной памяти в современном трансформирующемся мире. Необходимо создание новой теории социальной памяти, способной как синтезировать разработки предшествующих подходов, так и обобщить опыт, полученный в результате исследования современных социальных процессов, поэтому представляется плодотворной разработка *топологического подхода* к социальной памяти, который позволил бы радикально обновить методологическую базу и выработать принципы исследования, реализующиеся в социально-философских и прикладных исследованиях по данной проблематике.

Одной из плоскостей применения данного подхода являются модернизационные процессы в современном российском обществе, в частности, обращение к прошлому в качестве детерминанты той конфигурации будущего, которая выстраивается современными реформами в экономической, технологической и социально-политической сферах. Условием социально-философского анализа данной проблематики является уяснение значения тех категорий, которые используются в дискурсивных практиках власти для обозначения сущности происходящих изменений.

Термин «модернизация» в последние годы становится общеупотребительным не только в научном, но и в политическом дискурсе, что приводит к стереотипизации данного понятия, его восприятию как самодостаточного и не нуждающегося в пояснениях. При этом теряется присущая науке осторожность и, можно сказать, «неуверенность» при употреблении термина «модернизация» по отношению к множеству социальных процессов. Это заставляет обратиться к анализу содержания термина и особенностям модернизационных процессов в современном российском обществе.

Следует отметить, что термин «модернизация», зачастую используемый как синоним понятий «социальная динамика» или «социальное развитие», имеет конкретное содержание, локализуемое как по хронологическим, так и по сущностным критериям. Под модернизацией понимается переход от аграрного общества к индустриальному, «обществу модерна», в более широком смысле модернизация может рассматриваться как «органическая» и «неорганическая». Под первой подразумевается процесс кардинального обновления политических, экономических и культурных структур, порожденный внутренней потребностью общества, например,

формирование буржуазного общества в Западной Европе Нового времени.

Вторая, или «догоняющая» модернизация осуществляется там, где основной импульс развития – не внутренние предпосылки, а стремление к конкуренции с уже модернизированными обществами, т.е. источник модернизации внешний по своему происхождению. При этом методологический импульс 90-х гг. XX в., спровоцированный теоретическими и эмпирическими доказательствами того, что «современность» (Модерн) не может выступать простой антитезой традиции, проявился в формулировании полилинейных моделей модернизации. В них выделяется не только технологические и экономические основания модернизации, но и социокультурные ресурсы. С. Н. Гавров, используя эту методологию, устанавливает, что, несмотря на внешнее сходство, модернизационные процессы, протекающие в различных странах, специфичны¹. Суть этой специфики в том, что культурный и политический контексты осуществления модернизационного проекта задают его ориентиры и значение для данного социума.

Значимо то, что именно в 2012 г., объявленном в России годом истории, прекратила свое существование «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», созданная указом Президента РФ Д. А. Медведева в 2009 г. Результаты деятельности этой комиссии оказались невнятными в силу расплывчатого круга задач, стоящих перед ней, в результате чего недовольными оказались как профессиональные историки, так и политики. Историков не устроило, что в рамках деятельности комиссии не «размораживались» отечественные архивы, поскольку любые фальсификации (если под ними подразумевать искажения, действительно, имевших место фактов) могут быть опровергнуты только при наличии соответствующих документов. Политическую верхушку не удовлетворило отсутствие идеологически выдержанной концепции российской истории, которая могла бы внедряться в учебных заведениях и транслироваться в СМИ в тех случаях, когда определенные государства делают шаги, которые могут трактоваться как оскорбления российской государственности. Как нетрудно понять, в этом случае под фальсификациями понимаются не только и не столько искажения фактов, сколько сознательное подчеркивание тех моментов исторического развития, актуализация которых наносит ущерб имиджу Российской Федерации.

Устранение компромиссной структуры, пытавшейся совместить сугубо научные интересы с приоритетами национальной политики, демонстрирует не саму невозможность подобного консенсуса, а, скорее, коррекцию курса, направленную на разработку прикладных методик под-

держания существующей концепции прошлого. Модернизация российского общества, по меткому выражению И. Калинина, подразумевающая сочетание «неолиберальной экономической практики, популистской коммунистической риторики, консервативных ценностей и национальных амбиций»², идет по пути обращения к ресурсам прошлого, пытаясь «спаять» в неразрывное единство те политические конфигурации, которые сменяли друг друга в истории России на протяжении последних десятилетий.

В условиях ускорения социально-экономических преобразований неперенным фактором модернизации социального порядка становится использование социокультурных оснований легитимации будущего. Принципиальное значение для обоснования проективных форм социального бытия приобретает использование образов прошлого, их трансформация в соответствии с целями и задачами модернизации в целом. Таким образом, образы прошлого становятся ресурсом солидаризации социума в условиях комплексных модернизационных изменений, изучение потенциала которого представляется крайне важным как на практическом, так и на методологическом уровнях. По словам Ш. Эйзенштадта, основой любого типа легитимности является «принятие некоей фигуры, события или порядка прошлого (реального или символического) в качестве средоточия коллективной идентичности, указателя пределов и характера социального и культурного порядка. Принятый таким образом центральный символ заключает в себе окончательную санкцию изменений и указание на предел нововведений»³.

Выработка теоретической модели трансформации образов прошлого позволяет обеспечить системный характер происходящих изменений, уменьшает потенциальную рискогенность модернизационных процессов и снижает уровень социальной напряженности в отношениях между культурно-этническими социальными субъектами. Разработка подобной модели должна исходить из решения фундаментального философского вопроса о соотношении модусов восприятия прошлого, их взаимодействия и взаимовлияния. Специфика модернизации современного социума заключается в приоритете интенсивного пути развития. В отличие от индустриального общества, где модернизация достигалась за счет привлечения дополнительных материальных и духовных ресурсов, в условиях постиндустриального общества она основывается на использовании внутренних ресурсов, в связи с чем особую актуальность приобретает вопрос переструктурирования и трансформации тех исторических ассоциаций, которые позволяют соотнести предполагаемый образ будущего с реалиями прошлого.

Понимание механизмов и методов ценностного обоснования модернизации позволяет

по-новому представить и специфику ее целеполагания в условиях российского социума. С. Н. Гавров выражает это предельно четко: «В течение столетий основные усилия в процессе российской модернизации совершались не ради вхождения в западную по своей генеалогии цивилизацию модерности, но ради сохранения, воспроизведения и упрочения империи. Модернизация осуществлялась лишь в целях приведения в более современный и потому конкурентоспособный вид отдельных ее элементов, вынужденные жертвы и отступления в частных, локальных областях совершались ради сохранения и укрепления целого, духа и тела империи»⁴.

В поисках архетипических образцов для подражания авторы и разработчики идеологии модернизации обращаются к тем историческим периодам, которые демонстрируют их в различных сферах общественной жизни, такие образцы могут быть мотивационными доминантами для современного российского общества. Особое внимание при обращении к социальной памяти как социокультурному ресурсу вызывает проблема усвоения и перекодирования советского прошлого. Н. Е. Копосов отмечает, что культурная политика (в том числе, и политика памяти) в России 2000-х гг. постепенно отходит от концепции альтернативности и многовариантности линий исторического развития, обращаясь к «историзации без истории»⁵. Её сущностью является не поиск новых путей развития, а легитимация сложившегося социального и политического порядка. «Исторический поворот в современной мысли ведет к историзму без глобальной истории. Растущее чувство историчности заставляет наших современников все больше и больше мыслить социальные явления как исторические индивидуальности и полагаться на их объяснение из исторического контекста»⁶. При этом в качестве архетипического образца выступает советское прошлое, что порождает иллюзию ностальгической реконструкции тех патерналистских социальных практик, которые отождествляются в массовом сознании с СССР.

В этом контексте принципиально важно мнение И. Калинина, который считает, что пристальное внимание к советскому прошлому еще не означает установку на его реконструкцию, а демонстрирует более универсальную тенденцию современного политического мышления: «Советское последовательно лишается своей исторической специфики как идеологический, политический и социальный опыт, равно как и политэкономическая альтернатива капитализму. Оно перестает восприниматься как целое, отсылающее к какому-то особому историческому контексту, и превращается в органическую часть исторического прошлого российской государственности и национальной традиции»⁷. Иначе говоря, универса-

лизация советского прошлого позволяет «вписать» его в непротиворечивый путь развития российского социума и тем самым встроить массовую ностальгию в социокультурную конфигурацию современного политического порядка.

В современной российской политике памяти, легитимирующей модернизационный политический дискурс, можно различить два уровня обращения к прошлому. На первом, частном происходит обращение к конкретным историческим фактам и событиям (победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, ускоренная индустриализация), демонстрирующим возможность достижения российским обществом отдельных параметров того проекта, который предлагается реализовать в современном российском социальном пространстве. Принцип конкуренции альтернативных стратегий социальной памяти оказывается «вытеснен» целиком и полностью в сферу межгосударственных отношений. Иначе говоря, любое посягательство на символически значимые для российского властного дискурса интерпретации со стороны иностранных государств или общественных организаций рассматривается как элемент политического противостояния. При этом конкуренция во внутриполитическом пространстве сведена к минимуму, т.е. на административном уровне формулируется перечень базовых символических элементов, которые не могут подвергаться сомнению и обсуждаться даже в условиях научной дискуссии. Проблема в том, что ни в одном из приводимых исторических примеров не наблюдается совмещения этих элементов, а в каждом конкретном случае достижения (экономические или культурные) оплачивались громадными издержками в других сегментах социального пространства. Вопрос достижения совокупности параметров, обозначенных в качестве приоритетных для современного российского общества, является неоднозначным, поскольку из сферы общественной дискуссии последовательно изгоняется проблема механизмов обеспечения социокультурной солидарности в процессе осуществления модернизационных процессов.

Второй уровень конфигурирования пространства памяти образуется нивелированием и универсализацией конкретных стадий исторического развития российского общества с целью обозначения его единства в историко-хронологическом аспекте. Еще основоположник исследований социальной памяти М. Хальбвакс отмечал, что память, существующая в определенной социальной группе, характеризуется двумя основными чертами: своеобразием и долговечностью⁸. Свообразие заключается в стремлении преуменьшить внутренние различия ради единства, отличающего данную группу от остальных. При этом своеобразие является «скользящим» фактором, суть которого заключается в том, что

внутреннее единство группа приобретает лишь при соотнесении с аналогичными социальными образованиями. В то же время внутри социальной группы единство оказывается кажущимся и каждая подгруппа стремится подчеркнуть собственное своеобразие. Индивид становится носителем нескольких идентичностей, актуализация одной из которых оказывается связанной с тем уровнем, на котором функционируют данные социальные группы (межгосударственный, национальный, региональный и т.д.)⁹.

Политическая идентичность, отчетливо проявляющая себя на межгосударственном уровне, оказывается утраченной при разрешении конфликтов, протекающих на внутригосударственном уровне, например, при столкновении различных социальных или национальных групп. Долговечность социальной памяти проявляется в стремлении предельно отдалить момент возникновения данной социальной группы и представить ее существование как линейное, протекающее непрерывно – от зарождения до нынешнего состояния.

Стремление представить последовательность изменения российского социального пространства, ориентируясь исключительно на территориальную преемственность и постулируемое культурное (прежде всего, религиозное) единство, приводит к выстраиванию линейной и безальтернативной концепции исторического процесса. В ней советское прошлое сводится к универсальным социальным практикам, реконструкция которых вписывается в общий модернизационный проект.

Таким образом, пространственный анализ социальной памяти в качестве ресурса модернизационных изменений позволяет выделить следующие существенные характеристики обращения к прошлому:

1) модернизация представляет собой ориентацию на определенный технологический, экономический и социально-политический уровень развития, достигнутый в результате осуществления аналогичных процессов в Западной Европе. С этой точки зрения, модернизационные процессы в России обладают рядом существенных отличий;

2) основным ресурсом российской модернизации является не будущее, а прошлое, причем использование социокультурного потенциала социальной памяти заключается не в обращении к конкретным формам (прежде всего, советским) социальных практик, а в использовании ностальгических общественных настроений для конфигурации общественного устройства, в рамках которого конкретные топосы прошлого утрачивают свою индивидуальную значимость, приобретая универсальное символическое значение;

3) в основе стратегии обращения к прошлому находится не конкуренция альтернативных концепций исторического развития, а доминирование политического дискурса, обосновывающего

своеобразие модернизационного проекта России путём обращения к тем моментам исторического развития, которые демонстрируют превосходство её цивилизационных характеристик над основными политическими конкурентами;

4) исходя из этого, целью модернизации в России является не достижение уровня развития, свойственного модернизированным западноевропейским обществам, а легитимация существующего социального и политического порядка, сознательно противопоставляемого альтернативным формам социального бытия. Используемая стратегия конфигурирования пространства памяти может быть названа *имперской* в силу того, что единство отдельных топосов прошлого достигается за счет поиска исторических оснований централизации и универсализации современного российского социального и культурного пространства.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (№ 12-33-09003).

Примечания

- 1 См.: Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 23.
- 2 Калинин И. Археология национального знания // Неприкосновенный запас. 2012. № 1. С. 15.
- 3 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 100–101.
- 4 Гавров С. Н. Указ. соч. С. 7.
- 5 Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 13–14.
- 6 Там же. С. 20.
- 7 Калинин И. Ностальгическая модернизация : советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 24.
- 8 См.: Halbwachs M. The Collective Memory. N.Y., 1950. P. 48–49.
- 9 Ср. понятие «supra-identity» у А. Янова (см.: Янов А. Цивилизационная неустойчивость России // Неприкосновенный запас. 2003. № 3. С. 112–117).

УДК 008.001

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОГО ГОРОДА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ГОРОДА БУЗУЛУКА

Н. В. Барабошина

Бузулукский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета
E-mail: baraboshina@mail.ru

Статья посвящена определению специфики социокультурного пространства малого города Бузулука, расположенного на границе Оренбургской и Самарской областей. Использована методика ментальных карт, которая позволяет через фиксацию физических объектов городского пространства воспроизвести и структурировать социокультурное пространство города и значимое пространство личности в этом городе.

Ключевые слова: малый город, пространство малого города, форма города, городская среда, ментальная карта, публичная сфера, приватная сфера, креативное городское пространство.

Sociocultural Space of a Small town: Studying Experience of Buzuluk Mind Maps

N. V. Baraboshina

The article deals with the problem of the sociocultural specific of a small town Buzuluk located on the border of Orenburg and Samara regions. The author describes an actual technique of mind maps which allows to

reproduce and structure sociocultural space of the town and significant space of the personality in it through fixing of physical objects.

Key words: small town, space of the town, town form, urban environment, mind map, public sphere, private sphere, creative town space.

В наше время в эпоху глобализации российские города стали местом концентрации новых экономических, политических, социокультурных процессов. В связи с глобализационным сжатием «пространства и времени»¹ пространство отдельного города все более теряет свое значение. Исследователи предполагают, что социокультурные трансформации в городах заданы требованиями транснационального капитала (ТНК), мировой торговли. Глобальные города стали базами для международных операций ТНК, «командными пунктами» крупных финансовых

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОММУНИКАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА (материалы круглого стола)

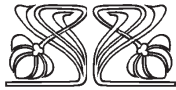
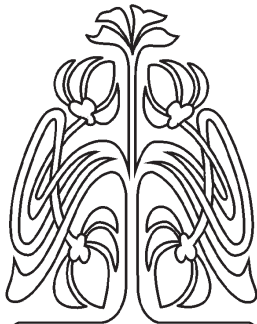
**The Communications in the Risk Society
(Panel Discussion)**

27 марта 2012 г. на базе философского факультета Саратовского государственного университета прошел круглый стол, посвященный рассмотрению феномена коммуникации сквозь призму концепции общества риска. Его участниками стали преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и Поволжского института имени П. А. Столыпина, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В центре внимания собравшихся оказались вопросы, связанные с выявлением рискогенных факторов в формирующемся обществе риска, разрешением коммуникативных конфликтов и преодолением их последствий. Особый интерес вызвали актуальная на сегодняшний день проблема виртуализации общества и сопряженные с ней социальные риски, среди которых особые опасения вызывают личностные риски, связанные с потерей самоидентичности и деструктивной социализацией.

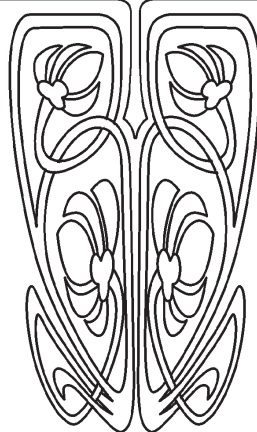
Тематика круглого стола была выбрана далеко не случайно: в современной гуманитаристике все большую актуальность приобретают проблемы коммуникации; они носят междисциплинарный характер и изучаются такими науками, как социология, психология, семиотика, лингвистика, возникла даже особая отрасль знания – теория коммуникации. Этот интерес обусловлен изменением роли коммуникации в информационном обществе и необходимостью ее осмысления.

Работу круглого стола открыл *профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев*. В своем выступлении он отметил, что коммуникация есть особый способ бытийственности человека. Человек не может существовать, не будучи включенным в нее. Коммуникации – это фундамент и основа любого общества, однако в обществе риска они приобретают особый статус, являясь одновременно и источником возможных рисков, и стратегией их минимизации. Базовые признаки коммуникации особым образом преломляются в коммуникативных рисках. Посредством концепта риска, выдвинутого преимущественно в традициях рационального мышления, происходит рационализация неопределенности в коммуникации: именно конструкт риска становится промежуточным звеном, связывающим многообразные информационные процессы с бытием и сознанием человека, стремящегося к преодолению собственной незавершенности. Необходимо различать коммуникацию риска и коммуникативный риск: первый концепт преимущественно выявляет онтологические основания рисков, второй – путь концептуализации рисков в контексте разных типов рационального мышления и нерациональных форм.

Онтологический аспект проблемы коммуникации был рассмотрен в докладе *кандидата философских наук, профессора*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. Ю. Стриганковой, выдвинувшей тезис о том, что современное общество скорее следует называть коммуникационным, нежели информационным. С ее точки зрения, важным является изменение форм передачи информации, а не ее количественное увеличение. Успех изучения тех процессов, которые разворачиваются в современном обществе, зависит прежде всего от выбора методологии. Однако этот выбор не так просто осуществить, поскольку все считают себя экспертами в области коммуникации. С одной стороны, это «хорошая новость» для исследователя, ведь большая часть работы была сделана за него – проблема выявлена и четко обозначена, ее актуальность обоснована и не нуждается в дальнейших доказательствах. Но, с другой стороны, это и «плохая новость», так как уверенность в том, что все имеют представление о природе коммуникации, ее принципах, с неизбежностью вредит ее концептуализации.

Рискогенность коммуникации, как полагает Е. Ю. Стриганкова, заключается в том, что она поглощает человека, обезличивая его, в то время как человек должен быть рассмотрен как основа всего, залогом его социального развития является сложная диалектика индивидуализации и социализации, при этом социальное в человеке формируется посредством участия в тех или иных коммуникационных практиках, а его личностное становление возможно только в общении. Конфликт же между коммуникацией и общением лежит в основе рисков, производимых современным обществом: коммуникация должна не подменять собою общение, а дополнять его.

Доцент кафедры философии Поволжского института им. А. П. Столыпина РАНХиГС, кандидат философских наук С. М. Фролова в своем выступлении «Трансформация коммуникаций: риски и последствия» также отметила в качестве источника риска закрепляющийся в современном обществе отказ от общения в пользу коммуникации. Эта трансформация, по ее мнению, обусловлена совершенствованием технических средств передачи информации, интенсивное развитие которых приводит к тому, что живое общение, которое включает язык жестов, мимику, интонации, начинает отесняться на второй план.

В современном обществе, особенно в молодежной среде, наиболее распространены три способа обмена информацией: по телефону, при помощи SMS-сообщений и в сети Internet. Все три способа предполагают использование ограниченного набора слов, что ведет к неспособности/нежеланию излагать свои суждения в прямом диалоге, снижению грамотности, риску замещения языка образностью. Кроме того, уход от диалога с себе подобными способствует «социальной деградации», выражающейся в активном «общении» с домашними животными и машинами.

Если учесть, что коммуникация осуществляется в соответствии с принимаемыми обществом нормами и «поведенческими ожиданиями», как это отмечает Ю. Хабермас, то уход от рискогенности трансформированных коммуникаций полностью зависит от субъектов этого общества, таким образом, трансформация коммуникаций – это серьезная проблема.

Для понимания смысла произошедших в обществе изменений необходимо выяснить, какова онтология коммуникации. Поиску ответа на этот вопрос было посвящено выступление аспиранта кафедры теоретической и социальной философии Д. М. Соколовой. В докладе отмечалось, что в настоящее время на смену субстанциональным концепциям социального, в которых оно рассматривается как предопределенное своими предыдущими состояниями и в этом смысле установившееся и ограниченное, приходят интересующие, в которых социальное представляется как нечто постоянно рождающееся в актах непрерывной коммуникации. Понимание социального мира как интересующего дополняется осознанием его интерактивности и интертекстуальности. Интерактивный принцип организации общественной жизни постепенно утверждается во всех сферах человеческой деятельности. На сегодняшний день исследователи придерживаются по большей части коммуникативных представлений о природе социального, основанных на интересующем подходе. Главной их особенностью является убеждение в том, что общество зиждется не просто на отношениях, устанавливающихся между субъектами, а именно на *взаимоотношениях*. Социальное оказывается не чем иным, как результатом взаимного присутствия, взаимности как таковой, проще говоря – результатом коммуникации.

Иной, более прикладной аспект проблемы был затронут в выступлении аспиранта кафедры теоретической и социальной философии Н. А. Стекловой, посвященном рассмотрению коммуникационных конфликтов в обществе риска. Становление глобального информационного пространства, ставшее возможным благодаря новейшим способам распространения информации, привело к возникновению и распространению глобальных рисков. Мир стал приобретать новые черты, нашедшие отражение в процессах глобализации, продуцирующей специфический вид рисков. Такая ситуация высокого риска и неопределенности становится причиной возникновения и развертывания различных конфликтных ситуаций в обществе.

К числу тенденций, формирующих принципиально новые характеристики современного информационного мироустройства, несомненно, относится развитие коммуникационных конфликтов. Коммуникационный конфликт – это

предельный случай обострения социально-коммуникативных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между субъектами коммуникации, направленной на достижение социальных, духовных, экономических и политических интересов и целей, на подавление действительного или мнимого соперника, когда сознанию не удается устанавливать различные каналы связи для интегративного потока информации. Такой конфликт может привести к сетевым революциям, политическим кризисам, массовому недовольству и развертыванию мировой войны.

Более подробно феномен сетевых революций был рассмотрен в докладе *студентки философского факультета А. С. Сивоконь*, затронувшей проблему развития коммуникационных конфликтов в виртуальном пространстве. С ее точки зрения, установление и поддержание эффективной коммуникации является одним из базовых принципов общества и в современном мире это невозможно без использования информационных ресурсов Интернета. Под сетевой революцией следует понимать информирование, организацию и координацию протестных акций посредством интернет-сетей. Ее признаками являются: отсутствие на начальном этапе структур, позиционирующих себя в качестве лидеров; революционная активность пользователей, чаще всего не связанная с их предыдущей жизнью, а рожденная под воздействием импульса; приведение в движение различных групп населения посредством интернет-сетей; консолидация революционной массы за ничтожно малый промежуток времени благодаря общению пользователей в реальном времени.

В контексте социальных интернет-сетей формируется собственная информационная среда, отличная от среды, контролируемой государством и СМИ. Если эта среда радикально настроена против реальной деятельности власти, то накапливается напряженность в обществе и общая коммуникационная среда интернет-пользователей может породить выплеск эмоций и протест. Подобный ресурс трансформации виртуальных эмоций в реальную действительность может стать серьезным манипулятивным оружием. Через Интернет возможно воздействие на широкую аудиторию с помощью провокационных материалов для достижения определенных социально-политических целей.

Идею о том, что коммуникационные конфликты в XXI в. во многом обусловлены появлением новых каналов передачи информации, в частности сети Интернет, озвучила в своем докладе *студентка философского факультета Е. А. Смирнова*. Особое внимание она уделила феномену информационных войн – такой форме конфликта, когда происходят прямые атаки на

информационные системы для воздействия на противника. Это «бесконтактная» война, в которой количество жертв (в прямом смысле слова) сведено до минимума. Если раньше целью войны было физическое уничтожение «живой» силы, то сегодня она сводится к подрыву социальной стабильности, дискриминации сложившихся ценностей, и Интернет – идеальная площадка для развертывания такой войны.

Тактику ведения информационной войны взяли на вооружение и террористические группировки, публикующие в сети издания, в которых содержатся рекомендации для потенциальных террористов, и проводящие террористические акции в виртуальном пространстве. С распространением Интернета появляются новые формы терроризма, такие как электронный терроризм, электронный джихад, кибертерроризм. Их цель – политически мотивированная атака на социально важную информацию или компьютерные сети, обслуживающие определенные инфраструктуры. Особенности технической организации Интернета позволяют регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а информацию размещать в другой, что создает дополнительные сложности для нахождения экстремистов и практически обеспечивает им анонимность и безопасность.

Проблеме становления глобального терроризма в контексте распространения новых средств коммуникации было посвящено и выступление *студентки философского факультета Ж. О. Посуныко*, в котором отмечалось, что в современном мире пространство коммуникации оказывается той средой, в которой протекают все политические процессы современности, а коммуникативные действия оказываются способом эффективного разрешения конфликтов. Однако эти же коммуникативные действия могут стать и источником разжигания конфликтов, способом их искусственного моделирования.

Так, терроризм как социальное явление представляет собой не что иное, как демонстрацию насилия, направленную на устрашение, внушение страха перед неизвестным, но очень опасным врагом, источником прямой угрозы. А раз террористические акции имеют своей целью запугивание, для их организаторов важно, чтобы о террористическом акте узнало как можно большее число людей. В данной связи становление глобального информационного пространства вполне отвечает этим целям. В обществе глобальных коммуникаций любое террористическое действие приобретает мощный резонанс. Средства массовой информации, и в первую очередь Интернет, способствуют мгновенному распространению новостей о произошедшем теракте. В глобальном обществе каждый индивид становится не просто зрителем любого происходящего в мире события, но и его непо-

средственным участником. Он вовлечен в эти процессы посредством того, что воспринимает не только информацию о происходящем, но и те значения, которые она в себе несет, поэтому важной стратегией борьбы с терроризмом становится стратегия символического разрушения «театрализованных» действий посредством управления глобальными коммуникациями.

Трансформация сферы социального с неизбежностью влияет на личность, которая оказывается вовлеченной во всеобщую информационную войну и становится потенциальным объектом террористической атаки. Это влияние может быть рассмотрено сквозь призму понятия коммуникативности личности. Как отметила в своем докладе *студентка философского факультета Н. А. Тютюнникова*, коммуникативность – это врожденные или приобретенные способность, навык, умение передавать правильно свои мысли, чувства, эмоции. Она обусловлена потребностью индивида и общества в преодолении противоречий и конфликтности совместного существования и разворачивается в трех основных формах человеческой активности: деятельности, поведении и общении. Коммуникативность обеспечивает воспроизводство и развитие всех компонентов общества.

Говоря о таком явлении, как коммуникативность личности, следует иметь в виду, что это явление необходимо рассматривать не только как совокупность некоторых характерологических свойств и качеств, позволяющих осуществлять процесс общения, но и как компонент мотивационно-потребностной сферы.

Коммуникативность проявляется и как результат оценки себя с точки зрения уже принятых в обществе ценностных ориентиров. Избранный способ коммуникации получает завершение лишь в контакте с воспринимающим, воссоздающим субъектом, воспроизводящим идеальный план окружающей реальности. Личность для развития коммуникативности и снижения возможных рисков должна развивать коммуникативную компетентность и коммуникативный потенциал. Эта сторона проблемы получила освещение в докладе *студентки философского факультета М. А. Елисеевой*, отметившей, что процесс совершенствования коммуникативной компетентности, под которой следует понимать развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения между людьми, формируется в условиях непосредственного взаимодействия и связан с развитием личности. Коммуникативная компетентность непосредственно связана и с особенностями выполняемых человеком социальных ролей; она предполагает адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами общения и может рассматриваться как категория, регули-

рующая систему отношения человека к самому себе, природному и социальному миру. Таким образом, индивидуально-личностные качества, социально-культурный и исторический опыт способствуют формированию компетентности в общении. Коммуникативная компетенция должна быть средством понимания.

О методах развития коммуникативной компетенции и коммуникативного потенциала рассказала *студентка философского факультета В. А. Гришина*. Коммуникативная личность обладает коммуникативным потенциалом, включающим в себя знания и опыт, коммуникативные компетенцию и потребность. Коммуникативная компетентность является системой внутренних ресурсов, необходимых для построения коммуникативного действия в ситуациях межличностного взаимодействия, она является условием успешной социализации личности. В целом коммуникативный потенциал – это характеристика возможностей человека, которые определяют качество его общения. При отсутствии условий для реализации коммуникативного потенциала индивида наблюдаются снижение его возможностей, потеря ощущения социальной реальности. Владение комплексом составляющих частей коммуникативного потенциала позволяет коммуникативной личности ориентироваться в коммуникативной среде, самореализовываться и развиваться.

Необычный ракурс проблемы был открыт магистрантами философского факультета *М. Б. Буняевым* и *О. В. Яцко*, предложившими рассмотреть психические и соматические аспекты рискованных коммуникаций. В их докладах говорилось о том, что влияние, которое оказывает современное общество на человека, приводит не только к изменению форм взаимодействия, но и к глубинному изменению человеческой психики и даже трансформации телесности. По мнению *М. Б. Буняева*, выступление которого было посвящено преимущественно поиску причин этих изменений, источник риска современного общества кроется в самой коммуникации – вернее, в тех формах, которые она приобретает в настоящее время. Глобализующийся мир «тесен», любое событие в нем потенциально может быть известно огромному числу индивидуумов в кратчайшие сроки. Бытие человека становится всё менее определённым, хаотичным, и ситуация риска становится естественной экзистенциальной ситуацией. В ментальном пространстве доминирует установка на немедленную возмездность любого деяния. Глобальность предполагает включенность каждого в любое событие, происходящее в мире, так как оно всегда может быть рассмотрено в качестве информационного повода. При этом общество продуцирует столь огромный объём информации, что его невозможно воспринять

во всей целостности и совокупности, а потому информация концептуализуется одновременно множеством способов. Можно утверждать, что любая коммуникация обладает неопределённой значимостью, являясь случаем предельного риска.

Итоги круглого стола подвел *декан философского факультета, профессор, доктор философских наук М. О. Орлов*. В своем выступлении он отметил значимость подобных мероприятий для развития научной школы, которая объединяет ученых и студентов саратовского классического университета и других вузов города и дает возможность устанавливать эффективную коммуникацию между поколениями, между представителями различных отраслей знания, между людьми, придерживающимися различных позиций.

В заключение хочется отметить, что прошедший круглый стол стал одним из серии аналогичных, посвященных злободневным проблемам общества риска. Конфликты в обществе риска, онтология риска, геополитические и цивилизационные риски – вот далеко не полный перечень вопросов, затрагивавшихся на различных научных мероприятиях, проводимых философским факультетом, и тот интерес, который проявляет аудитория к обозначенным проблемам, свидетельствует прежде всего об их важности и актуальности.

*Д. М. Соколова,
аспирант философского факультета
Саратовского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского*

- ² См.: Недосекина А. Г. Художественно-эстетическое образование в вузах России : проблемы и противоречия // Искусство и образование. 2002. № 3. С. 26–36.
- ³ Петровский В. А. Субъектность : новая парадигма в образовании // Психологическая наука и образование. 1996. № 3. С. 88.
- ⁴ См.: Коротков Э. М. Управление качеством образования. М., 2006. 320 с.
- ⁵ См.: Загвязинский В. И. Стратегические ориентиры и реальная политика развития образования // Педагогика. 2005. № 6. С. 10–14.
- ⁶ См.: Брушлинский А. В. Субъект : мышление, учение, воображение. М. ; Воронеж, 1996. 392 с. ; Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1996. С. 28–132 ; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. 178 с.

УДК 15:378.1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Г. Д. Турчин

Саратовский государственный университет
E-mail: sgu.pedagogika@yandex.ru

В статье рассматриваются тенденции модернизации и развития системы образования России с учетом мирового опыта.

Ключевые слова: образование, содержание образования, принципы образования, непрерывное образование.

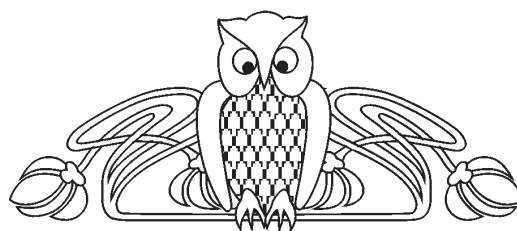
The Basic Directions of Perfecting the System of Education in Russia

G. D. Turchin

The article analyses the tendencies of modernization and development of the system of education in Russia in connection to the world experience.

Key words: education, content of education, principles of education, continuous education.

В нашей стране действует единая система непрерывного образования, которая должна обеспечивать общеобразовательную, профессиональную и научную подготовку граждан, повышение квалификации и переподготовку кадров, всемерно содействовать воспитанию, духовному, физическому и общекультурному развитию личности. Образование – целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающихся установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов), удостоверенных соответствующим документом¹. Система непрерывного образования – совокупность образовательно-воспитательных учреждений и органов управления ими. Она строится на основе принципов, которые разрабатываются в соответствии с целью образования и воспитания подрастающего поколения, политическим и экономическим строем государства.

Система непрерывного образования складывается в нашей стране с учётом следующих принципов:

равенство всех граждан в получении образования независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, отношения к религии, имущественного и социального положения;

обязательность образования для всех детей и подростков;

государственный и негосударственный характер всех учебно-воспитательных учреждений;

свобода выбора языка обучения, обучение на родном языке или на языке другого народа;

общедоступность и бесплатность начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе – бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые;

единство системы образования и преемственность всех типов школ;

единство обучения и воспитания; сотрудничество школы, семьи и общественности в воспитании детей и молодёжи;

связь обучения и воспитания подрастающего поколения с жизнью;

научный характер образования, его постоянное совершенствование на основе новейших достижений науки, техники и культуры;

гуманистический и нравственный характер образования и воспитания;

светский характер образования.

В последнее время в связи с происходящими в стране существенными социально-экономическими изменениями предлагается ряд новых принципов, например, придать развитию образования приоритетный характер; защищать личность от любой формы дискриминации; расширить свободу индивидуального развития учащихся, студентов; сделать образование более открытым; обеспечить участие государственных и общественных институтов, граждан в обсуждении и принятии решений в сфере реформы образования; добиться эквивалентности образования (соответствия его уровню образования развитых стран) и другие².

Характер системы образования определяется социально-экономическим уровнем развития страны, политическим строем, культурно-историческими и национальными особенностями. Структура образовательной системы России включает: дошкольное образование (детские ясли, детские сады, центры развития ребёнка и другие дошкольные учреждения кратковременного, дневного, круглосуточного пребывания детей и детские сады интернатного типа различного профиля); общее среднее образование (общеобразовательные школы, гимназии, лицеи и др.); среднее специальное образование (колледжи и др.); вузовское (высшее) образование (академии, университеты, институты и др.); послевузовское образование (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура и др.); дополнительное образование (курсы, центры профессиональной ориентации, учреждения повышения квалификации и переподготовки кадров, учреждения для всестороннего удовлетворения образовательно-воспитательных потребностей граждан – дворцы и дома детского и юношеского творчества, стадионы и спортивные комплексы, станции юных техников, эколого-биологические станции, детские студии художественно-эстетической направленности и др.).

В соответствии со структурой образовательной системы строится и структура образовательных учреждений России. Правовые формы включают: государственные, муниципальные и негосударственные (частные, общественные и религиозные организации и т.д.) образовательные учреждения, а организационные формы – дошкольные образовательные учреждения; общеобразовательные; учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; профессиональные (начальные, средние специальные, высшие); учреждения дополнительного образования детей и взрослых; другие, предоставляющие образовательные услуги; специальные (коррекционные) учреждения для обучающихся и воспитанников с отклонениями в развитии;

учебно-воспитательные комплексы (детский сад – начальная школа; колледж – вуз и др.)³.

Со времени принятия закона РФ «Об образовании» в 1992 г. продолжается открытое обсуждение особенно важных проблем теории и практики воспитания. Например, в периодической печати, на педагогических форумах подвергалась критике учебно-воспитательная деятельность образовательных учреждений различных видов – за низкое качество обучения и воспитания, формализм и зарегулированность воспитательной работы; обращалось внимание на командно-бюрократический стиль руководства образовательными учреждениями органов управления образованием; отмечалось, что научно-исследовательские институты и организации оторваны от реальной практики, учёные-педагоги нечасто дают конструктивные рекомендации, направленные на повышение у школьников и студентов учебно-познавательной активности и формирование у них социально значимых качеств личности.

В силу социальных причин в российском образовании длительное время накапливались недостатки, обострялись противоречия, которые привели к некоторому отклонению от гуманистических принципов воспитания и обучения, поэтому система образования требует глубоких преобразований, суть которых в коренном обновлении модели школы и наполнении её конкретным содержанием, отвечающим современным требованиям, ориентирующимся на международный опыт.

Согласно Национальной доктрине образования в Российской Федерации (на период до 2025 г.) современное образование будет совершенствоваться по разным направлениям, в частности, подразумевается *интеграция* всех воспитывающих сил общества, органическое единство школы и других социальных институтов в целях воспитания подрастающего поколения. Интеграция проявляется в структурных изменениях образовательной системы, например, в её содержании: происходит усиление межпредметных связей, создаются и внедряются интегративные курсы в разных типах образовательных учреждений).

Гуманизация образования подразумевает рассмотрение личности обучающегося как высшей ценности общества, установку на формирование гражданина с высокими интеллектуальными, моральными и физическими качествами, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

При *индивидуализации образования* реализуется дидактический принцип индивидуального подхода к обучающемуся; личностно-деятельностный подход.

Гуманитаризация образования представляет из себя ориентацию на освоение его содержания независимо от уровня и типа, позволяющего решать социальные проблемы на благо и во имя человека; свободно общаться с людьми разных национальностей и народов, любых профессий и специальностей; хорошо знать родной язык, историю и культуру; владеть иностранными языками; быть экономически и юридически грамотным.

Дифференциация образования заключается в ориентации образовательных учреждений на достижения учащихся при учёте, удовлетворении и развитии интересов, склонностей и способностей всех участников образовательного процесса одновременно с индивидуализацией. Дифференциация реализуется, например, через разделение учебных заведений по уровню развития обучающихся, их разделение в зависимости от успеваемости, дисциплины могут быть обязательными и выбираемыми и т.д.

Демократизация образования предполагает создание предпосылок для развития активности, инициативы и творчества участников образовательного процесса, широкое привлечение общественности к управлению образованием; открытость образовательных учреждений; самоорганизация учебной деятельности.

Вариативность, или диверсификация (разнообразие) образования подразумевает широкое многообразие учебных заведений, образовательных программ и органов управления, а *фундаментализация образования* – усиление взаимосвязи теоретической и практической подготовки молодёжи к современной жизнедеятельности; особое значение здесь придаётся глубокому и системному освоению научно-теоретических знаний по всем дисциплинам учебного плана образовательного учреждения. *Стандартизация содержания* представляет собой тенденцию современной международной практики образования и вызвана необходимостью создания единого уровня общего образования независимо от типа образовательного учреждения; в нашей стране – реализация, прежде всего, государственного образовательного стандарта.

Психологизация образовательного процесса заключается в развитии мышления обучающихся. Это направление помогает реализовать существующую в настоящее время тенденцию к практической интеграции педагогики и психологии.

Переход от информативных к активным методам обучения подразумевает отказ от жестко регламентированных, контролируемых,

алгоритмизированных способов организации учебно-воспитательного процесса в пользу развивающих, стимулирующих творчество личности. *Индустриализация обучения* включает его компьютеризацию и технологизацию, что позволяет создавать и использовать новые модели обучения и проверки результативности его содержания; *информатизация* связана с широким использованием вычислительной техники и информационных технологий в процессе обучения.

Многовариантность образования означает создание в образовательной системе условий выбора и предоставление каждому учащемуся возможности успеха (выбор типа школы, темпа обучения, условий в зависимости от индивидуальных особенностей и др.); *многоуровневость* заключается в организации многоэтапного образовательного процесса, обеспечивающего возможность достижения на каждом этапе образования того уровня, который соответствует возможностям и интересам человека (общее высшее образование – бакалавриат – магистратура).

Регионализация образования предполагает создание и развитие образовательных систем, учитывающих социально-экономические, демографические и культурные особенности региона. *Непрерывность образования* – это процесс постоянного образования и самообразования в течение всей жизнедеятельности, в связи с быстро меняющимися условиями жизни в современном обществе. *Саморазвитие системы образования* связано с её способностью непрерывно обновляться и ставить новые цели; основы саморазвития – творчество педагогов, внедрение новых педагогических технологий, совершенствование инновационных процессов, авторизация педагогического опыта⁴.

Рассмотренные направления совершенствования системы образования России отражают глобальные тенденции современного мира, выражающиеся в процессах, происходящих в обществе.

Примечания

- ¹ См.: Закон РФ «Об образовании». М., 1992. 57 с.
- ² См.: *Коджастирова Г. М.* Педагогика в схемах, таблицах и опорных конспектах. М., 2007. 256 с.
- ³ См.: *Сластенин В. А.* [и др.]. Педагогика. М., 2004. 512 с.
- ⁴ См.: *Морозов А. В., Чернилевский Д. В.* Креативная педагогика и психология. М., 2004. 560 с.; *Каменская Е. Н.* Педагогика : конспект лекций. Ростов н/Д, 2007. 224 с.

обобщающего. Каждый этап представлен целью, конкретными задачами, условиями реализации, результатом. Эффективность разработанной модели подтверждена результатами опытно-экспериментальной работы.

Примечания

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в

области образования и науки» // Рос. газ. 2012. № 5775, май. С. 1.

² См.: Кочегарова О. С., Кондаурова И. К., Терновская Н. А. История школьного математического образования в России и за рубежом. Саратов, 2012. 160 с.; Кочегарова О. С., Кондаурова И. К., Терновская Н. А. Дополнительное математическое образование детей в условиях школы. Саратов, 2012. 160 с.

УДК 378.637.036

МНОГОУРОВНЕВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ЕГО КАЧЕСТВОМ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

И. Э. Рахимбаева

Институт искусств Саратовского государственного университета
E-mail: Rachimbaeva_inga@mail.ru

Статья посвящена проблемам многоуровневого художественного образования и управления его качеством в условиях национального исследовательского университета, позволяющего одинаково эффективно осуществлять деятельность на основе принципов интеграции науки и образования. Управление качеством – основа профессиональной подготовки выпускников и модернизации всей системы образования.

Ключевые слова: управление качеством, художественное образование, многоуровневое образование, профессиональная подготовка.

Multilevel Art Education and Management of its Quality in the Conditions of National Research University

I. E. Rachimbaeva

Article is devoted to problems of multilevel art education and management of its quality in the conditions of the national research university allowing equally effectively to carry out activity on the basis of principles of integration of science and education. Quality management is a basis of vocational training of graduates which is an indispensable condition of modernization of all education system.

Key words: quality management, artistic education, multilevel formation, vocational training.

Происходящие изменения во всех сферах жизнедеятельности современного общества обусловили смену приоритетов и ориентиров образования. Развитие высшего образования в России происходит в новых, достаточно сложных условиях, когда встает вопрос о сохранении функции формирования кадровой интеллектуальной элиты при сохранении на основе отечественной традиции и одновременно включении страны

в процессы интеграции и глобализации в мировом образовательном пространстве. В последние годы утверждены новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), в основе которых находится компетентностный подход; принципиально обновлены требования к результатам, содержанию, кадровому обеспечению образовательного процесса; создана сеть федеральных и национальных исследовательских университетов. Несмотря на особые условия переходного периода требования к качеству подготовки выпускников вузов не снижаются, что отражено в правительственных документах (проект «Образование 2020», Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. и др.). В этих условиях современные вузы заинтересованы в создании эффективных систем управления качеством образования, являющихся основой инновационной подготовки, осуществляемой на основе Федерального государственного образовательного стандарта и профессиональных стандартов компетентностной модели выпускников.

Анализ работ (Ю. К. Бабанского, В. И. Байденко, А. Г. Бермуса, В. И. Загвязинского, В. В. Краевского, Н. В. Кузьмина, М. Н. Скаткина и др.) по исследуемому вопросу показал, что высшее образование сегодня решает взаимосвязанные задачи: сохранения и приумножения культурного наследия общества, развития ценностных ориентаций личности, её социализации на одном из этапов формирования, достижения готовности к профессиональной деятельности.

Повышение качества образования становится возможным при стратегически верном управлении, что отражено в трудах Н. И. Булынского, В. А. Кальной, В. П. Панасюка, М. М. Поташника, Н. А. Селезневой, С. Е. Шишова и др., оно является непременным условием модернизации всей системы образования. В рамках нашей работы речь идет о локальном уровне управления качеством высшего профессионального образования, т.е. уровне института. Этот уровень, на наш взгляд, – ключевое звено в управлении качеством образования, так как институт:

- несет ответственность за подготовку своих выпускников;
- может корректировать свою деятельность для достижения оптимального качества образования;
- обладает достаточной самостоятельностью для решения этих проблем: определяет основные характеристики образовательного процесса, в частности, используемые методы и технологии, структуру кадрового состава, контингент студентов и т.д.

На основе анализа работ Н. И. Булынского, В. П. Панасюка, М. М. Поташника, А.И. Субетто, П. И. Третьякова, Т. И. Шамовой можно прийти к выводу, что управлением качеством образования присущи как общее, характеризующее его принадлежность к педагогическому управлению качество, так и специфические, свойственные только ему:

- активное влияние на образовательный процесс с целью получения запланированного результата, ориентированного, прежде всего, на развитие сущностных сил человека, его личности и деятельности, сохранение здоровья;
- сочетание качества и количества, обусловливающее значение мониторинга качества в общем управленческом процессе;
- регулярное воздействие на факторы и условия повышения качества образования, обеспечение их взаимосвязи с целями и запланированными результатами;
- рациональное сочетание линейно-функциональных и программно-целевых структурных единиц, централизация и децентрализация в структуре субъекта управления.

Все это становится возможным в условиях национальных исследовательских университетов (НИУ), которые являются аккумуляторами передового опыта инновационной деятельности и нового научного знания. Отличительными признаками НИУ являются: способность как генерировать знания, так и обеспечивать эффективное внедрение новых технологий в экономику, производство, общественные институты; проведение широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований; наличие высокоэффективной системы подготовки магистров и кадров высшей

квалификации, развитой системы программ переподготовки и повышения квалификации¹.

В исследовательском университете возрастает и роль художественного образования, представляющего собой сложный социокультурный феномен. Одним из условий успешной деятельности традиционно считается художественное развитие личности, которое влияет, с одной стороны, на духовную культуру человека, а с другой – на раскрытие его творческих задатков. Таким образом, художественное образование направлено на формирование культуры восприятия, развитие способности личности к преобразованию себя и окружающего мира, а художественная деятельность учит человека видеть мир во всем многообразии его форм, явлений, красок.

Искусство обладает мощным потенциалом, его языки и методы увеличивают возможность освоения большого количества информации в сжатой форме, усиливая эмоциональную насыщенность содержания (А. А. Криулина, Ю. М. Лотман). Сходство задач и функций образования и искусства (Л. Н. Столович) указывает на то, что интеграция этих сфер культурной деятельности человека позволит обогатить и образование, и искусство.

Ряд ученых (Б. Т. Лихачев, А. Г. Недосекина, Л. А. Рапацкая и др.) считает, что художественное образование состоит из двух взаимосвязанных областей: изучение истории искусства, которое позволяет погрузиться в сферу общечеловеческого духовного опыта, и обучение азам художественного мастерства, что дает возможность приобщиться к творческому акту и приобрести личный эмоциональный опыт².

Для обеспечения успешности процесса художественного образования, как показывает анализ теории и практики (Э. Б. Абдуллин, Л. Г. Арчажникова, А. Ю. Гончарук, Т. С. Комарова, Т. А. Копцева, Л. А. Рапацкая, Г. М. Цыпин, Б. П. Юсов и др.), необходимо шире использовать все разнообразие форм, методов и средств, которые позволяют пробудить у субъектов образовательного процесса интерес к искусству и потребность постоянного контакта с произведениями искусства, помочь накопить за годы обучения разнообразный художественный опыт, сформировать устойчивую систему ценностных отношений к искусству и личностных качеств, максимально реализовать имеющиеся творческие способности.

Известно, что существует два пути познания мира: научный и художественный, они отличаются, прежде всего, предметом познания: в научном – это реальность, в художественном – отношение к реальности. Инструментом научного познания является понятие (объективная форма), искусства – художественный образ (субъективная форма). Научное познание осуществляется на основе из-

учения содержания, в искусстве содержание проживается (переживается). В результате: итоги познания в науке – полученные знания, связанные с миропониманием (явлений, закономерностей развития природы, человека, общества), в искусстве – мироотношение, эмоционально-ценностные критерии человека. В связи с этим художественное образование благодаря специфике искусства и особенностям его восприятия наиболее естественно и органично влияет на развитие внутренней свободы субъекта, которая рассматривается «как положительный идеал целостной личности»³.

На наш взгляд, произвести всесторонний анализ предмета, явления исключительно средствами науки невозможно, поскольку наука не в состоянии исследовать этот предмет или явление в целостном движении жизни, учитывая его скрытые или непричинные связи, в процессе непрерывной творческой эволюции. Постановка и решение любых творческих задач, которые нельзя решить, пользуясь уже известными представлениями и средствами, осуществимы лишь в условиях, когда действие предшествует организации, а понимание и симпатия – восприятию и познанию. Этими условиями являются развитая интуиция и навыки образного мышления. И то, и другое достигается благодаря искусству: оно возникло и развивается потому, что его средствами воспеваются воображение и интуитивные (внеаучные) способы проникновения в суть вещей.

Рассматривая образовательные процессы в вузах художественно-творческой направленности, можно отметить, что целью процесса преподавания искусства является возрождение духовного потенциала, его ценностной составляющей как обучающихся, так и обучаемых, основанное на открытых эмоциях, непосредственных впечатлениях, разнообразной творческой деятельности. В центре внимания оказываются ценности художественной культуры и их влияние на содержание образования, его формы и методы.

Анализ современных исследований позволил выделить приоритетные стратегические цели управления качеством образования в Институте искусств НИУ СГУ имени Н. Г. Чернышевского:

развитие конкурентоспособной, творческой личности, способной к самосовершенствованию и служению обществу;

развитие художественно-творческих профессиональных компетенций, доведение их до уровня художественно-творческой компетентности.

В связи с этим в Институте искусств СГУ была сформулирована цель управления качеством образования – подготовка компетентного специалиста, способного к творческому саморазвитию. Эта цель базируется на приоритетных направлениях Саратовского государственного университета как национального исследовательского: учения национальной безопасности, развития

человеческого потенциала страны, сохранения духовных ценностей и культурных традиций российского народа путем формирования социокультурных и профессиональных компетенций выпускников, способных обеспечивать интеллектуальные и инновационные потребности России.

Основой функционирования системы управления качеством образования являются требования к содержанию художественного образования, устанавливаемые государством, в частности, ФГОС, которые устанавливают комплекс требований, отражающих потребность и условия современного этапа развития, а также закрепляют тот позитивный опыт, который накоплен в нашей стране и за рубежом в области подготовки специалистов. Вузы и факультеты искусства и культуры должны учитывать творческую составляющую всех специальностей, которые необходимо стандартизировать: важно выделить наиболее значимые базовые дисциплины, без освоения которых немислим специалист данного профиля; их совокупность, обеспечивающая фундаментальную подготовку выпускника в соответствии с требованиями квалификационной характеристики, составляет ядро образовательной программы.

Модернизация содержания художественного образования должна проходить на основе соединения теоретических и практических компонентов, усиления профессиональной направленности, формирования у студентов потребности в самосовершенствовании. Педагогически целесообразно, как предлагают Н. К. Бакланова, А. Г. Бермус, Г. В. Гутник, Ю. К. Итин, Л. В. Островская и др., использовать развивающие, деятельностные, организационные, продуктивные и информационные технологии в процессе профессиональной подготовки, являющиеся основой образовательных услуг высокого качества. В основе этого процесса, как считают Е. В. Бондаревская, А. В. Брушлинский, С. М. Годник, В. В. Сериков и др., развитие субъект-субъектных отношений, а не субъект-объектных, как это было при традиционной парадигме образования. Такой подход подразумевает возрастание роли организации профессиональной подготовки, самостоятельной работы студентов в овладении профессией. Некоторые ученые (А. С. Афанасьев, В. И. Безруков, В. А. Качалов, Э. М. Коротков и др.) связывают решение данной проблемы с совершенствованием системы управления вузом, институтами и факультетами⁴.

В настоящее время искусство сталкивается с конкуренцией со стороны более доступных форм развлечения, в то же время уровень художественного образования в школах заметно снижается, так как все меньше времени отводится на уроки искусства (музыки, изобразительного искусства, мировой художественной культуры), конкурс на направления подготовки данного профиля («Му-

зыка», «Народная художественная культура» и др.) падает. В связи с этим вопрос качества образования и его управления стоит достаточно остро. В. И. Загвязинский выделяет такие критерии качества, как знания, умения и навыки; показатели личностного развития; побочные эффекты образовательного процесса (они могут быть как положительными, так и отрицательными); компетентность педагогов, руководителей учреждений; престиж образовательного заведения в социуме⁵.

С точки зрения управления качеством образования в условиях НИУ интерес представляет такой критерий, как оперативность, быстрое реагирование на изменяющиеся потребности общества. Оценить это качество можно по наличию гибкости и вариативности учебных планов, обновляемости спектра специальностей, современности и универсальности используемого учебного оборудования, степени свободы и оперативности принятия решений на разных уровнях управления, эффективности научных исследований.

Организация научно-исследовательской работы Института искусств опирается на концепцию университета – инновационного исследовательского центра, – когда научные исследования, в первую очередь, направлены как на совершенствование образовательного процесса и повышение качества подготовки выпускников, так и на внедрение новых технологий в практику. Результаты фундаментальных исследований широко используются при разработке новых учебных курсов и программ, подготовке учебных пособий.

Многоуровневая система высшего образования лучше всего отвечает потребностям рыночной экономики, так как предполагает мобильность, гибкие подходы к продолжительности и длительности учебного времени, формам обучения и занятости. Такая система позволяет выпустить специалиста, готового после завершения образования не только работать в избранной сфере деятельности, но и продолжать процесс самосовершенствования, саморазвития. Только фундаментальное образование дает такие знания, которые не устаревают с течением времени, помогают ориентироваться в любой новой среде и являются универсальными. В многоуровневой системе образовательный компонент остается подчиненным профессиональному, а профессиональная подготовка пронизывает весь образовательный процесс.

Многоуровневая система с ее возможностью дифференцированного обучения, усилением индивидуального подхода к обучающимся, четко обозначенным этапом специальной подготовки обеспечивает развитие самостоятельной работы студентов и выработку у них необходимых исследовательских навыков, воспитание личности, самостоятельно контролирующей и прогнозирующей свою деятельность. При этом необходимым условием нормального развития общества при-

знается максимальное использование всех индивидуальных особенностей личности, становление и развитие субъектности.

В настоящее время учеными (А. В. Брушлинским, Л. С. Выготским, В. А. Петровским, С. Л. Рубинштейном и др.) выделяются условия, стимулирующие проявление субъектности студентов в образовательной деятельности, которые должны быть созданы в процессе управления качеством многоуровневого художественного образования:

личная свобода выбора в образовательной деятельности и педагогическом художественном творчестве;

необходимое позитивное пространство для совершенствования в педагогической деятельности;

соизмеримость внешних требований к студенту и его внутренних возможностей, способствующих эффективному овладению профессией;

психологический комфорт и микроклимат образовательной деятельности;

интерес к личности в сочетании с адекватной оценкой его достижений в профессиональном становлении;

выраженный внешний запрос на востребованность личности студента, в особенности тех ее качеств и смыслов, которые индивидуально значимы для нее и непосредственно связаны с будущей профессией⁶.

Анализ этих условий позволяет утверждать, что именно студент выступает как заинтересованное лицо: он сам участвует в постановке и корректировке образовательных задач, ищет наиболее эффективные пути их реализации, что необходимо учитывать при организации процесса управления качеством.

Таким образом, анализ основ управления качеством художественного образования в условиях НИУ свидетельствует, что в Институте искусств есть творческий научный потенциал, который обеспечивает взаимодействие субъектов в художественно-творческой деятельности, что позволяет достичь высокого уровня профессиональной компетентности будущего педагога на основе эффективного управления качеством. Процесс формирования и функционирования НИУ является многосторонним, связанным с целым комплексом интеграционных процессов по определению направлений деятельности, формирования систем стратегического планирования, качества, оценками конкурентоспособности и устойчивости, развития инновационной деятельности, взаимосвязанной с научной и образовательной.

Примечания

¹ См.: Бонюшко Н. А. Повышение качества образовательных услуг на основе создания научно-исследовательских университетов // Экономические науки. 2009. № 3(52). С. 388–392.

- ² См.: Недосекина А. Г. Художественно-эстетическое образование в вузах России : проблемы и противоречия // Искусство и образование. 2002. № 3. С. 26–36.
- ³ Петровский В. А. Субъектность : новая парадигма в образовании // Психологическая наука и образование. 1996. № 3. С. 88.
- ⁴ См.: Коротков Э. М. Управление качеством образования. М., 2006. 320 с.
- ⁵ См.: Загвязинский В. И. Стратегические ориентиры и реальная политика развития образования // Педагогика. 2005. № 6. С. 10–14.
- ⁶ См.: Брушлинский А. В. Субъект : мышление, учение, воображение. М. ; Воронеж, 1996. 392 с. ; Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1996. С. 28–132 ; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. 178 с.

УДК 15:378.1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Г. Д. Турчин

Саратовский государственный университет
E-mail: sgu.pedagogika@yandex.ru

В статье рассматриваются тенденции модернизации и развития системы образования России с учетом мирового опыта.

Ключевые слова: образование, содержание образования, принципы образования, непрерывное образование.

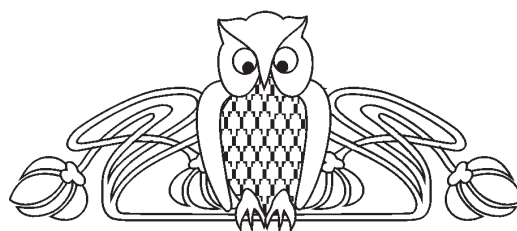
The Basic Directions of Perfecting the System of Education in Russia

G. D. Turchin

The article analyses the tendencies of modernization and development of the system of education in Russia in connection to the world experience.

Key words: education, content of education, principles of education, continuous education.

В нашей стране действует единая система непрерывного образования, которая должна обеспечивать общеобразовательную, профессиональную и научную подготовку граждан, повышение квалификации и переподготовку кадров, всемерно содействовать воспитанию, духовному, физическому и общекультурному развитию личности. Образование – целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающихся установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов), удостоверенных соответствующим документом¹. Система непрерывного образования – совокупность образовательно-воспитательных учреждений и органов управления ими. Она строится на основе принципов, которые разрабатываются в соответствии с целью образования и воспитания подрастающего поколения, политическим и экономическим строем государства.

Система непрерывного образования складывается в нашей стране с учётом следующих принципов:

равенство всех граждан в получении образования независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, отношения к религии, имущественного и социального положения;

обязательность образования для всех детей и подростков;

государственный и негосударственный характер всех учебно-воспитательных учреждений;

свобода выбора языка обучения, обучение на родном языке или на языке другого народа;

общедоступность и бесплатность начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе – бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые;

единство системы образования и преемственность всех типов школ;

единство обучения и воспитания; сотрудничество школы, семьи и общественности в воспитании детей и молодёжи;

связь обучения и воспитания подрастающего поколения с жизнью;

научный характер образования, его постоянное совершенствование на основе новейших достижений науки, техники и культуры;

Таким образом, эффективное использование педагогического потенциала двухуровневой системы образования и дидактические возможности инновационного вуза позволят достичь цели высшего профессионального образования и успешно решить государственную задачу по подготовке высококвалифицированных, конкурентоспособных, компетентных, социально и профессионально мобильных специалистов различного уровня и профиля.

Примечания

- 1 См.: Вяткин Л. Г., Ольнева А. Б. Основы педагогики высшей школы. Саратов, 1999. С. 154–155.
- 2 См.: Грохольская О. Г. Дидактическая система современного инновационного вуза // Вестн. ун-та Рос. акад. образования. 2011. № 2. С. 82.
- 3 См.: Слободчиков В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург, 2009. С. 139.

УДК 51(072.3)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МАТЕМАТИКИ К РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

О. С. Кочегарова

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: olgakochegarova2008@rambler.ru

В статье рассматривается один из вопросов, связанных с проблемой формирования готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников, – модель формирования готовности.

Ключевые слова: модель, готовность, учитель математики, дополнительное математическое образование школьников.

The Model of Formation of Readiness of a Future Math Teacher to the Realization of Additional Math Education of Pupils

O. S. Kochegarova

The article deals with one of the questions, concerning with the problem of formation of readiness of a future math teacher to the realization of additional math education of pupils – the model of formation of readiness.

Keywords: model, readiness, math teacher, additional math education of pupils.

Демографическая ситуация в России последнего десятилетия XX в. характеризовалась резким сокращением рождаемости и количества детей, обучающихся в настоящее время в общеобразовательных учреждениях. В рабочем графике учителей уменьшилось время, отводимое на обучение по основным образовательным программам и увеличился удельный вес профессиональной деятельности в рамках дополнительного образования, способствующего самоопределению школьников в личностной, социокультурной, профессиональной областях,

включению их в различные виды творческой деятельности, позитивному отношению к ценностям образования и культуры, развитию нравственных качеств и эмоциональной сферы. Повышенное внимание государства к дополнительному образованию детей нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (от 7 мая 2012 г.), который предусматривает увеличение к 2020 г. числа детей в возрасте от 5 до 18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 70–75%.

Для большинства учителей математики подобное расширение как видов профессиональной деятельности (преподавание в области дополнительного математического образования; организация досуговых мероприятий по предмету, методическое обеспечение образовательного процесса), так и ее объектов (задачи, содержание, методы, формы, средства организации и процесс дополнительного математического образования школьников) может быть сопряжено со значительными трудностями ввиду отсутствия или недостаточности знаний, умений, практического опыта. Исходя из вышеизложенного становится актуальным формирование еще в условиях вуза готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников.

Дополнительное математическое образование школьников представляет собой особую самооценную составляющую школьного дополнительного образования, неотъемлемую часть непрерывного математического образования, обеспечивающую посредством реализации дополнительных образовательных и досуговых программ на основе свободного выбора и самоопределения учащихся формирование у них устойчивого познавательного интереса к предмету; выявление и развитие математических способностей, необходимых для продуктивной жизни в обществе; повышение уровня математической образованности за счет расширения, углубления и дополнения знаний, умений и навыков, формируемых в соответствии с основной образовательной программой, развития интеллектуальных, поведенческих и профессионально значимых качеств, способности к интеллектуальной и творческой деятельности, к продолжению своего образования и самообразования.

Дополнительное математическое образование школьников имеет сложную системную организацию и выступает как совокупность, взаимодействие и взаимопроникновение целевого (цели дополнительного математического образования школьников), содержательного, процессуального (методы обучения, дидактические средства, формы организации деятельности детей) и результативного (образовательные результаты учащихся) компонентов.

Эффективно реализовать дополнительное математическое образование может лишь учитель, обладающий готовностью к данному виду профессиональной деятельности. Под готовностью мы понимаем личностное образование, объединяющее в себе психолого-педагогические, предметные (математические) и методические знания, умения, практический опыт, необходимые и достаточные для будущего учителя математики, осуществляющего дополнительное математическое образование детей в условиях школы; умения творчески применять полученные знания, навыки, практический опыт в реальной педагогической деятельности; направленность на деятельность, ориентированную на приобретение соответствующих знаний, умений, практического опыта.

В структуре готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников мы выделяем три взаимосвязанных компонента: мотивационный, теоретический, практический. Первый обеспечивает направленность студента на деятельность, ориентированную на приобретение знаний, практического опыта, формирование умений и навыков, необходимых и достаточных для будущего учителя математики, осуществляющего дополнительное математическое образование. В процессе прохождения практики и последующей трудовой деятельности мотивационный компо-

нент направлен на деятельность, непосредственно связанную с дополнительным математическим образованием.

Теоретический компонент подразумевает обогащение будущих учителей математики системой психолого-педагогических, специальных (математических) и методических знаний. Практический обеспечивает формирование у студентов умений и навыков, получение практического опыта в области дополнительного математического образования, организации досуговых мероприятий (по предмету), методического обеспечения образовательного процесса. Практический компонент предполагает творческое применение знаний, умений, опыта в реальной педагогической деятельности.

Выделенные компоненты исследуемой готовности образуют целостную иерархическую систему, в которой системообразующую функцию выполняет мотивационный компонент, формирование которого, в свою очередь, зависит от теоретического и практического.

Готовность будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников может быть оценена по четырем уровням (адаптивному, репродуктивному, эвристическому, креативному). Адаптивный уровень характеризуется смутными, нечеткими, неустойчивыми влечениями к деятельности, ориентированной на приобретение знаний, формирование умений и навыков, получение практического опыта, наличием недифференцированных и неполных знаний о дополнительном математическом, представлений о профессиональной деятельности, связанной с его осуществлением, в ряду других психолого-педагогических, специальных (математических) и методических знаний, отдельными умениями, необходимыми для преподавания в области дополнительного математического образования и организации досуговых мероприятий, методическим обеспечением образовательного процесса; при этом полученные знания и умения не находят адекватного применения в реальной практической деятельности.

Репродуктивный уровень характеризуется активным, устойчивым стремлением к деятельности, ориентированной на приобретение знаний, формирование умений и навыков, получение практического опыта, наличием необходимых психолого-педагогических, специальных (математических) и методических знаний, умений и навыков, возможностью применять полученные знания и умения на практике, ориентируясь при этом на готовые разработки и алгоритмы.

Эвристический уровень определяется выраженной осознанной устойчивой потребностью в деятельности, достаточных психолого-педагогических, специальных (математических) и методических знаний, умений и навыков,

практического опыта, умениями практически осуществлять реализацию дополнительного математического образования школьников.

Креативный уровень заключается в устойчивой потребности в деятельности, обобщенной системе достаточных психолого-педагогических, специальных (математических) и методических знаний, умений и навыков, практического опыта, возможностях творчески применять их в реальной педагогической деятельности.

Модель формирования готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников, разработанная на основе личностного, проблемно-деятельностного, контекстно-биографического, системного подходов, представляет собой систему, в которой составляющие ее структурные компоненты (мотивационно-целевой, содержательно-организационный, оценочно-результативный) объединены и взаимодействуют с учетом структурно-функциональных доминант (механизма реализации, факторов, условий) в контексте будущей профессиональной деятельности.

Содержание мотивационно-целевого компонента представлено приоритетной целью – повышением уровня сформированности готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников и уточнено через формулировку задач, детерминированных спецификой будущей профессиональной деятельности. Содержательно-организационный компонент модели предполагает практическое обеспечение процесса формирования исследуемой готовности, предусматривающее организацию соответствующей профессионально ориентированной информационно-коммуникационной образовательной среды, вооружающей студентов за счет специально отобранного содержания, соответствующих форм, методов и средств обучения знаниями, умениями, навыками, практическим опытом.

Содержание образования, ориентированного на формирование такой готовности, исходя из концепции И. Я. Лернера и М. Н. Скаткина, может быть представлено как совокупность компонентов опыта: когнитивного (проявляется в психолого-педагогических, предметных, методических знаниях); практической деятельности (психолого-педагогические, предметные, методические умения); творческой деятельности (умение творчески применять полученные знания, умения, практический опыт в реальной педагогической деятельности); отношений личности (сформированная направленность на деятельность, ориентированную на приобретение соответствующих знаний, получение практического опыта, формирование требуемых умений и навыков).

Методы обучения, ориентированные на формирование вышеобозначенной готовности можно

выделить, опираясь на классификацию содержания образования И. Я. Лернера и М. Н. Скаткина, – это репродуктивные методы (информационно-рецептивный, инструктивно-репродуктивный) и продуктивные – проблемное изложение, эвристический, исследовательский. Формирование исследуемой готовности целесообразно организовывать в контексте будущей профессиональной деятельности, поэтому каждому виду деятельности студентов, учебной, квазипрофессиональной, учебно-профессиональной соответствует определенная группа методов.

К формам организации деятельности студентов, направленной на приобретение знаний, практического опыта, формирование умений и навыков, отнесены: лекции (информационная лекция-погружение, проблемная, лекция «Приглашение к исследованию», обобщающе-интегративная); практические занятия (с элементами беседы репродуктивного характера и тренингом по решению репродуктивных профессионально-методических задач; с элементами эвристической беседы и тренингом по решению проблемных и творческих профессионально-методических задач; деловые игры; педагогические мастерские; контрольно-корректирующее занятие); самостоятельная и научно-исследовательская работа; учебная и производственная практика.

При организации деятельности студентов могут быть использованы все средства, регламентированные современной типологией средств обучения (печатные, наглядные плоскостные, демонстрационные, электронные образовательные ресурсы, аудиовизуальные, учебные приборы). Ведущая роль принадлежит использованию печатных и электронных дидактических средств (авторские учебно-методические пособия; направляющие тексты; электронные образовательные ресурсы)². Оценочно-результативный компонент модели позволяет осуществить оценку уровней сформированности исследуемой готовности и констатировать эффективность модели.

Принципами, регулирующими процесс формирования исследуемой готовности, являются: целостность, структурность, преемственность, контекстность, последовательный переход от учебной деятельности академического типа к учебно-профессиональной, активно-деятельностное развитие личности обучаемого; открытость.

Факторы эффективного формирования исследуемой готовности – фундаментализация педагогического образования, его когнитивно-исследовательская направленность и нацеленность на развитие личности.

Механизм реализации модели формирования такой готовности функционирует посредством последовательного прохождения этапов – адапционно-ознакомительного, поисково-информирующего, практико-моделирующего, аналитико-

обобщающего. Каждый этап представлен целью, конкретными задачами, условиями реализации, результатом. Эффективность разработанной модели подтверждена результатами опытно-экспериментальной работы.

Примечания

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в

области образования и науки» // Рос. газ. 2012. № 5775, май. С. 1.

² См.: Кочегарова О. С., Кондаурова И. К., Терновская Н. А. История школьного математического образования в России и за рубежом. Саратов, 2012. 160 с.; Кочегарова О. С., Кондаурова И. К., Терновская Н. А. Дополнительное математическое образование детей в условиях школы. Саратов, 2012. 160 с.

УДК 378.637.036

МНОГОУРОВНЕВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ЕГО КАЧЕСТВОМ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

И. Э. Рахимбаева

Институт искусств Саратовского государственного университета
E-mail: Rachimbaeva_inga@mail.ru

Статья посвящена проблемам многоуровневого художественного образования и управления его качеством в условиях национального исследовательского университета, позволяющего одинаково эффективно осуществлять деятельность на основе принципов интеграции науки и образования. Управление качеством – основа профессиональной подготовки выпускников и модернизации всей системы образования.

Ключевые слова: управление качеством, художественное образование, многоуровневое образование, профессиональная подготовка.

Multilevel Art Education and Management of its Quality in the Conditions of National Research University

I. E. Rachimbaeva

Article is devoted to problems of multilevel art education and management of its quality in the conditions of the national research university allowing equally effectively to carry out activity on the basis of principles of integration of science and education. Quality management is a basis of vocational training of graduates which is an indispensable condition of modernization of all education system.

Key words: quality management, artistic education, multilevel formation, vocational training.

Происходящие изменения во всех сферах жизнедеятельности современного общества обусловили смену приоритетов и ориентиров образования. Развитие высшего образования в России происходит в новых, достаточно сложных условиях, когда встает вопрос о сохранении функции формирования кадровой интеллектуальной элиты при сохранении на основе отечественной традиции и одновременно включении страны

в процессы интеграции и глобализации в мировом образовательном пространстве. В последние годы утверждены новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), в основе которых находится компетентностный подход; принципиально обновлены требования к результатам, содержанию, кадровому обеспечению образовательного процесса; создана сеть федеральных и национальных исследовательских университетов. Несмотря на особые условия переходного периода требования к качеству подготовки выпускников вузов не снижаются, что отражено в правительственных документах (проект «Образование 2020», Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. и др.). В этих условиях современные вузы заинтересованы в создании эффективных систем управления качеством образования, являющихся основой инновационной подготовки, осуществляемой на основе Федерального государственного образовательного стандарта и профессиональных стандартов компетентностной модели выпускников.

Анализ работ (Ю. К. Бабанского, В. И. Байденко, А. Г. Бермуса, В. И. Загвязинского, В. В. Краевского, Н. В. Кузьмина, М. Н. Скаткина и др.) по исследуемому вопросу показал, что высшее образование сегодня решает взаимосвязанные задачи: сохранения и приумножения культурного наследия общества, развития ценностных ориентаций личности, её социализации на одном из этапов формирования, достижения готовности к профессиональной деятельности.

- ⁴ См.: Алтатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. 244 с.; Крылов В. М., Семичев В. В. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России. СПб., 2004. 160 с.; Свеженцова Ю. И. Нравственно-эстетическое воспитание в российских кадетских корпусах: XVIII – первая половина XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2011. 25 с.
- ⁵ Карабанов А. П. Основание русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. К столетнему юбилею. СПб., 1849. С. 13.
- ⁶ См.: Иванов А. Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе. 1815–1822 // Современник. 1859. № VIII. С. 274.
- ⁷ См.: Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807 – 1859. Очерк / Сост. М. Гольмдорф. СПб., 1882. С. 78.
- ⁸ См.: Ореус И. И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в 1845–1849 гг. // Русская старина. 1884. Т. XLI, № 1. С. 203–216.
- ⁹ См.: Надсон С. Я. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. 642 с.
- ¹⁰ Жерве Н. Кадетские, юнкерские и офицерские годы С. Я. Надсона. По воспоминаниям его товарищей и письмам поэта. СПб., 1907. С. 72–73.
- ¹¹ Александровец. 1907. № 6. С. 33.

УДК 378:811.111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

А. З. Гусейнов

Саратовский государственный университет
E-mail: guseynovaz@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации двухуровневой системы образования в вузе, ее педагогический потенциал и перспективы развития.

Ключевые слова: педагогический потенциал, двухуровневая система образования, перспективы развития.

Pedagogical Potential and Perspectives of Two Level System of Education in High School

A. Z. Guseynov

The article covers the issues of high school pedagogical potential and the vectors of their realization in conditions of two level educations.

Key words: pedagogical potential, two level system of education, perspectives development.

Важнейшим фактором формирования человека и общества в целом было и остается образование. Именно оно обеспечивает воспроизводство общества, передавая накопленные знания и социокультурный опыт от поколения к поколению. Интенсивное развитие науки и техники, особенно в последнее время, способствовало превращению образования в одну из самых широких областей человеческой деятельности. Вместе с тем в этой сфере наметился и ряд негативных тенденций, проявившихся в отставании темпов развития образования от темпов развития науки, техники и технологий, в разрыве между ростом информации и возможностью ее усвоить обучающимся, в инерционности образования и общества, в дефи-

ците материальных ресурсов, обеспечивающих эффективное функционирование этого института. В связи с этим возникает необходимость глубокого переосмысления самих основ профессионального образования, сущности новой двухуровневой системы, реализуемой в отечественных вузах, федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения, деятельности конкретного вуза со своими традициями и инновационными возможностями. Комплексный анализ этого сложного социокультурного феномена как целостного явления, внимательное изучение его потенциала и перспектив развития отвечает как запросам личности, общества, так и требованиям сегодняшнего дня.

Цель профессионального образования, сформулированная в концепции модернизации отечественного образования, – подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего профессиональными навыками и ориентирующегося в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Существенные изменения в системе высшего профессионального образования, связанные с кардинальным обновлением содержания и технологии обучения,

педагогическим потенциалом федерального образовательного стандарта, организационными и экономическими условиями деятельности вузов, базирующимися на системном, личностно-ориентированном, компетентностном и деятельностном подходах, позволяют не только повысить качество образования, но и успешно конкурировать на рынке образовательных и научных услуг.

Двухуровневая система высшего профессионального образования состоит из следующих структурных элементов: цели, ради которых она создана; учебная информация, средства коммуникации; обучаемые; педагоги. При целостном подходе к анализу новой системы важно выделить основные функциональные элементы, изменения в которых позволяют привести её к успешному достижению поставленных целей. Они представляют собой базовые связи между исходным состоянием элементов системы и конечным, искомым результатом. Такими элементами являются: исследовательский, связанный с изучением потребностей в образовании, необходимости в создании новых образовательных систем, с анализом противоречий между искомым и наличным уровнем продуктивности решения управленческих психолого-педагогических и учебных задач, факторов, определяющих эффективность деятельности педагогических коллективов; проективный, анализирующий тенденции развития общества и корректирующий в функционирование образовательных систем с целью сокращения разрыва между существующими результатами обучения, воспитания и профессиональной компетентности специалистов и искомыми, т. е. потребными обществу; конструктивный, нацеленный на создание, композиционное построение и экспериментальную проверку инновационных форм, методов обучения и воспитания; коммуникативный, регулирующий взаимоотношения как по вертикали (между администрацией, педагогами и студентами), так и по горизонтали (между руководителями разных подразделений, профессорско-преподавательским составом и студентами между собой); организаторский, связанный с созданием соответствующих условий для эффективного функционирования образовательной системы в целом и ее структурных элементов¹. Реализация инновационного потенциала новой системы на научной основе будет возможной и успешной, если предметом научных поисков сделать способы разрешения противоречий, возникающих между постоянно усложняющимися требованиями к подготовке профессиональных кадров и фактическим уровнем функционирования двухуровневой системы образования в целом и ее структурных компонентов.

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет как универ-

ситет инновационного типа имеет не только столетний опыт и богатые традиции по подготовке высококвалифицированных специалистов, но и все возможности роста и развития, предоставленные ему новым статусом, госстандартом и уровневой системой образования: реализации широкого спектра образовательных программ; эффективной стратегии руководства, сочетающей академические демократические начала и централизацию управления; координации и консолидации научного и педагогического потенциала как в рамках институтов и факультетов, так и деятельности кафедр; продолжения образования по образовательным программам послевузовского и дополнительного профессионального образования; активного внедрения новых информационных технологий.

Актуальная задача НИУ СГУ как инновационного вуза и научного центра – предоставлять обучающимся необходимые условия для получения современного качественного образования, формировать высококомпетентных, конкурентоспособных, мобильных, востребованных профессионалов, кадровый потенциал науки, вести активную научно-исследовательскую деятельность всеми субъектами образовательного процесса. Решение данной задачи базируется на следующих педагогических положениях: повышении качества образовательной и научной деятельности, динамичном развитии вуза, отвечающем требованиям времени, реализующем процесс обучения во взаимодействии с исследовательской деятельностью всех субъектов образования; развитии и углублении фундаментальных и прикладных научных исследований, инновационной деятельности в рамках сотрудничества с другими вузами и научными центрами; развитии и поддержке актуальных научных проектов, направлений и научных школ, основной целью которых является создание культурно-образовательной среды, обеспечивающей интеллектуальное развитие личности, которое повышает ее познавательную активность и творческую самостоятельность; обеспечении комплексной подготовки специалистов, бакалавров, магистров, аспирантов, докторантов, проведении научных исследований, оказании образовательных услуг, соответствующих мировым стандартам; внедрении инновационных проектов в научной деятельности, учебном процессе и управлении; развитии прочных и продуктивных связей с передовыми образовательными и научными организациями в России и мире; создании условий, стимулирующих культ знания, формирующих творческие способности, нацеливающих на успех и профессиональный рост; целенаправленном воспитании гармоничной, гуманной и высоконравственной личности².

Сегодня уровневая система образования в нашей стране находится на стадии становления.

Она отличается целостностью и иерархичностью; представляет собой комплекс взаимосвязанных приемов, методов и форм обучения; в ней находятся в оптимальном соотношении аудиторские и внеаудиторские формы организации учебного процесса; система строится с учетом последовательной конкретизации задач обучения и формирования у студентов навыков учебной и научной деятельности. Радикальная интенсификация учебного процесса связана с самостоятельной работой студентов и поиском ее новых форм организации.

Самостоятельная работа студентов в двухуровневой системе занимает значительную часть учебного времени (три четверти) и осуществляется в традиционных апробированных формах (лабораторные работы исследовательского характера, участие студентов в проблемно-тематических семинарах и семинарах научных школ, решение задач фундаментального и прикладного характера с использованием компьютера и информационных технологий). Организация самостоятельной работы студентов рассматривается как инструмент формирования творческой активности личности профессионала, его умения ориентироваться в теории и практических ситуациях, постановке и самостоятельном решении разнообразных задач, постоянно возникающих в ходе познавательной деятельности. Следует учитывать одно важное обстоятельство: овладеть студентам технологией умственного труда несколько не легче, чем содержанием какого-либо предмета, для чего необходимо проводить специальные занятия по научной организации учебной исследовательской деятельности, например, тренинги по быстрому изучению печатных источников, отработке точности записей различных видов, по выработке навыков ясного, четкого изложения прочитанного, услышанного и увиденного, по формированию умений анализировать, классифицировать и сравнивать учебный материал. В ходе самостоятельных занятий у студентов воспитывается стремление к всестороннему развитию личности, к проявлению личной инициативы, формируется потребность в более глубоком овладении определенными областями науки и культуры, в саморазвитии. Все это достигается пробуждением и поддержанием у них устойчивого интереса к изучаемым дисциплинам на основе использования прогрессивных, интерактивных методов, а также постоянного и систематического соотнесения изучаемого материала с новейшими открытиями, перспективами развития науки и техники, с проблемами, нуждами производства, с осознанием ее значения для общества и лично для каждого молодого специалиста приобретаемой профессии. Особую роль в этих процессах играет дидактический потенциал новой системы. В университете на уровне бакалавра доминирует

практико-ориентированный подход подготовки, на уровне магистра – созидательно-творческий, при котором актуальным является решение развивающе-творческих задач в процессе обучения. Реализация компетентностного подхода предполагает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологических тренингов, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков студентов³. Важным фактором реализации данного подхода являются предусмотренные в рамках учебных дисциплин встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов.

С позиции содержания и структуры основных образовательных программ федеральный стандарт предлагает новый подход к определению и построению содержания обучения на основе соединения формализации знания и поэлементного структурирования учебного материала. Существенное значение имеет определение критериев отбора предметно-содержательного материала по учебным дисциплинам с целью его предельной интеграции (укрупнения дидактических единиц) и усиления гуманизирующего и развивающего воздействия на личность студента. Важную роль играет анализ фундаментальных основ научных дисциплин, которые представляют собой общие теоретические положения, адекватно отражающие суть и объекты наук, способствующие формированию профессионального мышления и компетенций. Основная образовательная программа структурно состоит из общенаучного и профессионального циклов и разделов: научно-исследовательская работа, практика, итоговая государственная аттестация. Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную). Методически существенным является то, что вариативная часть дает возможность расширения и (или) углубления знаний, умений, навыков и компетенций, определяемых содержанием базовых дисциплин (модулей), позволяет студенту получить углубленные знания, навыки и компетенции для успешной профессиональной деятельности. Мониторинг сформированности компетенций обучающихся, разработка совместно с педагогами индивидуальных траекторий обучения студентов с учетом их личностных характеристик несомненно повысят не только эффективность процесса обучения, но и качество образования в целом.

Таким образом, эффективное использование педагогического потенциала двухуровневой системы образования и дидактические возможности инновационного вуза позволят достичь цели высшего профессионального образования и успешно решить государственную задачу по подготовке высококвалифицированных, конкурентоспособных, компетентных, социально и профессионально мобильных специалистов различного уровня и профиля.

Примечания

- 1 См.: Вяткин Л. Г., Ольнева А. Б. Основы педагогики высшей школы. Саратов, 1999. С. 154–155.
- 2 См.: Грохольская О. Г. Дидактическая система современного инновационного вуза // Вестн. ун-та Рос. акад. образования. 2011. № 2. С. 82.
- 3 См.: Слободчиков В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург, 2009. С. 139.

УДК 51(072.3)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МАТЕМАТИКИ К РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

О. С. Кочегарова

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: olgakochegarova2008@rambler.ru

В статье рассматривается один из вопросов, связанных с проблемой формирования готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников, – модель формирования готовности.

Ключевые слова: модель, готовность, учитель математики, дополнительное математическое образование школьников.

The Model of Formation of Readiness of a Future Math Teacher to the Realization of Additional Math Education of Pupils

O. S. Kochegarova

The article deals with one of the questions, concerning with the problem of formation of readiness of a future math teacher to the realization of additional math education of pupils – the model of formation of readiness.

Keywords: model, readiness, math teacher, additional math education of pupils.

Демографическая ситуация в России последнего десятилетия XX в. характеризовалась резким сокращением рождаемости и количества детей, обучающихся в настоящее время в общеобразовательных учреждениях. В рабочем графике учителей уменьшилось время, отводимое на обучение по основным образовательным программам и увеличился удельный вес профессиональной деятельности в рамках дополнительного образования, способствующего самоопределению школьников в личностной, социокультурной, профессиональной областях,

включению их в различные виды творческой деятельности, позитивному отношению к ценностям образования и культуры, развитию нравственных качеств и эмоциональной сферы. Повышенное внимание государства к дополнительному образованию детей нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (от 7 мая 2012 г.), который предусматривает увеличение к 2020 г. числа детей в возрасте от 5 до 18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 70–75%.

Для большинства учителей математики подобное расширение как видов профессиональной деятельности (преподавание в области дополнительного математического образования; организация досуговых мероприятий по предмету, методическое обеспечение образовательного процесса), так и ее объектов (задачи, содержание, методы, формы, средства организации и процесс дополнительного математического образования школьников) может быть сопряжено со значительными трудностями ввиду отсутствия или недостаточности знаний, умений, практического опыта. Исходя из вышеизложенного становится актуальным формирование еще в условиях вуза готовности будущего учителя математики к реализации дополнительного математического образования школьников.

ПЕДАГОГИКА

УДК 371.3

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР И ЕГО РОЛЬ В ЯЗЫКОВОМ РАЗВИТИИ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. А. Бондаренко

Академия труда и социальных отношений, г. Москва
E-mail: marbondina@mail.ru

Статья посвящена одному из факторов, определивших высокий уровень языкового развития воспитанников военно-учебных заведений России, – любительскому театру. Во влиянии театра на развитие и совершенствование речевых способностей личности, на расширение способов ее проявления и самореализации были уверены многие идеологи военного образования. Как в столичных, так и в провинциальных кадетских корпусах и военных училищах создавались условия для развития самодеятельного театра. Кадеты и юнкера нередко сами писали пьесы, а некоторые из них в дальнейшем стали писателями и журналистами.

Ключевые слова: любительский театр, военно-учебное заведение, речевое развитие, русский язык.

Amateur Theatre and Its Role in the Language Development of the Military Schools' Cadets. Historic Aspect

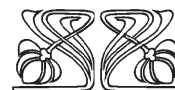
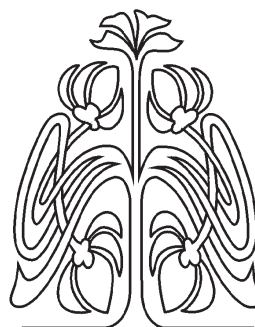
М. А. Bondarenko

The article is devoted to amateur theatre as one of the factors that contributed to the high level of linguistic development of the military schools' cadets in Russia. Many of the military education ideologists were convinced that theatre influences on the development and improvement of the speech abilities of an individual expanding the ways of its manifestation and self-realization. Both in the metropolitan and provincial military schools and academies were created conditions for development of amateur theatres. Often cadets wrote plays themselves and some of them later became writers and journalists.

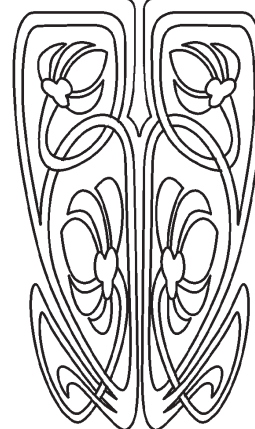
Key words: amateur theatre, military school, speech development, Russian language.

Любительский (самодеятельный, народный) театр как уникальное явление отечественной культуры постоянно находится в сфере внимания российских культурологов, историков театра, искусствоведов, хотя в последние годы число исследований этой темы сократилось. В то же время феномен любительского театра и в историческом, и в современном аспектах все чаще становится предметом социокультурного анализа¹. Отдельные работы посвящены и его роли в развитии гуманитарной культуры учащихся². В комплексных исследованиях, посвященных истории военно-учебных заведений, также рассматривается организация самодеятельных театров³. Педагогическая составляющая данных исследований касается воспитательной роли любительского театра.

Вместе с тем не уделялось внимания тому, в какой мере приобщение к театральному творчеству способствует развитию

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

языковых способностей личности, хотя факты, доказывающие, что увлечение театром способно развить в человеке уникальные языковые способности, широко известны. При этом можно сослаться на сведения о формировании не только русских писателей, в детстве и юности переживших колоссальное воздействие театра, причем самодетельного в большей мере, чем профессионального (например, Н. В. Гоголь), не только будущих актеров и режиссеров (К. С. Станиславский начинал с участия в домашних спектаклях, В. И. Немирович-Данченко увлекся театром в десятилетнем возрасте), но и ученых (А. А. Лосев, П. М. Ковалевский), офицеров (Н. Г. Цевловский, Д. И. Завалишин), педагогов (А. В. Никитенко, А. Д. Галахов), чиновников (Ф. Ф. Вигель, С. П. Жихарев), женщин, оставивших заметный след в русской культуре (А. П. Керн, Е. Н. Водовозова, М. Ф. Каменская).

Все перечисленные здесь люди – персоны не случайные: это авторы мемуаров, дневников и других сочинений, позволяющих судить о них как о развитых, ярких, своеобразных языковых личностях, на формирование которых повлияло увлечение театром, в том числе участие в любительских спектаклях. Знакомство с большим числом текстов, их чтение и обсуждение, многократные репетиции, внимание к русскому слову, интонации, четкому, правильному произношению и отдельных реплик или монологов, усвоение самых разнообразных конструкций, выразительных средств и возможностей родного языка, увеличение лексического запаса, формирование вкуса к хорошей речи – эти и другие составляющие прямо воздействуют на развитие речевых способностей личности, на ее совершенствование, на расширение способов ее проявления, ее самореализации.

Любовь к театру, проявляющаяся в желании не только быть зрителем, но и актером или участвовать в коллективной подготовке спектакля – в качестве постановщика, художника, костюмера, литературного консультанта, или самому написать небольшую пьесу, например, из кадетской жизни, из отечественной истории, – все это не может не повлиять на развитие в юношах творческих способностей, в том числе литературных.

Были уверены в благотворном влиянии на развитие личности и многие идеологи военного образования. Некоторые из них драматическому театру предпочитали музыкальный, развивая музыкальные способности воспитанников военно-учебных заведений. Это проявлялось прежде всего в обязательном включении в учебный процесс обучения танцам, в создании хоров при учебных заведениях, в проведении музыкальных вечеров. Такой взгляд на эстетическое развитие кадетов и юнкеров нашел отражение и в научной литературе, посвященной воспитательному процессу: большинство исследователей считает

нехарактерным для военно-учебных заведений увлечение драматическим театром⁴. Позволим себе с этим не согласиться. В первую очередь, потому, что именно военной школе русское искусство обязано рождением интереса к национальной драме, более того – к становлению национального драматического театра. Речь идет о воспитании целой плеяды русских драматургов в стенах Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Старший из ее представителей – А. П. Сумароков, вышедший из корпуса в 1740 г., – является создателем российского театра. К моменту, когда Сумароков предстал перед обществом в качестве драматурга, он был уже популярным автором модных в то время эклог, знакомы были читателю и его драматические опыты, но на сцене эти произведения не ставились. Признание драматического таланта Сумарокова началось в 1749 г., когда кадеты разыграли его «Хорева» – трагедию в пяти актах. Приглашенный на этот самодетельный спектакль Сумароков был поражен превосходной игрой юных поклонников его таланта. Узнавшая о представлении императрица Елизавета Петровна повелела кадетам показать спектакль при дворе. Выпускник Первого кадетского корпуса А. П. Карабанов через сто лет пишет об этом событии с нескрываемой гордостью: «Это открытие придворного российского театра и русской драмы происходило 1750 года января 8 дня: день незабвенный в летописях Первого кадетского корпуса и в летописях России!»⁵. За «Хоревым» последовали и другие постановки силами кадетов, представлявшиеся как на корпусной сцене, так и во дворце. Среди спектаклей был «Гамлет», которого русский зритель впервые увидел в переводе Сумарокова в 1750 г. в кадетском театре, но, в первую очередь, кадеты блестяще сыграли оригинальные пьесы драматурга – трагедии «Артистона», «Синав и Трувор», фарсовые комедии «Чудовища» и «Пустая ссора».

Пример Сумарокова стал в буквальном смысле заразителен: вслед за ним из стен Сухопутного корпуса вышли М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, Н. А. Бекетов, И. А. Дмитриевский, И. Я. Соколов, В. А. Озеров, Д. В. Ефимьев, М. В. Крюковский, составившие своими сочинениями славу российского театра. Писали драмы и кадеты более поздних выпусков: в частности, С. Н. Глинка, больше известный как мемуарист, создал и несколько героических драм из русской истории, в том числе «Минина», «Наталью, боярскую дочь» и «Осаду города Полтавы».

О широком увлечении самодетельным театром в военно-учебных заведениях в начале XIX в. свидетельствуют воспоминания А. Иванова, бывшего в то время кадетом Горного кадетского корпуса (этот корпус принадлежал горному министерству, но готовил офицеров, и обучение в нем соответствовало тому, которое

было в корпусах военного ведомства). Записки А. В. Иванова рисуют яркую картину увлечения кадетов постановкой спектаклей, в которых участвовали помимо воспитанников офицеры и унтер-офицеры⁶. Кадетское увлечение театром не прошло для него даром: после Горного корпуса А. В. Иванов поступил в Петербургский университет, по окончании которого стал преподавать словесность – латинскую и русскую, а кроме того, переводил с французского драматические произведения, создал несколько оригинальных пьес и издал «Драматический альманах для любителей и любителей театра» на 1828 г.

В те годы, о которых пишет Иванов в своих воспоминаниях, в Горном корпусе учились такие в скором времени составившие славу отечественной словесности деятели науки, как А. А. Бестужев (Марлинский) и Н. М. Языков. В корпусе А. А. Бестужев вел дневник и занимался сочинительством, в частности, создал пьесу в пяти актах «Очарованный лес» для домашнего кукольного театра. Когда в корпусе образовался театр, он помимо сценических ролей исполнял еще функции главного декоратора и костюмера.

С таким же увлечением занимались постановкой спектаклей и в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, о чем остались свидетельства в историческом описании учебного заведения и воспоминаниях его выпускников. Начинали кадеты с постановки спектаклей для узкого круга зрителей, но успех и желание расширить число допущенных к просмотру привели к тому, что спектакли стали публичными.

В течение четырех лет в Новгородском корпусе учился С. Р. Минцлов (1885–1888), организовавший там литературно-драматический кружок. Без его ведома в 1888 г. товарищи опубликовали в одном из театральных изданий стихотворения Минцлова, это и стало первым его выступлением в печати. В дальнейшем помимо исторических романов и повестей, публицистических и библиографических сочинений из-под его пера выйдут и драматические сочинения: на провинциальной сцене будут с успехом играть его исторические драмы «Первый камень» и «Боярин Кучко», комедии «Женское дело» и «Женихи», написанные прекрасным языком, очень живые и яркие.

Новгородские кадеты получали возможность реализовывать свои театральные пристрастия и в Петербурге, при переводе их в Дворянский полк. В материалах для его истории упоминается о традиции разыгрывать там домашние спектакли: указывается, например, что в 1853 г. шел водевиль «Нечаянный случай», сочиненный воспитанником 1-й дворянской роты Горбуновым⁷. Упоминает в своих воспоминаниях о любительских спектаклях и воспитанник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, учившийся в 1840 гг., И. И. Ореус⁸.

В Петровском Полтавском кадетском корпусе театральные постановки стали практиковаться при директорстве Е. П. Врангеля (родного брата выдающегося полярного исследователя Ф. П. Врангеля), возглавлявшего корпус с 1849 по 1856 г. Этот имевший большой военный опыт офицер с назначением его директором военно-учебного заведения проявил себя незаурядным педагогом-организатором, о котором у воспитанников остались самые теплые воспоминания. Собственно говоря, кредо Врангеля было очень простым: он любил кадетов и старался сделать все для того, чтобы жизнь в корпусе была и полезной, и счастливой. Одно из тех занятий, которые могли, по мнению Врангеля, разнообразить их досуг и быть полезными, заключалось в устройстве спектаклей. Ставились военные, патриотические пьесы, нередко многоактные: «Дедушка русского флота» и «Солдатское сердце, или Бивуаки в Саволаксе» (военный анекдот из финляндской кампании) Н. А. Полевого; «Кремнев – русский солдат» – сочинение И. Н. Скобелева, генерал-лейтенанта, деда выдающегося русского полководца М. Д. Скобелева; «Ветеран и новобранец, драматический случай из 1854 года» в одном действии А. Ф. Писемского; «Карл XII под Полтавой», драма в трех действиях Р. М. Зотова; «Отсталые люди, или Предрассудки против науки и искусства» П. Г. Григорьева.

Репетиции спектаклей были весьма полезны, потому что помогали занять кадетов, которые во время каникул и праздников оставались в корпусе: свободного времени было много, однообразие быстро утомляло, и подготовка спектаклей, как правило, довольно длительная, была весьма кстати. Такая практика осуществлялась фактически в течение всей истории Петровского Полтавского кадетского корпуса. В 1901 г. во время посещения корпуса великим князем Константином Константиновичем ему были представлены (по его просьбе) отрывки из корпусных спектаклей – сцена из комедии «Ревизор», стихотворение Пушкина «Бесы», монолог Чацкого «Не образумлюсь... виноват...» Как известно, главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович весьма серьезно относился к эстетическому воспитанию кадетов, поэтому, находясь в корпусах, он особое внимание уделял кадетским спектаклям. После изучения данного вопроса им было отдано распоряжение о проведении уроков театрального мастерства в кадетских корпусах актерами Императорских театров.

Видел в домашних постановках пользу для всестороннего развития юношей и директор Симбирского кадетского корпуса Н. А. Якубович, возглавлявший это учебное заведение с 1878 по 1903 г. Организация досуга была в Симбирском корпусе весьма разнообразна, но более всего любили воспитанники устраивать домашние

спектакли. Именно своему директору они были обязаны, так же как и воспитанники других военно-учебных заведений, тем, что был отменен запрет на организацию любительских спектаклей, действовавший с 1893 г. по распоряжению педагогического совета при Главном управлении и главном начальнике военно-учебных заведений, который считал вредными такие развлечения. Н. А. Якубович сумел убедить военного министра в обратном, и с 1898 г. кадетские постановки возобновились.

К спектаклям в Симбирском корпусе привлекались не только кадеты: для исполнения женских ролей приглашались дочери и жены из семей корпусных служащих. К постановкам относились очень серьезно: вместе обсуждали содержание пьес, характеры героев, что, как считали педагоги, весьма положительно отражалось на отношении учащихся к изучению русской словесности. С увлечением занимались кадеты созданием декораций и костюмов.

Среди страстных поклонников домашнего театра был и гимназист Второй Санкт-Петербургской военной гимназии С. Я. Надсон. Его дневник запечатлел активное участие тринадцатилетнего мальчика в домашних постановках его друзей и знакомых, в которых он был и среди режиссеров, и среди актеров, многие выходные дни посвящая репетициям⁹. Остались свидетельства увлеченности Надсона организацией любительских спектаклей и в бытность его юнкером Павловского военного училища. Это было хорошим способом занять юнкеров во время их пребывания в летнем лагере: «Вечера у юнкеров были свободны. Возникла мысль давать любительские спектакли и устраивать литературно-музыкальные вечера. Нечего и говорить, что Семен Яковлевич весь ушел в это новое занятие. Отчасти благодаря его стараниям, спектакли шли отлично и приобрели себе громкую известность среди лагерной публики. Не принимая непосредственного участия в спектаклях, на литературных вечерах Надсон с увлечением декламировал свои и чужие стихотворения – и “зал”, устроенный из лагерного барака, “тремел” рукоплесканиями»¹⁰. Автор этих строк – Н. П. Жерве, воспитанник Первого кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища. Перейдя в 1907 г. на службу во 2-й кадетский корпус на должность офицера-воспитателя, Жерве активно привлекал кадетов к организации литературных вечеров, используя в этой работе, в том числе, и авторитет легендарного выпускника корпуса.

Сообщения о поставленных кадетами спектаклях постоянно встречаются и на страницах кадетских журналов, в их числе – «Пажеский сборник», подтверждающий сведения о том, что в начале XX в. в этом военно-учебном заведении популярностью пользовались любительские постановки, журнал 2-го корпуса «Кадет-михай-

ловец», который в разделе «Хроника кадетской жизни» неоднократно размещал информацию об организации под руководством корпусных офицеров различных литературных мероприятий, включавших подготовленные кадетами спектакли и сцены.

Опыт любительских постановок, приобретенный кадетами в корпусах, не мог, как и в случае с Надсоном, не получить своего развития уже в училищах. Доказательство тому можно найти в хроникальных сообщениях, опубликованных в журнале «Александровец». Судя по этим сообщениям, в течение года юнкера неоднократно разыгрывали спектакли, продолжая свои занятия и в летнее время в лагерях. Авторы помещенных в журнале заметок не только информировали читателей о представлениях, но и сопровождали их своего рода критическими замечаниями. Среди спектаклей, игравших в 1906–1907 учебном году, были достаточно известные комедии – «Медведь» А. П. Чехова и «Лакомый кусочек» В. А. Крылова, выпускника Инженерного училища и академии. Игались пьесы и силами отдельных рот, например, «силами одной 3-й роты была поставлена пьеса из солдатской жизни, разыгранная очень недурно»¹¹.

Таким образом, влияние любительского театра на воспитанников военно-учебных заведений было по времени достаточно протяженным, в том числе выходя за пределы периода обучения, что является одним из условий устойчивого воздействия. Разумеется, формирование языковой личности воспитанников военно-учебных заведений проходило под непосредственным воздействием совокупности факторов, определивших высокий уровень их речевого развития, но немалую роль, как следует из многочисленных свидетельств самих кадетов, юнкеров и их воспитателей, сыграл в этом и любительский театр.

В современных условиях, когда общество испытывает настоятельную потребность в повышении речевой культуры, думается, опыт военно-учебных заведений по приобщению к русскому слову через организацию любительского театра может быть продуктивно использован педагогическим сообществом.

Примечания

- ¹ См.: Косарева М. В. Самодеятельный театр первого послеоктябрьского десятилетия : опыт социально-культурного анализа : дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 227 с. ; Честнодумов И. Е. Народный театр в культуре России : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2009. 196 с.
- ² См.: Полякова Т. Н. Школьный театр как фактор развития гуманитарной культуры учащихся : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 211 с.
- ³ См.: Аурова Н. Н. Система военного образования в России : Кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003. 275 с.

- ⁴ См.: Алтатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. 244 с. ; Крылов В. М., Семичев В. В. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России. СПб., 2004. 160 с. ; Свеженцова Ю. И. Нравственно-эстетическое воспитание в российских кадетских корпусах : XVIII – первая половина XX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2011. 25 с.
- ⁵ Карабанов А. П. Основание русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. К столетнему юбилею. СПб., 1849. С. 13.
- ⁶ См.: Иванов А. Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе. 1815–1822 // Современник. 1859. № VIII. С. 274.
- ⁷ См.: Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807 – 1859. Очерк / Сост. М. Гольмдорф. СПб., 1882. С. 78.
- ⁸ См.: Ореус И. И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в 1845–1849 гг. // Русская старина. 1884. Т. XLI, № 1. С. 203–216.
- ⁹ См.: Надсон С. Я. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. 642 с.
- ¹⁰ Жерве Н. Кадетские, юнкерские и офицерские годы С. Я. Надсона. По воспоминаниям его товарищей и письмам поэта. СПб., 1907. С. 72–73.
- ¹¹ Александровец. 1907. № 6. С. 33.

УДК 378:811.111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

А. З. Гусейнов

Саратовский государственный университет
E-mail: guseynovaz@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации двухуровневой системы образования в вузе, ее педагогический потенциал и перспективы развития.

Ключевые слова: педагогический потенциал, двухуровневая система образования, перспективы развития.

Pedagogical Potential and Perspectives of Two Level System of Education in High School

A. Z. Guseynov

The article covers the issues of high school pedagogical potential and the vectors of their realization in conditions of two level educations.

Key words: pedagogical potential, two level system of education, perspectives development.

Важнейшим фактором формирования человека и общества в целом было и остается образование. Именно оно обеспечивает воспроизводство общества, передавая накопленные знания и социокультурный опыт от поколения к поколению. Интенсивное развитие науки и техники, особенно в последнее время, способствовало превращению образования в одну из самых широких областей человеческой деятельности. Вместе с тем в этой сфере наметился и ряд негативных тенденций, проявившихся в отставании темпов развития образования от темпов развития науки, техники и технологий, в разрыве между ростом информации и возможностью ее усвоить обучающимся, в инерционности образования и общества, в дефи-

ците материальных ресурсов, обеспечивающих эффективное функционирование этого института. В связи с этим возникает необходимость глубокого переосмысления самих основ профессионального образования, сущности новой двухуровневой системы, реализуемой в отечественных вузах, федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения, деятельности конкретного вуза со своими традициями и инновационными возможностями. Комплексный анализ этого сложного социокультурного феномена как целостного явления, внимательное изучение его потенциала и перспектив развития отвечает как запросам личности, общества, так и требованиям сегодняшнего дня.

Цель профессионального образования, сформулированная в концепции модернизации отечественного образования, – подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего профессиональными навыками и ориентирующегося в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Существенные изменения в системе высшего профессионального образования, связанные с кардинальным обновлением содержания и технологии обучения,

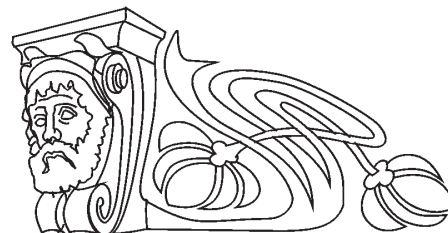

УДК 159.9:316.6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ЭМИГРАЦИИ КАК УСПЕШНОЙ ЖИЗНЕННОЙ И КАРЬЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

С. В. Фролова

Саратовский государственный университет
E-mail: frolovasv71@mail.ru

В статье приводятся результаты исследования представлений современных студентов об эмиграции, ее мотивах и качествах личности потенциального эмигранта; выявлены характерные для молодежи представления об эмиграции как успешной жизненной и карьерной стратегии.

Ключевые слова: социальные представления, жизненная стратегия, карьерная стратегия, причины эмиграции, образ эмигранта, эмиграционные намерения.

Modern Youth Representation about Emigration as a Successful Life and Career Strategy

S. V. Frolova

The article gives the results of the research of modern students' representation about emigration, its motives and qualities of a potential emigrant. Typical modern youth representations about emigration as a successful life and career strategy were found out.

Key words: social representations, life strategy, career strategy, reasons for emigration, image of an emigrant, emigration intentions.

Современный человек сталкивается с необходимостью адаптации в условиях разнообразных кризисов, реформ, социальной нестабильности, снижения уровня жизни, обеднения рынка труда, разрушения прежних отношений и риска утраты чувства личностной целостности и идентичности. Одним из способов совладания с такими трудностями становится построение жизненной стратегии через эмиграцию в другую страну, обостряющую важнейшую проблему человеческого ресурса. В наши дни миграционные явления широко распространяются в масштабах всего человечества, что обусловлено рядом причин: смешением культур и всевозможными общественными кризисами, появлением нового типа глобальной социальной идентичности¹, а также развитием всевозможных технических средств, способствующих как ускорению передвижения в масштабах практически всего мира, так и трансляции информации о возможностях тех мест, где человек еще не был и в которых он может удовлетворить свои новые растущие потребности. Как заметил Э. Тоффлер, ускоряющиеся перемены приводят к разрушению многих привязанностей и влияют на отношения человека с местом проживания, эти отношения никогда еще не были столь хрупкими и недолговечными².

Американский консерватор П. Дж. Бьюкенен видит в миграции главную проблему современной эпохи, связанную с экзистенциальным кризисом цивилизации, среди признаков которого известны (благодаря работам О. Шпенглера и А. Тойнби) такие, как «гибель веры, разложение морали, презрение к старым ценностям, коллапс культуры»³. Рассмотрение эмиграционных намерений в системе внешних макроуровневых отношений позволяет увидеть их тесную связь с социальными настроениями, ожиданиями и такими образными явлениями высшего плана, как система социальных и коллективных представлений.

Эмиграция может рассматриваться с разных точек зрения – социальной, исторической, геополитической, экономической и психологической. В психологии эмиграцию можно интерпретировать как особый акт социального поведения, поскольку он направлен на изменение социальной ситуации⁴ личности, вовлеченной в большой коллективный процесс. Эмиграция предполагает вместе с территориальным перемещением смену социального окружения, культурной среды и в целом представляет собой продукт взаимодействия личности с социумом⁵.

Самым мобильным слоем населения является молодежь, пытающаяся активно реализовать свой личностный и профессиональный потенциал. Юношеский возраст – один из ответственных периодов формирования личности, собственных убеждений, осознания смысла жизни, ее целей и способности самостоятельно строить жизненные стратегии и планы. Вопросы, относящиеся к проблеме построения жизненных стратегий в юношеском возрасте, рассматривались в трудах таких психологов, как К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Ш. Бюлер, Р. Бернс, И. С. Кон, И. Ю. Кулагина, Э. Эриксон⁶. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, стратегия жизни является неким универсальным способом самоосуществления, основными признаками которого являются выбор главного для человека направления, определение целей и этапов их достижения, путей решения жизненных противоречий и созидания ценностей своей жизни⁷.

Отсутствие системы распределения выпускников, низкая востребованность специалистов

приводят к тому, что, окончивая вуз, молодой человек всерьез может задумываться о построении собственной судьбы за пределами своей страны. Внешним подкреплением этому служит переход на унифицированную для ряда европейских стран модель высшего образования, а также разработка частных технологий по трудоустройству российских граждан за рубежом, публикация «самоучителей» и «путеводителей» для потенциальных эмигрантов⁸, которые называются не иначе как «дорога к успеху» или «формула эффективного трудоустройства» за границей.

С точки зрения прогноза и регулирования социальных изменений, а также предупреждения общественных и личностных рисков наибольший интерес в проблемном поле эмиграции представляет изучение социально-психологических аспектов становления эмиграционных намерений молодежи. Эмиграционное намерение, являясь волевым актом, конструирующим будущую социально-психологическую реальность, неразрывно связано с образом эмиграции. Рассмотрение эмиграционных намерений в системе внешних (макроуровневых) отношений позволяет увидеть их тесную связь с социальными настроениями, ожиданиями и с системами социальных и коллективных представлений⁹, в частности, представлений об эмиграции, ее причинах, препятствиях и возможностях. С этой целью нами было предпринято исследование выраженности эмиграционных намерений и социальных представлений об эмиграции в молодежной среде, в котором приняли участие 250 студентов вузов (в возрасте от 19 до 23 лет; из них 100 юношей и 150 девушек), обучающихся по специальностям «психология», «история», «математика», «сервис и туризм», «культурология». В качестве методов исследования использовались психологическая анкета и субъективное психологическое интервью.

Все исследуемые были распределены по трем группам: 1 группа – желающие постоянно жить и работать за рубежом; 2 группа – желающие постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом; 3 группа – желающие постоянно жить и работать в России. Наименьшей по численности оказалась группа лиц, желающих строить свою дальнейшую судьбу только в России (20%). Намерение временно эмигрировать выразили 45% респондентов, безвозвратно эмигрировать – 35%. Однако выражаемые намерения чаще всего не подкрепляются построением конкретных планов эмиграции и совершением действий по их реализации. При помощи статистически-математической обработки данных удалось установить, что в отношении к эмиграции не существует половых различий. В качестве потенциальных стран-реципиентов для постоянного жительства указаны двадцать стран, шестерку лидеров представляют следующие: США, Германия, Франция, Испания, Англия, Италия.

Опираясь на общепринятое в психологии понимание намерения как сознательного решения, выполняющего функцию побуждения и планирования деятельности человека, возникающего только тогда, когда имеется некий образ будущего, можно полагать, что эмиграционное намерение есть отражение некоей когнитивной социальной реальности – социального представления о преимуществах жизни за рубежом.

Фактически большинство принявших участие в исследовании молодых людей признают существование ряда причин, по которым может приниматься решение об эмиграции» (87%), сводящееся в целом к стремлению «улучшить качество жизни». Наиболее часто на первый план выходят представления студентов о низком уровне жизни своей страны, ее «бедности» (40%), неудовлетворенности потенциальных эмигрантов своим материальным положением и стремлении приобрести за границей более высокооплачиваемую работу (61%). Для многих эмиграция представляется удачным способом профессиональной и карьерной самореализации (57%) или даже шансом избежать безработицы (10%). Четверть опрошенных вообще не видят никаких возможностей реализовать свои способности и таланты в России (23%), а также каким-то образом влиять на изменение факторов окружающей среды. У некоторых существует убежденность в «лучшей поддержке молодых специалистов» (10%) и молодых семей (10%) за границей, существующей там государственной защите населения (5%) и лучшей системе образования (28%).

Для 35% молодых людей характерно представление о политической детерминации принятия решения об эмиграции (35%), в частности, о неудовлетворенности политической системой страны, государственным устройством, переживаниях «общественных (политических и экономических) потрясений в стране».

В качестве причинных называются и различные социальные факторы (47%): «неудовлетворенность социальным положением» и «страной» в целом, «социальная ущемленность», фрустрация «базовых потребностей», наличие многих «бытовых проблем» (13%), «стремление изменить социальный статус» и «иметь гражданство двух стран» (10%). В качестве представляемых плюсов жизни за границей отмечаются «более высокий уровень развития медицины» за рубежом (32%), «создание за границей условий для жизни и работы лиц с ограниченными возможностями», «наличие товаров, которые отсутствуют в своей стране» (5%).

Существенную роль, как представляется молодому поколению, играют культурные факторы (51%): «интерес к другой культуре» (35%), желание познакомиться с традициями, обычаями, образом жизни, ценностями другой страны, «близость менталитета другого народа», «чувство принадлежности к другой культуре» (35%), «желание изменить свой менталитет» (15%), «изменить язык»

15%), низко оцениваемый «уровень культуры и нравственности в своей стране» (22%).

Не последнее значение имеют и климато-географические факторы. Более четверти молодых людей (30%) представляют в качестве одной из причин принятия решения об эмиграции «недовольство климатом, континентом», а также ландшафтом, рельефом местности.

Эмиграция рассматривается частью молодых людей как определенная семейная стратегия (35%): «соединение и сохранение семьи» (30%), бегство из прежней семьи (9%), способ создания семьи (13%) и даже, как бы это ни казалось парадоксальным, для некоторых – возможность «знакомства с противоположным полом» (5%).

В представлениях молодежи, касающихся причин эмиграции, обнаруживает себя и гедонистическая направленность (26%), выражающаяся в ответах: «позволять все, что захочется», «удовлетворять свои внутренние желания», «получать новые ощущения», «отдохнуть». Эмиграция для части молодых людей представляется как возможность узнавать мир (10%) и путешествовать (17%), получать вдохновение (6%).

Одним из личностных мотивов эмиграции, указанных в ответах молодых людей, является потребность в переменах (23%): «потребность в перемене места жительства», «стремление к изменению условий жизни», «смене атмосферы», «желание перемен вообще». Одной из причин эмиграции для кого-то представляются личностно-эмоциональные трудности (10%): «попытка улучшить свое эмоциональное состояние», потому что «все надоело».

Некоторые связывают эмиграцию с переживанием травматического опыта: «невозможность находиться в среде, где произошла духовная травма» (5%). Представление об эмиграции как о мере, носящей крайне вынужденный характер по причине «угрозы для жизни», «бегства из горячих точек», природных катаклизмов, «голода», свойственно совсем немногим молодым людям (9%).

Способны повлиять на принятие эмиграционного решения, как считает часть студентов, этические проблемы (22%): «непринятие обществом взглядов субъекта»; «личные, религиозные убеждения и нравственные принципы», вступающие в противоречие с реальной действительностью.

На вопрос «Связана ли эмиграция с существованием каких-либо нравственных проблем?» принявшие участие в исследовании студенты отвечали по-разному. Часть из них видят нравственные проблемы в обществе и расценивают их как «выталкивающие» из страны факторы (45,5%): «моральная деградация общества», «рост преступности», «проблема расизма», «обычаи, нравы, традиции общества», «увядание государства», «перестройка или слом установок, характерных для своей страны», «отношение государства к человеку», «культурные ценности, существующие

в обществе», нравственная и социальная несправедливость, проявляющаяся, например, в «несправедливости оплаты труда некоторых профессий».

Другие 45,5% опрошенных находят нравственные проблемы, локализованные в самих потенциальных эмигрантах, они стремятся покинуть свою страну из-за «непринятия ценностей и норм, жизненных устоев, существующих в стране», «предпочтения обычаев, традиций, присущих другой стране и обесценивания традиций своей страны», «отвержения культурных и социальных норм своей страны», «нравственной проблемы, касающейся патриотизма», «готовности пойти на измену Родине ради материальных благ». Только незначительная часть студентов вообще не связывает эмиграцию с какими-либо нравственными проблемами (9%).

Возможными проблемами эмигрантов в представлениях молодежи являются «языковой барьер» как препятствие успешной реализации на новом месте (22%), «проблема адаптации, приспособления, принятия иного менталитета, иных традиций, культуры поведения в другой стране» (22%), отсутствие поддержки близких (25%), «проблема вхождения в новый коллектив» (10%), «проблема получения гражданства» (10%), «проблема создания своей семьи» (5%).

В качестве барьеров реализации эмиграционного намерения студентам представляются такие проблемы, как «финансовые трудности, невозможность заработать на проживание за границей, на въезд в другую страну» (83%); «расставание с близкими, боязнь оставить родителей, близких людей надолго» (50%); страхи, тревоги, волнения, боязнь перемен, страх попасть в новую обстановку, боязнь неопределенности, неуверенность в успехе, в заработке, страхи не справиться с трудностями и не наладить отношения с новым окружением, новым коллективом, не справиться с проблемой нового места обустройства (50%); «незнание языка» (43%); трудности оформления документов, загранпаспорта, гражданства, визы (35%); культурные барьеры (38%): незнание правил, норм, культуры поведения в стране желаемой эмиграции или их непринятие, принадлежность другому менталитету, отличия в вероисповедании; социальные преграды (25%): отсутствие родственников, знакомых, связей за границей, поддержки близких. Реже в качестве препятствий называются проблемы со здоровьем (17%); личностные трудности, эмоциональная неготовность, проблема собственной активности (13%); отсутствие достаточного образования на данный момент (9%); неуверенность в адаптации к иным климатическим факторам (9%); неосведомленность, недостаток знаний о том, что нужно для переезда в другую страну (5%); боязнь политического преследования (4%); «другое вероисповедание» (4%).

Примечателен тот образ потенциального эмигранта, который создается в представлениях

студентов. Современный эмигрант наделяется такими качествами, как активность (70%), предприимчивость (70%), успешность (75%), высокая адаптивность (75%), высокий уровень интеллекта (60%), выраженность потребности в новизне (65%), целеустремленность (70%), преобладание мотивации достижения (75%). Следует заметить, что при описании образа потенциального эмигранта отрицательные характеристики вообще не возникают, в целом эмигрант признается «героем нашего времени».

Рассматривая результаты предпринятого исследования сквозь призму теории социальных представлений¹⁰ и, в частности, идей Ж. К. Абрика¹¹, можно отметить, что образ успешной жизненной и карьерной стратегии через эмиграцию относится к ядерным структурам социальных представлений современной молодежи о существующей реальности. Выявляемая распристрашенность миграционных намерений и идеи привлекательности жизни за пределами своей страны подтверждает их причастность к макропсихологическим процессам современного общества.

Происходящие социальные и этнокультурные изменения не могут не отражаться на внутреннем мире современного человека, на его переживаниях, оставляя свой след в психике в форме вторичных образов, организующихся в целостную многомерную, многоуровневую, динамическую подсистему психики – образную сферу (в определении А. А. Гостева), выполняющую специфические функции регулирования, программирования, отражения внешней реальности и внутреннего мира личности в соответствии с актуальной жизненной ситуацией¹². Источником образа успешной жизненной и карьерной стратегии через эмиграцию могут явиться привлекательные экранные образы жизни за рубежом, поликультурная мозаичность современного мира, восприятие различных аспектов жизни других стран посредством СМИ, Интернета, опыта знакомых и т.п. Причем привлекательность построения своего карьерного будущего в другой стране часто, как свидетельствует наше исследование, усиливается интересом не только к экономическим, но и к культурным, социальным, климато-географическим аспектам жизни в ней. При этом важным внутренне опосредствующим фактором запечатления и последующего регулирующего влияния вторичных образов, участвующих в регуляции поведения и построении жизненных планов, является их эмоционально значащее переживание субъектом¹³. Именно эмоционально значимые пережитые образы приводят к открытию и постижению новых субъективных значений воспринятых субъектом явлений и формируют ядерные структуры образной сферы личности, обуславливая ее жизненную направленность, планы и стратегии. Положительная значимость переживания воображаемых образов иной среды и своего будущего успеха в ней подкрепляется выраженной в современном мире эгоистической

потребительской мотивацией, берущей верх над мотивацией созидания (предполагающей и активное преодоление трудностей). Привлекательность эмиграции как жизненной и карьерной стратегии может усиливаться также возрастающей у современного поколения потребностью в новизне, в изменениях, в новых впечатлениях, в быстром темпе жизни.

Несмотря на существующее распространенное в молодежной среде представление об успешной жизненной и карьерной стратегии через эмиграцию только незначительная часть студентов предпринимает конкретные шаги построения и реализации плана переезда в другую страну, ссылаясь на целый ряд причин-барьеров: недостаток финансовых средств, социальной поддержки, уровня образования. Сопоставляя полученные противоречивые данные, можно говорить о наличии для молодых людей таких потенциальных психологических и социальных рисков, как развитие внутриличностных конфликтов, разочарование в недостижимых идеалах, личностная маргинализация, доминирование экстернализации, обесценивание реальных возможностей и своей роли в культурно-историческом развитии общества.

Примечания

- 1 См.: *Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G.* [et. al]. Global social identity and global cooperation // *Psychological science*. 2011. Vol. 22, № 6. P. 821–828.
- 2 См.: *Торфлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М., 2002. С. 89.
- 3 *Бьюкенен П. Дж.* На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. М., 2008. С. 13.
- 4 См.: *Роберт М. А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М., 1986. 256 с.
- 5 См.: *Kaluger G., Unkovik Ch.* Psychology and sociology : an integrated approach to human behavior. Saint Louis, 1969. 404 p.
- 6 См.: *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991. 299 с. ; *Божович Л. И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Избр. психол. тр. М., 1995. 212 с. ; *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989. 252 с.
- 7 См.: *Абульханова-Славская К. А.* Указ. соч. С. 8–9.
- 8 См.: *Филиповец Л. Ф.* Работа за рубежом : эмиграция через трудоустройство : США, Канада. М., 2006. 239 с.
- 9 См.: *Московичи С.* Социальные представления : исторический взгляд // *Психол. журн.* 1995. № 1. С. 3–18.
- 10 См.: *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations / ed. by M. Farr, S. Moscovici.* Cambridge ; Paris, 1984. P. 3–69.
- 11 См.: *Abric J.-Cl.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // *Papers on social representations*. 1993. Vol. 2, № 2. P. 75–78.
- 12 См.: *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М., 2007. 512 с.
- 13 См.: *Бассин Ф. В.* «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // *Вопр. психол.* 1972. № 3. С. 105–124.

УДК 316.46

МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ДИНАМИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

С. И. Симоненко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: simonenko@detech-group.com

Исследование, представленное в данной статье, посвящено вопросу эффективности лидерства в контексте изменяющейся социальной ситуации. В рамках исследования была создана общая модель компетенций «20 граней». Результаты сравнения этой модели с тремя популярными западными моделями лидерства показали, что, несмотря на очевидное сходство критериев успешности, некоторые из компетенций, критически важные для России, не являются востребованными за рубежом. Теоретический и анализ полученных нами данных позволили сформулировать динамическую концепцию лидерства, которая описывает эффективное лидерское поведение как функцию цели и социальной ситуации, представленной на макро-, мезо- и микроуровне. **Ключевые слова:** лидерство, эффективность менеджера, компетенции.

Model of Effective Manager in Frame of Dynamic Leadership Concept

S. I. Simonenko

This research is dedicated to a problem of leadership effectiveness in the context of changing social situation. As part of the research generalized competency model «20 dimensions» was created. Results of comparing «20 dimensions» to three popular Western models demonstrated that despite significant similarities between these models, several competencies crucial to defining the success of a manager in Russia are not in demand abroad. Theoretical analysis and research results allowed us to formulate Dynamic Leadership Concept that describes effective behavior of a leader as a function of strategic goal and social situation represented on three levels: micro-, meso- and macro-social.

Key words: leadership, manager's effectiveness, competencies.

За столетнюю историю изучения феномена лидерства возникло множество теорий и концепций, были даны самые разные определения этого явления. В некоторых концепциях лидер описывался как человек, оказывающий влияние на деятельность группы¹, в других это был член группы, который наилучшим образом понимал ее нормы и ценности². Одной из наиболее ранних является «теория черт» (личностная теория лидерства, или «теория великих людей», как называют ее Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт)³. Согласно этой теории лидером может быть только тот, кто имеет определенный набор ключевых личностных качеств или совокупность определенных психологических черт. Разные авторы стремились выделить необходимые для лидера черты

или характеристики, однако так и не пришли к единому мнению. Так, Э. С. Богардус представил свой список лидерских черт в начале 1930-х гг.⁴, Дж. У. Бэрд внес свои исправления в 1940 г., обнародовав перечень из 79 черт⁵. Э. Гизелли в течение многих лет пытался создать образ идеального лидера: он сравнивал 30 различных черт характера и умственных способностей и пришел к заключению, что лидер с ярко выраженными авторитарными наклонностями будет менее эффективным, чем тот, кто способен демонстрировать и другие формы поведения⁶.

Р. Стогдилл попытался обобщить результаты 124-х исследований и сгруппировать все ранее выявленные лидерские качества⁷. Проведя значительную аналитическую работу, он выделил пять блоков черт, характеризующих лидера, однако заметил, что в разных ситуациях руководители обнаруживают у себя разные черты. Затем он сделал вывод, что человек не становится руководителем только благодаря тому, что обладает некоторым набором личных свойств. Это заявление, по сути, стало первым мостиком, переносящим внимание исследователей с изучения особенностей индивида на социальные факторы или ситуации.

Следствием критики теории черт стало выдвижение «оппозиционной» теории лидера «без черт» – теории ситуационного лидерства. В её основе лежит предположение, что лидерство является продуктом определенной ситуации, а именно: в различных обстоятельствах появляются такие члены группы, которые обладают совокупностью необходимых в данный момент черт, а следовательно, преимуществами перед другими индивидами, что позволяет им выделиться и стать лидерами в конкретной ситуации. К наиболее известным концепциям ситуационного лидерства относятся модели: Ф. Фидлера⁸; «путь – цель» Р. Хауса и Т. Митчелла⁹; жизненного цикла П. Херси и К. Бланшара¹⁰; континуум лидерского поведения Р. Танненбаума – У. Шмидта¹¹; ситуационная модель принятия решения В. Врума – Ф. Йеттона – А. Яго¹².

В настоящее время в связи с общей разработкой проблемы психологических черт личности предпринимаются попытки возродить теорию лидерских качеств. Новая волна интереса к харизматическим теориям указывает на циклическую

«моду» социальной психологии в выявлении образа лидера. Однако универсальную модель лидерства не смогли предложить ни харизматические, ни ситуационные теории, в связи с чем мы указываем на необходимость использования нетипологического подхода к описанию лидерского поведения, который позволил бы варьировать критерии эффективности в зависимости от особенностей социальной ситуации.

Теоретическую основу нашего исследования составляет подход, согласно которому нельзя стать эффективным руководителем, не будучи лидером, и наоборот. Иными словами, лидерство и руководство рассматриваются нами как идентичные феномены. Рассмотрение лидерства и руководства как синонимичных понятий также возможно потому, что эффективные лидеры играют две основные роли – харизматическую и архитектурную. Харизматическая роль заключается в способности человека предвидеть будущее, мотивировать и воодушевлять сотрудников с опорой на это видение. Исполняя архитектурную роль, лидер решает вопросы, связанные со структурой организации, планированием, системой контроля и поощрения подчиненных. Таким образом, руководитель-лидер не может существовать только в одной из этих ипостасей, каждая из них имеет большое значение в ситуации управления¹³.

В статье мы равнозначно используем термины «менеджер» и «руководитель», так как, во-первых, руководитель – это перевод английского слова «manager», а во-вторых, все участники исследования работают на позициях топ-менеджеров компаний, выполняют руководящие функции и имеют в подчинении несколько структурных подразделений.

Наша исследовательская позиция состоит в том, что из существующих на сегодняшний день методов описания лидерства наиболее эффективным является метод описания лидерского поведения через набор ключевых компетенций. Компетенции качественно отличаются от более ранней практики перечисления черт личности тем, что акцент ставится именно на поведении как на внешнем проявлении этих черт в сочетании с навыками и знаниями через призму мотивационных составляющих. Возможность наблюдения степени проявления компетенций при условии предварительно составленной модели позволяет максимально объективно оценивать их выраженность у конкретного человека. Моделью компетенций мы называем определенный список компетенций, которые являются ключевыми для успешной работы индивида на определенной должности. Говоря о модели лидерских компетенций, мы имеем в виду руководящие должности в организации. Следовательно, модель эффективного лидерства – это набор компетенций, которые, будучи проявленными на достаточном уровне, определяют успех лидера

в достижении поставленных целей в рамках определенной организационной культуры¹⁴. В данном случае под эффективностью лидерства мы понимаем специфическое поведение руководителя, которое приводит к высоким объективным результатам работы группы и позитивно оценивается окружающими (вышестоящими менеджерами, коллегами, подчиненным и пр).

Современная бизнес-среда требует, чтобы менеджеры не только обладали техническими навыками, но и совершенствовали свои компетенции. В Европе и США в конце 1980-х гг. появились официальные списки наиболее востребованных качеств и стилей поведения руководителей для повышения эффективности их деятельности. Это позволило также решить проблему со стандартами в сфере образования и создать учебные программы, которые ориентируют учащихся на актуальные лидерские компетенции.

В 1988 г. в Великобритании была принята первая национальная модель компетенций МСИ (Management Charter Initiative)¹⁵ – Британские профессиональные стандарты управления. Разработка данной модели стала ответом на кризис системы бизнес-образования, возникший в Великобритании в 1980 гг. Необходимо было разработать и ввести стандарты, которые позволили бы преодолеть огромный разрыв, существовавший между потребностями организаций и тем качеством образования, которое могли обеспечить образовательные учреждения. Речь шла не только о профессиональных знаниях и навыках, но и об адаптации выпускников к работе в бизнесе, их способности стать эффективными лидерами. Разработанная Хартией управленческих инициатив МСИ была призвана дать определенный стандарт выполнения работы на национальном уровне, который мог бы стать ориентиром для образования. Итак, эта модель состояла из перечня следующих компетенций:

- 1) мотивирование и приоритезация целей;
- 2) отслеживание выполнения планов и реагирование на отклонения;
- 3) спокойствие за соблюдение высокого качества;
- 4) внимательность к потребностям других;
- 5) отношение к другим;
- 6) положительное представление себя другим;
- 7) приверженность другим;
- 8) демонстрация уверенности в себе и внутренней энергии;
- 9) управление личными эмоциями и стрессом;
- 10) управление личным обучением и развитием;
- 11) сбор и структурирование информации;
- 12) определение и применение концепций;
- 13) принятие решений.

Следует обратить внимание на то, что в этой модели отсутствуют требования творческого подхода и инициативности лидера; здесь также ничего не сказано об управлении изменениями и амбициозности, которые возникнут позже, в новой национальной британской модели управления MSL, разработанной в 2004 г. Она была озаглавлена в духе новых модных веяний социальной психологии «Стандарты управления и лидерства» (Management & Leadership Standards – MLS)¹⁶, а позднее переименована в «Национальные профессиональные стандарты лидерства и управления» (National Occupational Standards – NOS), под этим названием она существует сейчас.

Сравнение моделей MCI и MLS наглядно объясняет, почему теория черт потерпела фиаско в попытке составить конечный портрет идеального лидера. Каждая новая работа, выходящая в свет в рамках этой теории, приносила в нее те качества, которые становились актуальными в данный момент, не пересматривая предыдущие списки, а лишь добавляя новые черты.

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что влияние социальной ситуации на эффективность лидерского стиля может быть весьма значительным и использование концепций лидерства, созданных в иных социальных ситуациях, вряд ли целесообразно. Так как новые условия требуют от лидера новых форм поведения, теории, созданные без учета этих условий, неизбежно устаревают или перестают отвечать запросам практики. Возможно, именно поэтому наиболее популярными остаются те концепции, которые максимально обобщенно описывают лидерские стили, хотя они не дают возможности учитывать все нюансы человеческого поведения и не используются для оценки личностных особенностей человека и выявления его лидерского потенциала. Также это подводит нас к заключению, что западные модели лидерства могут быть неприменимы в России, как, впрочем, и в других странах, так как социальная ситуация в России существенно отличается от европейской. Возможно, что для государств, имеющих схожую социальную ситуацию, оправдано использование идентичных моделей, но там, где существуют наблюдаемые отличия в политических, экономических, социальных условиях, культурных особенностях, это будет неэффективно.

Для проверки этого предположения в период с 2005 по 2009 г. нами в два этапа было проведено исследование.

Первый этап включал: составление перечня компетенций, который описывал эффективного лидера в России; сравнение составленного перечня с аналогичными, разработанными в разное время в Великобритании.

Вторым этапом стало исследование динамики необходимых для успешного менеджера компе-

тенций в России и Украине в связи с изменением макросоциальной ситуации.

Гипотезы, проверяемые в рамках данного исследования:

1) успешность лидера в России, как и в других странах мира, определяется тем поведением, которое он демонстрирует. Качества, проявляемые успешным лидером в России, во многом идентичны тем, которые должен проявлять успешный лидер в других странах, например в Великобритании;

2) особенности социальной ситуации в России (макроситуации) влияют на эффективность лидерского поведения. Другими словами, чтобы менеджер был эффективен в России, он должен проявлять ряд специфических качеств, которые не являются необходимыми в других странах мира, например в Великобритании;

3) при изменении социальной макроситуации изменяется и перечень качеств, определяющих эффективность лидерства.

На первом этапе с сентября 2005 по декабрь 2006 г. мы провели исследование с целью определить ключевые компетенции, определяющие успешность руководителя в России. В нем приняли участие 45 ведущих отечественных и западных компаний, работающих в России и представляющих различные сектора экономики: банковскую и инвестиционную деятельность, IT-технологии, FMCG (Fast Moving Consumer Goods), производство, медицину и фармацевтику, логистику и др. В рамках исследования было проведено 157 интервью с топ-менеджерами и успешными менеджерами среднего звена в России, которым было предложено рассказать о своей работе или работе подчиненных на примерах из практики. В интервью использовались такие методы анализа работы, как «Репертуарные решетки», «Критические инциденты» и «Прогностическое интервью».

Метод «Репертуарные решетки» использовался при проведении интервью с топ-менеджерами для сравнения менеджеров среднего звена, которые работают под их руководством, чтобы определить качества, способствующие успеху этих менеджеров. Данное интервью давало информацию о типичных микроситуациях, в которые включены менеджеры, а также в целом о мезоситуации в конкретной компании.

Метод «Критические инциденты» использовался в интервью с менеджерами компаний и включал в себя сбор информации о рабочих ситуациях, успешных или неуспешных действиях, которые оказывали важное влияние на работу. Этот метод позволил понять разницу между успехом и неудачей в работе менеджера и получить описание его поведения в определенных ситуациях. В данном интервью рассматривались преимущественно микроситуации.

«Прогностическое интервью» проводилось с топ-менеджерами компании, цель – увидеть, куда движется компания в долгосрочной перспективе, каковы ее стратегия, тенденции развития рынка, на котором оперирует компания; определить, какие знания, навыки и модели поведения будут необходимы менеджерам для реализации данной стратегии и достижения ожидаемых результатов. Материалы прогностического интервью позволяли понять макроситуацию, в которой существует организация, а также давали информацию о мезо-ситуации.

В результате анализа данных, собранных при помощи интервью, была создана обобщенная модель компетенций «20 граней», в которой 20 выделенных компетенций можно распределить в 5 больших кластеров:

- управленческие навыки (планирование и организация, управление людьми, развитие подчиненных, умение мотивировать других);
- мотивация (инициативность, ориентация на качество, нацеленность на результат, саморазвитие);
- навыки принятия решений (анализ проблем, сбор информации, коммерческое мышление, системность мышления);
- индивидуальные черты (стрессоустойчивость, адаптивность, ответственность, позитивное мышление);
- межличностные навыки (межличностное понимание, работа в команде, убедительная коммуникация, построение взаимоотношений).

Для проверки гипотез о влиянии социальной ситуации на успешность лидерского поведения следующим шагом было сравнение созданной модели с типовыми моделями компетенций, которые существуют сегодня в мире, это – типовая модель Н. Пова (2002), A&DC, британские профессиональные стандарты управления, модель компетенций MCI (Management Charter Initiative), (1988), британские национальные стандарты управления и лидерства, модель компетенций MLS (Management & Leadership Standards), (2004).

Результаты этого сравнения показали, что, несмотря на очевидное сходство критериев успешности менеджеров, разработанных западными и отечественными специалистами, некоторые из компетенций, важные для России, не являются столь востребованными за рубежом. При этом основные отличия между западными и российскими компетенциями можно разделить на две категории:

- различия в терминологии (названия компетенций российской и западной моделей совпадают, но различны их содержания или содержание компетенций в российской и западной моделях совпадают, но названия различны);
- существование новых компетенций в России, которые не фигурируют в западной модели.

Проведенное исследование также показало, что различия между критериями успешности менеджера в России и на Западе лежат, прежде всего, в области межличностных навыков (навыки общения, построение взаимоотношений) и индивидуальных характеристиках (позитивное мышление, саморазвитие), которые во многом зависят от особенностей культуры и экономической ситуации в стране.

Все это означает, что при внедрении западных технологий в России важно учитывать различие в культуре и экономике наших стран, что, очевидно, отражается на корпоративной культуре организаций. Несомненно, западные инструменты имеют длительную историю и являются эталонами в мировой практике, тем не менее мы рекомендуем внимательно оценивать содержание методик и адаптировать технологии к российскому бизнесу, прежде чем внедрять и активно использовать их в России.

Переходя к освещению второго этапа исследования, необходимо сказать, что модель компетенций «20 граней» была разработана в тот момент, когда экономика России переживала существенный подъем. В этих условиях мы провели анализ работы руководителей и составили перечень критически важных для успешности лидера компетенций, однако с наступлением экономического кризиса 2008–2009 г. ситуация резко изменилась. Эти изменения затронули практически все сферы жизни общества, что не могло не повлиять на профиль лидера. Анализ изменения национальных стандартов лидерства в Великобритании позволяет нам предположить, что при столь резком изменении ситуации, каким стало влияние глобального кризиса, мы тем более вправе ожидать изменений в описании успешного лидера в России.

Весной 2009 г. мы провели опрос менеджеров компаний, работающих в России, с целью проверить наше предположение об изменении критически важных качеств лидера. Для этого мы попросили работающих менеджеров российских и западных компаний, представленных в России, выделить из модели «20 граней» десять самых необходимых, на их взгляд, компетенций и проранжировать их. Данный опрос помог нам проверить третью гипотезу о том, что при изменении социальной макроситуации изменяется и перечень качеств, определяющих эффективность лидерства.

Всего в опросе приняли участие 260 топ-менеджеров и менеджеров среднего звена в России и Украине, из них 160 человек – менеджеры России и 100 человек – менеджеры Украины. По данным опроса мы получили рейтинг компетенций, сравнив их с аналогичным 2006 г. В таблице выделены те компетенции, которые содержатся в обоих списках.

Сравнение рейтингов компетенций лидера в 2006 и 2009 гг. (первые 11 мест)

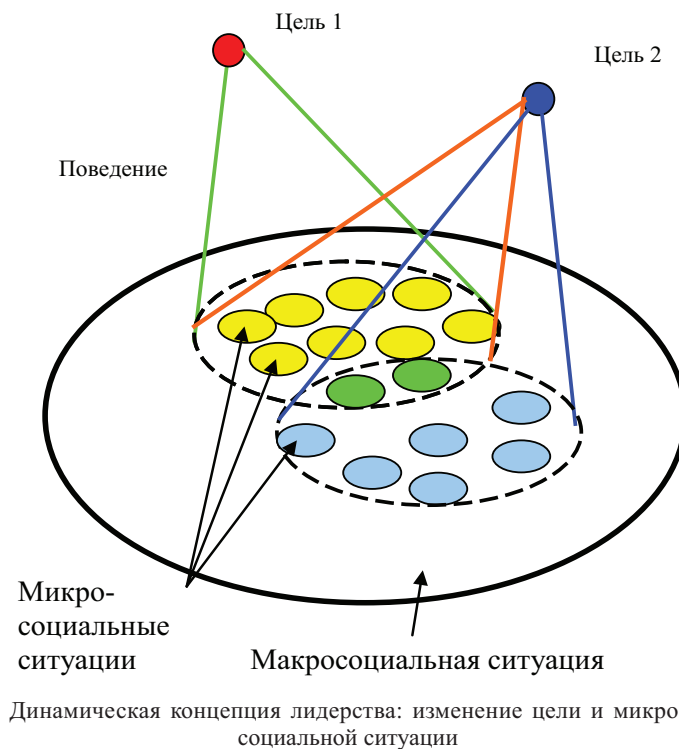
2006 год	2009 год
Межличностное понимание	Планирование и организация
Умение мотивировать	Умение мотивировать
Анализ проблем	Управление людьми
Планирование и организация	Анализ проблем
Нацеленность на результат	Нацеленность на результат
Убедительность	Инициативность
Ответственность	Ориентация на качество
Развитие подчинённых	Саморазвитие
Системность мышления	Развитие подчинённых
Управление людьми	Коммерческое мышление
Инициативность	Системность мышления

Большинство качеств в этих списках совпадает, но существуют и разные компетенции. В 2006 г. среди наиболее важных качеств назывались «межличностное понимание», «убедительность (в общении)» и «ответственность», в 2009 г. эти качества не попали в число наиболее востребованных. Вместо них были отмечены «ориентация на качество», «саморазвитие» и «коммерческое мышление».

Особенно бросается в глаза, что качество, которое в 2006 г. занимало первое место – «межличностное понимание», теперь не фигурирует в списке наиболее востребованных. Более того, обращаясь к единому рейтингу всех компетенций, мы обнаруживаем, что оно оказалось на самом последнем месте. Также мы видим, что и другая коммуникативная компетенция – «убедительность» пропала из перечня необходимых компетенций лидера. Следует сказать, что обе эти

компетенции принадлежат к коммуникативному блоку. В новом перечне компетенций именно этот блок полностью отсутствует. Если мы выделим только качества, занявшие первые пять мест, то практически все они сохранили свои места, за исключением «межличностного понимания», которое заняла компетенция «управление людьми».

Опираясь на результаты двух вышеописанных этапов исследования, мы можем утверждать, что изменения социальной ситуации неизбежно приводят к коррекции образа эффективного лидера, требования к нему изменяются. Поэтому разные личностные качества и модели поведения могут быть востребованы в разных социальных ситуациях. Результатом вышеописанного исследования стала динамическая концепция лидерства, которая может являться основой для построения модели эффективного лидерства (рисунок).

Согласно этой концепции вся совокупность условий или внешних обстоятельств представлена на трех уровнях: макросоциальном, мезо- и микросоциальном. Макросоциальная ситуация – это процессы, происходящие в обществе в целом, особенности политического строя, исторические события, социально-экономические особенности, экологические факторы и пр., мезо-ситуация – это организационная культура, в рамках которой действует лидер. Микросоциальные – ситуации взаимодействия между людьми, которые могут протекать в различных обстоятельствах, например, решение проблемы в группе, обсуждение задачи с руководителем или с подчиненным, выполнение задания согласно определенным стандартам и т.п. Очевидно, что в разных компаниях и разных организационных культурах могут быть идентичные микросоциальные ситуации. Чем больше в рамках данной культуры будет возникать уникальных ситуаций взаимодействия, тем более существенными будут ее отличия от других организационных культур. В данном случае организационная культура как элемент социальной ситуации, несомненно, является одним из ключевых факторов при построении модели лидерских компетенций. К сожалению, формат статьи не позволяет подробно обсудить данную тему, однако мы не можем не отметить важность учета особенностей конкретной организации.

В рамках динамической концепции можно легко объяснить, почему теория лидерских черт оказалась несостоятельной и почему ни одна из ситуационных теорий также не может быть исчерпывающей. Даже описав максимально возможное количество микроситуаций и проведя их классификацию, что позволяет авторам создавать типологии поведения лидера, человек не может предсказать всех изменений внешней среды на уровне макроситуации.

Возвращаясь к нашему определению эффективного лидерства как специфического поведения руководителя, которое приводит к высоким объективным результатам работы группы и позитивной оценке ее окружающими, необходимо сделать акцент на еще одной важной составляющей, без которой наше представление об этом феномене будет неполным. Этой составляющей является цель, которую преследует группа и для достижения которой лидер консолидирует усилия своих последователей. Большинство современных теорий лидерства в лучшем случае лишь упоминают о некоей цели лидера, но не рассматривают ее как важную часть самого лидерства. Исключением является, пожалуй, лишь подход Е. Е. Дженнингса¹⁷, определяющий цель или задачу в качестве фактора, формирующего поведение лидера. Вместе с тем чтобы оценить результат работы группы под руководством

лидера, необходимо учитывать критерии такой оценки, т. е. для определения успешности работы группы надо сопоставить достигнутый результат с образом ожидаемого, чем и является цель.

Таким образом, в рамках представленной динамической концепции поведение лидера является функцией от ситуации и цели: при изменении цели должно измениться и поведение лидера, то же самое происходит и при изменении ситуации. Изменяется не все поведение, а какие-то его характеристики, какие-то поведенческие паттерны должны уйти и должны появиться новые. Используя понятия компетенций, ряд компетенций лидера в ситуации изменений остается прежним, и становятся востребованными новые, позволяющие прийти к намеченной цели. В то же время мы вправе ожидать, что какие-то из ранее необходимых компетенций перестают быть ключевыми для успеха, причем чем значительнее изменения во внешней среде, тем большей корректировке должен подвергнуться перечень ключевых компетенций лидера.

Аналогичная картина наблюдается при изменении цели деятельности группы: чем больше отклонения цели, тем более заметными должны быть изменения в наборе лидерских компетенций. Пожалуй, самые разительные отличия в поведении лидеров можно предвидеть, когда лидеры преследуют разные цели и включены в разные социальные ситуации.

Однако не стоит полагать, что, рассматривая поведение лидера в свете постоянных изменений, мы предлагаем полностью отказаться от вычленения каких-либо поведенческих паттернов, которые могли бы описать эффективное лидерское поведение. Подобное толкование было бы абсолютно бессмысленным, так как не позволяло бы решать важнейшие практические задачи, связанные с определением лидерского потенциала человека, а также прогнозированием успеха лидера. Поэтому мы должны в рамках динамической концепции построить такую модель эффективного лидерства, которая, с одной стороны, была бы теоретически обоснована, а с другой – отвечала бы потребностям практики в области психологии управления как раздела социальной психологии.

Результаты нашего исследования компетенций успешного лидера в контексте изменения социальной ситуации в России и Великобритании показали, что во всех моделях присутствует ряд компетенций, одинаковый для всех, но есть некоторые, которые отличаются. Анализ перечней лидерских качеств, предлагаемых разными авторами¹⁸, также показывает, что они содержат ряд аналогичных черт и некоторые отличающиеся. Это приводит нас к выводу, что существует несколько универсальных компетенций, которые будут востребованы в любых социальных ситуа-

циях и при достижении любых целей. Учитывая этот факт, а также трехуровневость социальной ситуации, где вариативность и специфика микроситуаций определяется контекстом мезо- и макроситуаций, мы приходим к заключению, что модель эффективного лидерства должна состоять из трех компонентов:

1) универсальные компетенции, применимые ко всем социальным ситуациям;

2) вариативные компетенции, наличие которых мы можем прогнозировать в зависимости от того, в какой среде работает лидер, с учетом мезо-ситуации, то есть оргкультуры, отрасли бизнеса и т.п.;

3) динамические компетенции, зависящие от макроситуации, изменяющиеся вместе с социально-экономическим и технологическим развитием каждой страны и международного сообщества в целом.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы относительно первоначальных гипотез: качества, которые проявляет успешный лидер в России, во многом идентичны тем, которые должен проявлять успешный лидер в других странах, например в Великобритании. Сравнение британских моделей лидерства и российской модели свидетельствует в пользу подтверждения нашей первой гипотезы. Несмотря на то, что критерии успешности менеджеров на Западе и в России в целом схожи, некоторые из компетенций, важные для российской действительности, не фигурируют в западных моделях эффективного лидерства.

Основные различия в критериях успешности менеджеров на Западе и в России лежат в области межличностных навыков (навыков общения, построения взаимоотношений) и индивидуальных характеристик (позитивное мышление, саморазвитие), которые во многом зависят от особенностей культуры и экономической ситуации в стране.

Особенности социальной ситуации оказывают влияние на эффективность лидерского поведения: чтобы менеджер был эффективен в России, он должен проявлять ряд специфических качеств, которые не являются критичными в других странах мира, например в Великобритании, что подтверждается в результате сравнения британских и российской моделей лидерства и говорит в пользу второй гипотезы.

Организационная культура как элемент социальной ситуации оказывает влияние на эффективность лидерского стиля. При изменении социальной ситуации изменяется и перечень качеств, определяющих эффективность лидерства. Третья гипотеза подтверждается данными сравнения модели лидерства в России в 2006 и 2009 гг.

Теоретический анализ и результаты эмпирических исследований позволяют нам сформулировать динамическую концепцию лидерства, которая описывает эффективное лидерское поведение как функцию цели и социальной ситуации, представленной на макро-, мезо- и микроуровне. При изменении одного из факторов лидерские качества и поведение должны также изменяться для сохранения эффективности работы руководителя.

Примечания

- 1 См.: *Krech D., Crutchfield R., Ballachey E.* Individual in society. N.Y., 1962. 564 p. ; *Hosking D-M., Morley I. E.* A Social Psychology of Organizing : People, Processes and Contexts. Hemel Hempstead, 1991. 304 p.
- 2 См.: *Homans G. C.* The human group. N.Y., 1950. 484 p.
- 3 См.: *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2004. 560 с.
- 4 См.: *Bogardus E.* Leaders and Leadership. N.Y., 1934. 138 p.
- 5 См.: *Bird C.* Social Psychology. N.Y., 1940. 120 p.
- 6 См.: *Ghiselli E.* Management Talent // *American Psychologist.* 1963. Vol. 18. P. 631–41.
- 7 См.: *Stogdill R. M.* Handbook of Leadership. N.Y., 1974. 287 p.
- 8 См.: *Fiedler F. E.* A Theory of Leadership Effectiveness. N.Y., 1967. 310 p.
- 9 См.: *House R. J., Mitchell T. E.* Path – Goal Theory of Leadership // *J. of Contemporary Business.* 1974. № 3. P. 16–32.
- 10 См.: *Hersey P., Blanchard K. H.* Life cycle theory of leadership // *Training and Development J.* 1969. № 23(5). P. 26–34.
- 11 См.: *Tannenbaum A. S., Schmitt W. H.* How to choose a leadership pattern. *Harvard Business Review.* 1958. № 36. P. 95–101.
- 12 См.: *Vroom V. H., Jago A. G.* The New Leadership. New Jersey, 1988. 244 p.
- 13 См.: *Keme de Врус М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / пер. с англ. М., 2004. 312 p. ; *Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента / пер. с англ. ; общ. ред. Л. И. Евенко. М., 1997. 704 с.
- 14 См.: *Симоненко С., Хренов Д.* Сказки и были о методах оценки персонала. М., 2010. 184 с.
- 15 См.: *Management Charter Initiative.* URL: <http://www.re-skill.org.uk/reskill/domestmk.htm> (дата обращения: 20.06.2012).
- 16 См.: *Management & Leadership Standards (MLS).* URL: <http://www.management-standards.org/standards/standards> (дата обращения: 20.06.2012).
- 17 См.: *Jennings E. E.* The executive : autocrat, bureaucrat, democrat. N.Y., 1962. 272 p.
- 18 См.: *Handy C.* Understanding organizations. L., 1985. 448 p. ; *Bennis W.* On Becoming a Leader. N.Y., 1989. 240 p.

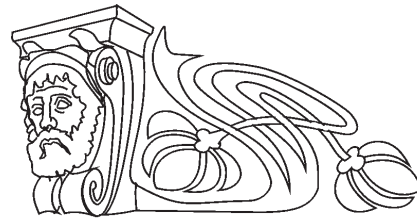

УДК 316.454

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

А. А. Понукалин

Саратовский государственный университет
E-mail: ponukalin@yandex.ru

В статье ставится задача разработки теоретико-методологических проблем создания социально-психологической модели современного лидера, применимой как для отбора компетентных руководителей, так и для подготовки их в качестве субъектов профессиональной управленческой деятельности. Рассматривается модель инновационного потенциала личности руководителя в контексте социально-психологических процессов, происходящих в трудовой группе.

Ключевые слова: инновационный потенциал, социально-психологическая модель, инновационный лидер, инновационная деятельность.

Social and Psychological Quality of Innovation Potential of the Person Manager

A. A. Ponukalin

This article deals with the strategic goal of developing theoretical and methodological problems of a socio-psychological model of a modern leader, applicable for the selection of competent managers and to prepare them as subjects of professional management. A model of the innovation potential of the individual manager in the context of social and psychological processes in the labor group is considered in this article.

Key words: innovation potential, socio-psychological model, innovation leader, innovation activity.

Построение инновационного общества в России – новый этап в развитии страны. Инновационное общество должно производить новые идеи, новые технологии и социальные инновации, в том числе управленческие, а также инновации во всех сферах экономики и общественной жизни¹. Стратегическая задача достижения лидирующих позиций в мире конкретизируется в тактических задачах формирования национального потенциала лидеров самых различных уровней в разных сферах хозяйствования, способных вывести страну на заданные позиции. Решение стратегической задачи требует разработки, в первую очередь, теоретико-методологических проблем создания социально-психологической модели современного лидера, применимой как для отбора компетентных руководителей, так и для подготовки их в качестве субъектов профессиональной управленческой деятельности.

С точки зрения социально-экономических оснований общественного развития необходимость управления обусловлена, с одной стороны,

разделением труда, а с другой – потребностью в его кооперации. Современная новая парадигма общественного управления строится, скорее, на идее всё более полного включения творческой личности в структуру субъекта управления, связанную с коллективной силой интеллекта, преобразующего общество, поэтому в таком управлении формируется управленческая элита профессионалов, способная выполнить главную миссию общества – создать условия для его саморазвития и повышения качества жизни.

Организация процесса перехода на инновационный путь развития является следствием компетентного управления, которое в складывающихся условиях должно приобрести определённые черты. Управление вообще служит необходимым условием устойчивого существования и непрерывного развития общества как системы. Научно обоснованная практика оценки компетентности руководителей относится к одной из наиболее значительных управленческих инноваций, являющейся и социальной инновацией. Важные составляющие структуры компетенций руководителя – его лидерские качества, поскольку лидерство в его персонализированном социально-психологическом статусе возникает в формирующемся и развивающемся коллективе.

Лидер способен внушать, ему подражают, с этого начинается психическое «вождение»; он способен убедить в сложных ситуациях, увлечь своим примером, используя психологические механизмы воздействия (индуцирование реакции сопереживания, преобразование последнего в «заражение», внушения на этом фоне). Он продуктивно владеет средствами воспитательного и оценочного воздействия. Одним из основных факторов успешности управляющей деятельности лидера-руководителя служит адекватная самооценка компетентности в действиях. Компетентность имеет сложную структуру, в которой выделяются гностический и эвристический компоненты. Первый вид компетенции определяется системой индивидуального знания, порождающей чувство уверенности в успешности собственных действий и достижении результата. Если уровень когнитивной компетенции снижен, то управление приобретает негативные черты:

как только руководитель оказывается в ситуации, требующей высокого уровня такой компетенции, он заикливается на этой ситуации, не переходит к другим, более важным проблемам и дезориентирует себя и подчиненных. Как следствие, снижается готовность принимать решения, и они отодвигаются на неопределённое время. Такой руководитель не берет на себя ответственность, а передает её другим, не обеспечивая условий для необходимых решений и их реализации. Сам он объясняет неудачи внешними причинами, его locus контроля изменяется и смещается.

Эвристическая компетенция обусловлена знаниями о способах конструирования собственных действий. Руководитель с низким уровнем эвристической компетенции неуспешен. У него возникает страх перед прогнозируемыми неудачами, повышается психическая напряжённость, снижается эффективность контроля над ситуациями или он теряет контроль. В результате важная проблема «перескакивает» на другую до тех пор, пока одна из них не окажется легко разрешимой. В конечном счёте, ни одно из намерений не реализуется до конца и действия носят импульсивный характер.

Готовность руководителя к управленческим действиям определяется и уровнем развития творческих способностей, предполагающих владение средствами самоконтроля как регуляционной основы интеллектуальных действий. Они заключаются в установлении связей нового с уже имеющимися знаниями, переходе от новых связей к новым свойствам, включении нового в систему имеющихся знаний, обобщении характеристик внутреннего плана мыслительных действий, осуществлении «мыслительного эксперимента». Должны быть развиты (в соответствии с теорией А. М. Матюшкина²) психологические механизмы выполнения операций «прямой связи» в проблемной ситуации: представления о целях, способах и условиях предполагаемых действий, саморегуляция внимания, сенсорно-перцептивные процессы, оперативная память. Важны психологические механизмы выполнения операций «обратной связи»: антиципация будущего результата как основа для корректирования действий при достижении неадекватного, саморегуляция измерительно-оценочных функций как механизмов сличения и означивания антиципируемого и заданного результатов.

Компетенции и показатели готовности лидера-руководителя составляют параметрическое содержание теоретической модели потенциала его личности, на основе которого формируется его инновационный потенциал. Профессиональный руководитель, осваивая лидерские позиции, должен стремиться реализовать имеющийся у него инновационный потенциал в контексте социальной психологии управления персоналом

инновационной группы, организации, системы, а в определённой степени – и инновационным обществом. Для этого необходимо обладать «запасом» соответствующих средств профессиональной деятельности – потенциальных знаний, умений, намерений, социальных замыслов. Следовательно, одной из важнейших составляющих инновационного потенциала должна быть мотивация инновационной деятельности и сила воли, которая зависит от уровня развития сознания. Надо отметить, что общая структура инновационного потенциала личности определялась в прошлом с учетом:

закономерностей функционирования мотивационной (прежде всего, мотивация достижения) составляющей;

эмоционально-волевой сферы;

познавательных процессов (дивергентного мышления, степени ригидности мыслительных процессов и т.д.);

индивидуально-психологических особенностей (способности к творчеству, интернальности при принятии решений) субъекта деятельности³.

Инновационный потенциал личности руководителя необходимо рассматривать как одно из важнейших качеств лидера в контексте социально-психологических процессов, происходящих в трудовой группе, осуществляющей инновационный процесс в системе совместной инновационной деятельности. Любая личность, как писал Б. Ф. Ломов, обладает достаточно большим потенциалом (в широком смысле), который лишь частично реализуется в отдельно взятой деятельности⁴. Поэтому для его объективной и более менее полной оценки необходимо рассмотрение всей совокупности деятельностей, выполняемых данной личностью. В качестве базовой составляющей потенциала личности он рассматривал её направленность в контексте потребностей, мотивов, целей, тогда как сама направленность непосредственно связана со способностями. Ещё Аристотель полагал, что способности – это потенциальные возможности психики. При прочих равных условиях (уровень подготовленности, знания, навыки, умения, затраченное время, умственные и физические усилия) способный человек получает максимальные результаты по сравнению с менее способными. Это – комплекс индивидуально-психологических свойств личности, соответствующих требованиям деятельности и выступающих в качестве субъективных условий её успешного осуществления. Такой комплекс может служить предметом оценивания потенциала личности по отношению к конкретному виду деятельности.

Каждая деятельность, однако, предъявляет определённые требования и к общим, и к специальным способностям, поэтому нельзя развивать личность, её способности узкопрофессионально:

только всестороннее развитие поможет выявить и сформировать общие и специальные способности в их единстве. Тем не менее человек должен специализироваться в той области, к которой он склонен и в которой его способности реализуются. Они формируются в деятельности при благоприятных социальных условиях жизни и не сводятся только к наличным знаниям, умениям, навыкам, но проявляются, главным образом, в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приёмами деятельности. Эти показатели могут служить признаками сформированности потенциала личности, способной осуществлять профессиональную деятельность. Важно также и то, как отмечал Б. Ф. Ломов, что реализация и развитие потенциала личности зависит от количества и качества связей с другими людьми. Из этого следует, что потенциал личности нельзя рассматривать в отрыве от социального окружения; это имеет особое значение, когда речь идёт об инновационном потенциале личности руководителя.

Что же означает термин «потенциал» в широком смысле? Потенциал (лат. *potentia* – скрытая сила) – возможность; наличные силы, которые могут быть использованы⁵. Противоположность потенциальности – актуальность. Предположим, что у конкретного человека сформирован инновационный потенциал и настало время его реализации. Необходимо понять, во что превращается «скрытая сила», становясь актуальной. Зная эту действительность, можно определить требования, которые она как бы предъявляет к инновационному потенциалу человека. Если имеется в виду инновационный потенциал профессионала, то важнейшей формой действительности является профессиональная деятельность. Когда речь идёт об инновационном потенциале руководителя, то противоположностью «скрытой силы» будет осуществление им инновационной деятельности.

М. В. Чигринова считает, что понятие «инновационный потенциал личности» недостаточно разработано в общепсихологическом плане и широкие объяснительные возможности заложены в содержании инновационной деятельности⁶. По существу, она обозначила методологический подход к изучению психологии инновационного потенциала личности через психологическую характерологию инновационной деятельности с её внутренними (личностными) ресурсами. Итак, инновационный потенциал сводится к личностным ресурсам инновационной деятельности, к внутренним и внешним её средствам и его необходимо рассматривать в рамках психологической теории деятельности. В соответствии с современным пониманием инноватики следует иметь в виду, что инновационная деятельность (в рамках одного полного цикла) может быть только

совместной деятельностью, поэтому важнейшими составляющими инновационного потенциала личности должны быть её социально-психологические характеристики, в частности:

- показатели «места» и «веса» личности в общении;
- различное положение личности в системе общения: популярная, принятая, находящаяся на среднем уровне, изолированная;
- средства и способы (вербальные и невербальные) общения, его стиль и типологические особенности;
- стиль, интонация, темп речи и другие её характеристики;
- статус и роль, отношения личности;
- ситуация конфликта: пути согласования отношений, определяемых эмоциональной сферой; способов преодоления напряжений; развития системы отношений;
- социальное чувство и социальная ответственность.

К личностным ресурсам следует отнести когнитивную, коммуникативную и регулятивную составляющие, особенности сознания (субъективное конструирование: целеполагание, системообразование, воображение), определённые качества которых способны обеспечить деятельность личности в инновационной системе. Субъект инновационной деятельности должен чётко осознавать исходную научную идею, конкретизировать (по крайней мере, на номинальной шкале) наименование своей инновации, понимать возможность её реализации в определённой сфере общественной жизни, представлять проблему, решаемую инновацией, знать, на какой стадии инновационного процесса он находится в данное время.

Инновационную деятельность можно разделить на два вида: с риском и без риска. Во втором случае разрабатываемый конечный продукт востребован и будет реализован, он экономически рентабелен. В первом случае: а) не известно, удастся ли вообще воплотить исходную идею и технологию в конечный продукт, предполагая, что он нужен кому-либо; б) исходная идея реализуется на уровне конечного продукта, но не известно, будет ли он востребован и экономически рентабелен. Психологическому содержанию инновационной деятельности посвящены труды А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, А. М. Матюшкина, Ю. М. Забродина, В. Д. Щадрикова, Е. А. Климова и др., а в целом такую деятельность руководителя необходимо рассматривать в нескольких аспектах: руководящая деятельность как инновации (независимо от профиля совместной деятельности персонала); руководство персоналом, осуществляющим один из этапов инновационного цикла; руководство персоналом, осуществляющим несколько этапов инновацион-

ного цикла; руководство всеми подразделениями, осуществляющими полный цикл целостного инновационного процесса; руководство инновационной системой разных уровней – вузовской, профильной, региональной, межрегиональной, национальной, евразийской.

Если при осуществлении своей деятельности руководитель эффективен, то он будет управлять персоналом, основываясь на социально-психологических законах совместной деятельности членов группы, коллектива, команды, и такая руководящая деятельность является профессиональной. Она не может не быть инновационной в отношении персонала любой трудовой группы, осуществляющей или не осуществляющей формально инновационную деятельность. Таким образом, профессиональный руководитель должен стремиться реализовать имеющийся у него инновационный потенциал в контексте социальной психологии управления персоналом любого уровня, а в определённой степени – и инновационным обществом. Для этого необходимо обладать «запасом» соответствующих средств профессиональной деятельности – потенциальными знаниями, умениями, намерениями, социальными замыслами. В конечном счёте, можно утверждать, что инновационный потенциал, который необходимо рассматривать в рамках психологической теории деятельности, в данном случае – деятельности руководителя – это сформированная система качеств личности, позволяющих осуществлять эффективное руководство инновационными процессами разных уровней.

Индивидуальную инновационную деятельность мы рассматриваем как специфическую человеческую деятельность, в которой важнейшим компонентом выступает проблемная ситуация, преобразующая мотив в мотив-цель. Психология инновационной деятельности обращена к социальным качествам человека, а потому её структура формируется в течение значительного периода жизнедеятельности человека. Следовательно, субъект инновационной деятельности – личность, характеризующаяся сформированными, адекватными инновационной деятельности личностными качествами⁷. Такая деятельность в силу своей специфики предъявляет к психике своего субъекта определённые требования. Актуальными становятся разработка психологического портрета такой

личности, выбор методов диагностики, построение планов и программ специальной психологической подготовки. Определив необходимые требования к психике человека в контексте формирования инновационной личности, можно поставить задачу формирования массового сознания населения и создания инновационной социально-психологической атмосферы в обществе. В стратегии полной реализации психологического потенциала существенное значение приобретает специальная психологическая подготовка будущих профессионалов (как субъектов инновационной деятельности), которая должна стать неотъемлемой и одной из важнейших составляющих профессионализации.

Интеграция и систематизация рассмотренного выше теоретического знания позволяет сформулировать и решать проблему оценивания наличных и необходимых внутренних и внешних средств деятельности, сформированной системы качеств личности, которые обеспечивают определённый уровень инновационного потенциала. Необходима дальнейшая разработка методологических проблем теоретической модели – характерологии показателей инновационного потенциала личности, в частности выявления психологических детерминант, лежащих в его основе, т.е. модели инновационного потенциала личности эффективного руководителя системы инновационной деятельности.

Примечания

- ¹ См.: *Набиуллина Э. С.* Концепция 2020 : общественная дискуссия // *Гражданский диалог.* 2008. № 2. С. 11.
- ² См.: *Матюшкин А. М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972. С. 168.
- ³ См.: *Чигринова М. В.* Психологические средства повышения инновационного потенциала руководителя : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Харьков, 1989. С. 15.
- ⁴ См.: *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 444.
- ⁵ См.: *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 721.
- ⁶ См.: *Чигринова М. В.* Указ. соч.
- ⁷ См.: *Понукалин А. А.* Психология инновационной деятельности // *Социология инноватики : социальные механизмы формирования инновационной среды.* М., 2008. С. 11–14.

Организационная психология

Важным направлением развития психологической науки и практики в современном мире, и в частности в России, является организационная психология. Причина проста: деятельность людей носит преимущественно коллективный характер и осуществляется организациями – фабриками и университетами, универмагами и больницами, армиями и министерствами. Результативность и эффективность деятельности организаций зависит от входящих в их состав людей, а также их отношений друг к другу, к своей работе и своей организации. Организационная психология активно участвует в решении широкого круга проблем, значимых для современных организаций.

С 2010 г. на факультете психологии СГУ им. Н. Г. Чернышевского реализуется магистерская программа по организационной психоло-

гии и проводится ежегодная международная конференция «Организационная психология: люди и риски». В предлагаемых вниманию специалистов-психологов, а также аспирантов и магистрантов статьях исследователи обращаются к широкому кругу проблем, они – участники вышеназванных проектов факультета психологии СГУ.

Уверена, что представленные в журнале работы по организационной психологии будут интересны нашим коллегам, аспирантам и магистрантам.

Л. Н. Аксеновская,
доктор психологических наук,
зав. кафедрой общей
и социальной психологии,
декан факультета психологии СГУ

УДК 316.6

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Л. Н. Аксеновская

Саратовский государственный университет
E-mail: aks@s-post.ru

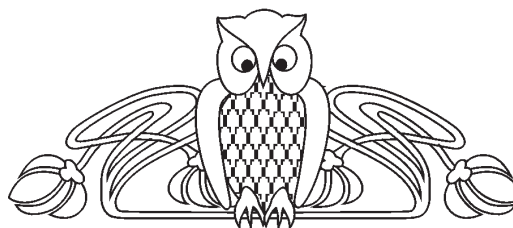
В статье обсуждаются способы определения актуальных проблем современной теоретической и практической психологии. Особое внимание уделяется актуальным проблемам организационной психологии. Предлагается рассматривать комплекс актуальных проблем на шкале «человечество – общества – организации – человек»; в качестве центральной выделяется проблема природы творчества и уникальности.

Ключевые слова: актуальные проблемы, общественная потребность, самоконструирование, психологические мегатренды, сервисы, платформы, организационная культура, творчество, уникальность.

On Actual Problems of Modern Theoretical and Practical Psychology

L. N. Aksenovskaya

The paper focuses on the ways of identification of the actual problems of theoretical and practical psychology. A special attention is paid to the articulation of the actual problems of organizational psychology. The complex of the actual problems on the scale «mankind – community – organization – person» is considered. The problem of the nature of creativity and uniqueness is highlighted as the central one.

Key words: actual problems, public need, self-designing, psychological megatrends, services, platforms, organizational culture, creativity, uniqueness.

В течение двух лет на факультете психологии СГУ имени Н. Г. Чернышевского реализуется магистерская программа по организационной психологии. Будущие организационные психологи в интенсивном режиме осваивают сложную и напряженную программу подготовки, ее цель – формирование нового класса профессионалов, способных в рамках организационной психологии работать в широком диапазоне: от теоретических обобщений до практических решений проблем современных организаций. Совмещение общего и частного, глобального и локального – «глобализм» отдельной профессии – таков вызов, с которым сегодня имеют дело и преподаватели, и магистранты.

В основе предлагаемых размышлений о проблемах современной теоретической и практической психологии лежат фрагменты лекций,

прочитанных автором статьи магистрантам – организационным психологам, и ответы на вопросы студентов.

Как определить актуальность проблем в психологии? Самый очевидный ответ на этот вопрос звучит следующим образом: актуальность определяется потребностями людей – индивидов, групп, обществ и, наконец, потребностями человечества. Сначала отметим, что интересующие нас проблемы касаются людей. Затем в соответствии с системным видением распределим наш вид по основным системным уровням в дедуктивной логике: человечество – общества – группы (большие и малые) – личность. Можно сказать, что шкала «человечество – личность» для современной психологии является актуальной. У каждого из обозначенных системных уровней есть свои насущные потребности и проблемы, и они взаимно друг на друга влияют и друг друга обуславливают.

Теперь о потребностях: после сильного ветра при въезде во двор многоквартирного дома упало дерево и перегородило дорогу. Водитель машины, остановившейся перед упавшим деревом, имеет актуальную потребность – убрать препятствие с дороги. Но, может быть, его потребность в том, чтобы следующее дерево во дворе не упало на его машину, которая будет припаркована через пятьдесят метров? Можно также предположить, что потребность водителя – в отсутствии деревьев во дворах или – в наличии безопасных парковок внутри дворов либо поблизости от домов. Возможно, у водителя актуальной является потребность в более совершенной машине, способной легко преодолевать такие преграды.

В чем состоит потребность современных людей, организаций, обществ и человечества: в наличии доступных инструментов решения их проблем? В отсутствии проблем, повторяющихся бесконечно? В наличии средств предотвращения неизбежных проблем? Проблемы практической психологии в этом смысле похожи на проблемы профессиональных спасателей на воде и ориентированы на создание и оттачивание инструментов «вылавливания» разного рода «утопающих» в стремительных потоках и омуты жизни.

Проблемы теоретической психологии часто связаны с глубокой проработкой тем практической психологии, однако главная её проблема в «расшифровке» тайны человеческой «души». Открытия именно в этой области обещают прекратить «бег белки в колесе» бесконечно повторяющихся проблем человека, организации и человечества. Постоянные усилия психологов-практиков по «ремонту» человека психологи-фундаменталисты могут прекратить или перенаправить в другое русло, однажды найдя решение по изменению «конструктивных особенностей» человеческой психики, осуществив её «реинжиниринг».

Итак, можно выделить два типа актуальных проблем современной психологии: для практической психологии это проблема «Как?» (как изменить что-то в человеке, в человеческом поведении, сознании, отношениях и т.д.); для теоретической психологии это проблема «Что?» (Что такое человек? Что такое психика?). Психология настойчиво пытается подступиться к вопросу и о том, как возможно самоконструирование / самотворение человека. Таким образом, для психологии актуальность проблемы определяется актуальностью (остротой) возникшей потребности на любом системном уровне – от человека до человечества, будь то коррекция состояния либо конструирование личности и видовой психики.

Формируя своё проблемное поле, научная психология чутко реагирует на данные других наук – и естественных, и гуманитарных. Этот обмен идеями и эмпирическими базами между научными дисциплинами, безусловно, стимулирует внутродисциплинарные поиски. Интерес для психологов представляет книга физика П. Дэвиса «Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации»¹. Основываясь на новейших достижениях естественных наук, автор обосновывает тезис о неслучайности Вселенной и человечества: «Невозможно избавиться от ощущения, что план есть», – пишет он². В книге есть раздел, посвящённый психологии («Разум и мозг»), где ученый предлагает задаться вопросом: согласны мы или нет, что, например, муравьи, строящие свой муравейник, выполняют сообща задачу? Что собака неким образом манипулирует своим телом, чтобы схватить добычу? И при этом неважно, осознают они это или нет. У человечества в проекте «Вселенная» также есть своя задача, осознать которую, конечно, хотелось бы.

Гипотезы о предназначении и цели Вселенной, человечества и человека начинают появляться, в том числе и в психологическом сообществе. На проходившем в рамках 5-го съезда Российского психологического общества методологическом семинаре под руководством профессора Б. С. Братуся (февраль 2012) выступил профессор В. А. Шкурафов с докладом о своём проекте исторической психологии. Историческая психология исследует человека на временной трансспективе «прошлое – настоящее – будущее». Переводя эти понятия в цифры, В. А. Шкурафов отметил, что от появления на планете первых форм жизни до современного человека прошло около 4 млрд лет и примерно столько же может ожидать человечество впереди. Насколько и как изменится человек за этот период? Какими и кем мы станем? У человечества есть выбор: либо поддерживать статус кво и прилагать усилия к тому, чтобы оставаться видом *homo sapiens*, либо эволюционировать, отказавшись от биологической неизменности в пользу бессмер-

тия. Свои предпочтения В. А. Шкуратов выразил в тезисе о сути гуманитарного знания, которая, по его мнению, заключается не в изучении и не в сохранении нашей идентичности, а в её создании.

Моя гипотеза скромнее, хотя и не противоречит предыдущей: содержание проекта – нравственный эксперимент, и, скорее всего, эксперимент формирующий, в ходе которого человечество старательно (или не очень) осваивает закон причинно-следственных связей, а также целый список других этических законов, регулирующих взаимоотношения части с Целым и частей внутри Целого. Банк идей по поводу задач человечества продолжает формироваться, и какая-то догадка рано или поздно окажется правильной.

Другая книга, заставляющая задуматься социальных и организационных психологов, – сочинение Дж. и Д. Нейсбитов «Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества»³. Книга повествует о том, как за 30 с небольшим лет (с 1984 г.) китайское общество сделало огромный рывок вперёд из отсталости и нищеты на второе (сегодня) место в мире по показателям экономического развития. Авторы объясняют секрет невероятной эффективности Китая тем обстоятельством, что система управления страной построена и функционирует как система управления компанией: во-первых, обозначен примат экономики над политикой. Как и в любой компании, участвующей в рыночной конкурентной борьбе, существуют долгосрочные цели (на 70 лет) и несменяемая власть «совета директоров» в лице компартии. Отсутствие необходимости проводить каждые 4–5 лет выборы позволяет экономить ресурсы и не терять из виду поставленной цели (умеренное благосостояние почти для 1,5 млрд граждан страны).

Во-вторых, осуществляется опора на национальную культуру и особенности национальной психологии. Китайская культура опирается на коллектив: групповое приоритетно, по сравнению с личным, и это находится в основе этики. Поэтому проблема лидерства, неразрывно связанная с группизмом, обсуждается в духе Лао-цзы (можно вспомнить «Лао-шкалу» в сотеринге) и воплощается в практике «контекстного лидерства». Отличительной чертой такого лидерства является умение лидера создавать условия в группе для успешного достижения поставленной цели и при этом оставаться «незаметным». К культурной специфике относится и стратагемность мышления китайских руководителей. Умение добиваться поставленных общественно значимых целей при помощи больших и малых «военных хитростей» опирается на впечатляющую военно-историческую традицию, в основе которой философская, а также практическая управленческая психология.

В перечень стратегий превращения «компаний Китая» в чрезвычайно доходное предприятие входят: создание эффективной команды;

достижение гармонии «верхов» и «низов» в пределах иерархического общественного порядка; формирование ценностей, целей и культуры мегакомпании; опора на доверие, а не на страх; развитие творческого потенциала средствами художественной культуры; «перетекание» с внутренних на внешние рынки; внимание к каждому человеку; переход от подражания к инновациям. Даже поверхностный взгляд на этот перечень стратегий позволяет прийти к заключению, что огромная страна действительно управляется как единая организация по всем законам современного менеджмента и на основе технологий организационной психологии.

Системное видение трендов менеджмента в начале XXI в. изложено в книге «Менеджмент: век XX – век XXI»⁴. Остановимся на прогнозах О. С. Виханского и А. И. Наумова, редакторов этой книги. О. С. Виханский называет четыре фактора, влияющих на трансформацию менеджмента в XXI в.: 1) дифференциацию или разработку управленческой методологии, обеспечивающей непохожесть на других; речь идет о формировании уникальности как ключевой ценности; 2) информатизацию и решение проблемы совместимости работника с информационными системами; предполагается изменение характера коммуникаций между людьми и ослабление эмоционального фона; 3) здоровье (физическое и психологическое) как приоритетный продукт и приоритетная услуга; 4) культура; наибольшее влияние на менеджмент окажут такие культуральные феномены, как глобализация, «разнообразие» и управление разнообразием, а также китаезация; ожидается, что китайские подходы к управлению окажут сильное влияние на менеджмент в целом.

Легко заметить, что каждый из четырех факторов, влияющих на управленческие процессы в XXI в., имеет отчетливую психологическую составляющую, и в этом смысле трансформирующийся менеджмент ставит задачи как теоретической, так и практической психологии, особенно связанной с его предметным содержанием. Такое впечатление усиливает и статья А. И. Наумова, называющего семь главных изменений в управлении организациями в XXI в.: 1) от функционального к процессному управлению, которое построено на организации рабочих групп; 2) от работы групп к групповой работе, центром которой является доверие; без групповой работы невозможен переход к процессному управлению; 3) от принятия решений к поиску проблем; А. И. Наумов замечает, что и сами проблемы всегда лежат в действиях людей в диапазоне между их «хочу» и «могу» и решаться могут только через изменение поведения этих людей⁵; 4) от власти над людьми к власти от людей, чем, по сути, и является подлинное лидерство; 5) к глобализации через местную специфику; 6) от знаний для управления к управлению знаниями;

7) от обучающейся к научающейся организации; причем развитие организации связывается автором с развитием её работников и изменением мышления.

Психологическая наука активно включается в сотрудничество с научным менеджментом и теорией организации и генерирует различные модели и технологии, позволяющие выстроить работу с человеческой составляющей современных организаций. Сегодня не только крупные, но и небольшие организации часто имеют в штате психологов или пользуются консультативной поддержкой специализированных психологических компаний (диагностических, тренинговых и др.).

Чутко реагируя на актуальные потребности современных обществ и организаций, научная психология не просто разрабатывает решения конкретных проблем (как вновь возникших, так и «хронических»), но и активно ищет основания для выстраивания собственной современной модели профессиональной помощи.

«Человеческая» составляющая такой модели включает в себя три измерения:

- 1) сам психолог или команда психологов,
- 2) клиент психолога: собственники бизнеса и топ-менеджмент организаций – как частных, так и государственных и общественных;
- 3) клиент заказчика – внутренний и внешний.

В отношении каждого из трёх «человеческих» измерений инвентаризируются и проектируются собственные психологические инструменты и психологические сервисы. Комплекс таких инструментов и сервисов, включающий в себя и психологическую составляющую, и «предметную» (например, новые модели и технологии менеджмента), размещается на психологической платформе, обеспечивающий высокую степень интегрированности и согласованности всех элементов, входящих в состав комплекса, и гарантирует как системность, так и синергичность реализуемых подходов.

Идеология такого подхода сформулирована в работе К. К. Прахалада и М. С. Кришнана⁶. Она применима как в бизнесе, так и в сфере психологического управленческого консультирования. По мнению создателя этой профессии М. Бауэра, управленческое консультирование является не бизнесом, а видом профессиональной помощи подобно деятельности врачей. И хотя находятся люди и организации, занимающиеся консультированием как бизнесом, это является выходом за пределы профессиональной этики: для психолога задача «продать больше», как и для хирурга, недопустима.

Примером общей платформы для реализации проектов по изменению параметров организации в любой версии (модернизация, реструктуризация, развитие, трансформация и т.д.) является ордерный подход к изменению организационной культуры. Как социально-психологическая платформа он несет в себе признаки описанных К. К. Прахаладом и М. С. Кришнаном моделей $N = 1$ (привлечение потребителей к созданию ценности) и $R = G$ (доступ к глобальным ресурсам). Другой, традиционной для ордерного подхода моделью описания структуры проблемного поля и поля решения проблем в системах исполнителя-психолога и потребителя-клиента является триада «производитель – процесс – продукт», разработанная для анализа организационной культуры.

В поисках новых актуальных проблем психологии и, в частности, организационной психологии специалисты справедливо обращаются к темам и вопросам, оказавшимся в фокусе внимания практиков, управляющих процессами развития организаций, обществ и, в конечном итоге, человечества. Главная задача человека и человечества – самоизменение. Мы должны стать не просто «лучше» или «беспроблемнее», мы должны стать другими. Источником инновационного в психологическом плане процесса изменений является творчество и его субъекты – талантливые люди с ярко выраженными уникальными характеристиками.

Новым вызовом для психологии всё очевиднее становится задача освоения работы с уникальным и уникальностью – и исследовательской, и практической. Уникальность – талант – творчество – инновации как практическая сфера реализации уникального и непредсказуемого – в этом, возможно, состоит самая актуальная проблема психологии.

Примечания

- ¹ См.: Дэвис П. Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самореализации. 2-е изд. М., 2011. 254 с.
- ² Дэвис П. Указ. соч. С. 244.
- ³ См.: Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. М., 2012. 315 с.
- ⁴ См.: Менеджмент: век XX – век XXI : сб. ст. под ред. О. С. Виханского, А. И. Наумова. М., 2004. 336 с.
- ⁵ Там же. С. 17.
- ⁶ См.: Прахалад К. К., Кришнан М. С. Пространство бизнес-инноваций : создание ценности совместно с потребителем. М., 2011. 258 с.

Организационная психология

Важным направлением развития психологической науки и практики в современном мире, и в частности в России, является организационная психология. Причина проста: деятельность людей носит преимущественно коллективный характер и осуществляется организациями – фабриками и университетами, универмагами и больницами, армиями и министерствами. Результативность и эффективность деятельности организаций зависит от входящих в их состав людей, а также их отношений друг к другу, к своей работе и своей организации. Организационная психология активно участвует в решении широкого круга проблем, значимых для современных организаций.

С 2010 г. на факультете психологии СГУ им. Н. Г. Чернышевского реализуется магистерская программа по организационной психоло-

гии и проводится ежегодная международная конференция «Организационная психология: люди и риски». В предлагаемых вниманию специалистов-психологов, а также аспирантов и магистрантов статьях исследователи обращаются к широкому кругу проблем, они – участники вышеназванных проектов факультета психологии СГУ.

Уверена, что представленные в журнале работы по организационной психологии будут интересны нашим коллегам, аспирантам и магистрантам.

Л. Н. Аксеновская,
доктор психологических наук,
зав. кафедрой общей
и социальной психологии,
декан факультета психологии СГУ

УДК 316.6

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Л. Н. Аксеновская

Саратовский государственный университет
E-mail: aks@s-post.ru

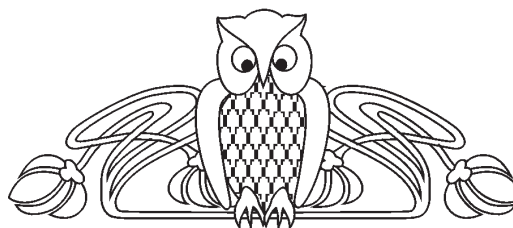
В статье обсуждаются способы определения актуальных проблем современной теоретической и практической психологии. Особое внимание уделяется актуальным проблемам организационной психологии. Предлагается рассматривать комплекс актуальных проблем на шкале «человечество – общества – организации – человек»; в качестве центральной выделяется проблема природы творчества и уникальности.

Ключевые слова: актуальные проблемы, общественная потребность, самоконструирование, психологические мегатренды, сервисы, платформы, организационная культура, творчество, уникальность.

On Actual Problems of Modern Theoretical and Practical Psychology

L. N. Aksenovskaya

The paper focuses on the ways of identification of the actual problems of theoretical and practical psychology. A special attention is paid to the articulation of the actual problems of organizational psychology. The complex of the actual problems on the scale «mankind – community – organization – person» is considered. The problem of the nature of creativity and uniqueness is highlighted as the central one.

Key words: actual problems, public need, self-designing, psychological megatrends, services, platforms, organizational culture, creativity, uniqueness.

В течение двух лет на факультете психологии СГУ имени Н. Г. Чернышевского реализуется магистерская программа по организационной психологии. Будущие организационные психологи в интенсивном режиме осваивают сложную и напряженную программу подготовки, ее цель – формирование нового класса профессионалов, способных в рамках организационной психологии работать в широком диапазоне: от теоретических обобщений до практических решений проблем современных организаций. Совмещение общего и частного, глобального и локального – «глобализм» отдельной профессии – таков вызов, с которым сегодня имеют дело и преподаватели, и магистранты.

В основе предлагаемых размышлений о проблемах современной теоретической и практической психологии лежат фрагменты лекций,

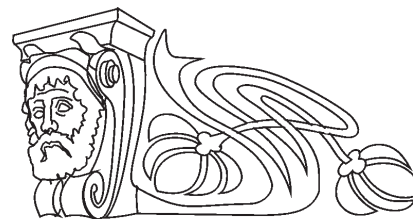

УДК 316.613

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС «Я» С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

В статье рассматривается предложенное Дж. Г. Мидом объяснение генезиса сознания и «я» через постепенное развитие в детстве способности принимать роль другого и визуализировать свое собственное поведение с точки зрения других.

Ключевые слова: «Я», объективный, субъективный, самосознание, роль, развитие.

Social Psychological Genesis of «Self» from the Standpoint of the Philosophy of Social Interactionism

Yu. V. Stavropolsky

This publication considers the explanation of the consciousness and «self» genesis offered by G. H. Mead through a gradual development during childhood of a capability to assume a part of the other and to visualize own behaviour from the viewpoint of the others.

Key words: «Self», objective, subjective, self-awareness, part, development.

Вслед за У. Джеймсом Дж. Г. Мид утверждает, что сознание должно пониматься как поток мышления, возникающий в динамическом отношении между человеком и его окружением, более конкретно – его социальным окружением¹. Опыт не является сначала индивидуальным, а потом социальным: каждый индивид непрерывно вовлечен в последовательность совместных предприятий с другими, из которых формируется его сознание. Сознание не данность, оно эмерджентно.

Среди наиболее значительных достижений Дж. Г. Мида – его объяснение генезиса сознания и «я» через постепенное развитие в детстве способности принимать роль другого и визуализировать свое собственное поведение с точки зрения других². С этой точки зрения, человеческая коммуникация становится возможной лишь тогда, когда «символ возбуждает в собственном “я” то, что он возбуждает в другом индивиде». У совсем маленьких детей еще нет способности пользоваться значимыми символами, поэтому, когда они играют, их поведение во многих отношениях похоже на поведение щенков, играющих друг с другом. Когда дети подрастают, они постепенно научаются принимать роль другого через игру. Тем самым ребенок культивирует в себе способность ставить себя на место другого, значимого для него. По мере взросления он становится способен не только

принимать эти роли через их проигрывание, но и постигать их, представляя в своем воображении. Решающей вехой в социальном развитии ребенка является переход: ребенок, показывая кому-либо картинку, отворачивает ее от себя, вместо того чтобы, как он делал это раньше, держать ее обращенной к себе в уверенности, что его партнер может видеть лишь то, что видит он сам.

Детская игра на уровне простого принятия ролей – это первая стадия постепенного преобразования: от простого сообщения через действия – ребенок убегает, когда его догоняют – до зрелой способности использовать значимые символы при интеракции со многими другими. Несмотря на то, что он научился ставить себя в воображении на место партнера, ребенок все еще не соотносит в своем сознании роли, которые играют другие, с кем-то другим вне самого себя. Таким образом, он понимает отношение матери или отца к себе, но не понимает, что его собственная мать – это в то же время не мать его отца. Такой прорыв в концептуализации приходит вместе со способностью играть в сложные организованные игры, когда ему придется удерживать в сознании все роли, которые играют другие, и оценивать их потенциальные реакции друг на друга. Подобные игры следует отличать от простых, таких как прятки, которые предполагают всего два типа ролевых партнеров, или игра в камешки, в которых актеры не изменяют игры друг друга и, следовательно, им не приходится предугадывать реакцию другого партнера. Но в игре, в которой множество индивидов играют различные роли, например в бейсболе, ребенок, принимающий одну роль, должен быть готов принять и другую. Это отличается не только от того, что Дж. Г. Мид называет словом «представлять» (play) – простая игра, не требующая принятия ролей, например, игра в камешки, но и от так называемой сложной игры (game).

Различие между двумя стадиями развития «я» – простой игрой (play) и сложной игрой (game) – определяется количеством участников и наличием либо отсутствием правил. В простой игре правил нет. Сложная игра имеет правила, но отличается количеством игроков: игры вдвоем требуют принятия простых ролей, игры с боль-

шим составом участников требуют принятия роли «генерализованного другого», т. е. того, чтобы у каждого игрока присутствовало представление о поведении каждого другого игрока по отношению друг к другу и по отношению к самому себе.

В простой игре ребенок просто принимает одну за другой роли тех людей и животных, которые тем или иным образом встретились в его жизни. Здесь видно ясно выраженное предположение установок других через самостимуляцию вокального жеста, поэтому в последующей жизни подобные жизненные установки становятся более сокращенными и труднее обнаруживаемыми.

В сложной игре ребенок становится, так сказать, всеми другими, подразумеваемыми в общей деятельности, и должен иметь внутри своего «я» целостную организованную деятельность для того, чтобы успешно играть (play) свою роль. Человек здесь не просто принимает роль конкретного другого, он обобщает отношение принятия роли. При помощи правил, управляющих игрой, ребенок развивает способность ставить себя на место всех других игроков и предвидеть их реакции. Эти правила представляют собой набор реакций, которые вызывает конкретная установка. Финальная стадия процесса созревания ребенка, утверждает Дж. Г. Мид, возникает тогда, когда индивид принимает роль «генерализованного другого» – установку целого сообщества.

Полностью зрелый индивид, по мнению учёного, не просто принимает во внимание установки других индивидов, «значимых других» по отношению к себе и по отношению друг к другу, он должен также принять их установки по отношению к различным фазам и аспектам совместной социальной деятельности. Через правила игры ребенок знакомится с социальным принуждением и с прочной тканью более взрослой реальности. Следовательно, зрелое «я» возникает тогда, когда «генерализованный другой» интернализирован настолько, что сообщество осуществляет управление поведением своих индивидуальных членов.

Тем самым, по мнению Дж. Г. Мида, благодаря способности принимать роли, «я», которое развивается постепенно – через поступательное расширение объема человеческой вовлеченности, нельзя считать просто телесным³. Это, скорее, социальная целостность, возникающая в социальном процессе развития – от простого общения через действия к процессу идентификации с «генерализованным другим».

Сущность «я», по Дж. Г. Миду, это рефлексивность. Индивидуальное «я» индивидуально лишь из-за своего отношения к другим. Благодаря индивидуальной способности представлять в своем воображении установки других, «я» становится объектом своей собственной рефлексии. «Я» и как субъект, и как объект является сущностью социального бытия. Конкретная индивидуаль-

ность каждого «я» есть результат конкретной комбинации отношений других, которая никогда не бывает тождественной у двух людей, из таких комбинаций формируется генерализованное «я». Следовательно, несмотря на то, что индивидуальность коренится в социальности, каждый человек вносит индивидуальный вклад в социальный процесс.

Дж. Г. Мид пытался сделать свои взгляды более ясными за счет разграничения между субъективным «я» (I) и объективным «я» (me). И субъективное «я» (I), и объективное «я» (me) необходимо соотносены с социальным опытом. Но субъективное «я» – это реакция индивида на отношение со стороны других, а объективное «я» – это организованный комплекс отношений со стороны других, предполагаемый индивидом. Отношения других образуют организованное объективное «я», а затем индивид реагирует на объективное «я» из положения субъективного «я». В положении объективного «я» человек осознает себя объектом: он реагирует на самого себя в смысле отношений со стороны других людей к нему. Его самооценка является результатом того, как, по его мнению, его оценивают другие. Объективное «я» – это «я», постигаемое и понимаемое на языке точки зрения значимых других и общества вообще. Оно отражает законы и мораль, организованные коды и экспектации сообщества. Субъективное «я», напротив, – ответ, который индивид дает на отношение со стороны других к нему, когда он решает относиться к ним определенным образом. Субъективное «я» дает ощущение свободы, инициативы. То, что представляется в сознании, – это всегда «я» как объект, как объективное «я», но не воспринимается без субъективного «я» как уникальный субъект, для которого объективное «я» может быть объектом. Субъективное «я» и объективное «я» не идентичны, потому что «я» невозможно полностью просчитать, это всегда нечто отличное от того, чего требует ситуация как таковая.

Индивиды от рождения имеют определенную национальность, локализованную в определенной географической точке, определенные семейные отношения и некоторые политические отношения. Все эти отношения репрезентируют некую ситуацию, которая образует объективное «я» (me), с необходимостью предполагая непрерывное действие в направлении «себя». Люди рождаются в социальных структурах, которые созданы не ими, они живут в институциональном и социальном порядке, который создали не они, их ограничивают языки, коды, обычаи и законы. Все это входит в объективное «я» в качестве образующих элементов, однако субъективное «я» (I) всегда реагирует на предрешенную ситуацию уникальным образом. «Я» (self) как целое, как оно представлено в социальном опыте, составлено из стабилизированных

отношений генерализованных других в объективном «я» и в непредсказуемой спонтанности субъективного «я». Вот почему «я» как целое остается открытым. Если бы оно не имело этих двух аспектов, то не могло бы быть сознаваемой ответственностью, и в опыте ничего бы не было. Дж. Г. Мид ценил автономию личности, но видел ее как возникающую из обратной связи, а не из попыток изолировать себя от других. Человеческие акторы с неизбежностью вовлечены в социальный мир, но зрелое «я» преобразует этот мир, даже если только реагирует на него.

Исследователь довольно неоднозначно определяет социальные акты: иногда он трактует их как предполагающие сотрудничество между акторами; в другом месте – как о конкурентных и конфликтных интеракциях. Очевидно, он хотел сказать, что социальные акты не ограничены лишь сотрудничеством, а социальное действие всегда основано на объекте совместной заинтересованности всех вовлеченных индивидов. Конфликт и конкуренция, а также кооперативное поведение могут в равной мере рассматриваться как социальное действие до тех пор, пока они предполагают взаимную ориентацию акторов друг на друга. Для Дж. Г. Мида, как и для Г. Зиммеля, конфликт и сотрудничество коррелируют друг с другом: ни одно общество не может существовать без них.

Ч. Моррис отмечал, что как философ Дж. Г. Мид был прагматиком, как ученый – социальным психологом. Философская задача прагматизма заключалась в переинтерпретации понятия сознания и интеллекта на языках биологии, социологии и психологии, опираясь на постдарвиновские течения мысли⁴. Эмпирический натурализм, основанный на биологических, психологических и социологических данных, рассматривает мыслящего человека в естественном состоянии и стремится избегать дуализма сознания и материи, опыта и природы, философии и науки, телеологии и механицизма, теории и практики. Дарвинизм, экспериментальный метод и демократия – вот потоки, образующие прагматическое течение.

Наиболее стабильным результатом прагматической деятельности, по признанию Ч. Морриса, оказывается ее теория интеллекта и сознания в работах Дж. Г. Мида и Джона Дьюи. Оба взаимно обогащают друг друга, и если Д. Дьюи создает перспективу и картину, то Дж. Г. Мид придает ей аналитическую глубину и научную точность. Дж. Г. Мид немного прибавил к корпусу фактов социальных наук, но к идеационной и концептуальной структуре он прибавил многое.

Дж. Г. Мид не был простым последователем Г. Тарда или Дж. Болдуина, или Ч. Кули, или В. Вундта. Всех их он критиковал за то, что они не в полной мере объясняли, каким образом сознание и «я» возникают в поведении. Эта критика касается двух аспектов: 1) все они предполагали

антецедентно существующее сознание и «я», участвующее в совершающемся социальном процессе; 2) даже в отношении к фазам сознания или «я», которые они пытались объяснить социальным образом, они не сумели выделить задействованный механизм. Дж. Г. Мид пытался показать, что сознание и «я» без остатка возникают из общества и что язык в форме вокальных жестов создает механизм для их возникновения. Посредством языка социально формируется сознание и возникает «я», которое осознает себя как объект. По признанию Ч. Морриса, работа Дж. Г. Мида знаменует собой начальную стадию действительного рождения социальной психологии как науки. Проблема того, каким образом сознание и «я» возникают в процессе поведения, решена Дж. Г. Мидом в биосоциальном смысле. Акт индивида рассматривается внутри социального акта, психология и социология объединены на биологической основе, социальная психология основывается на социальном бихевиоризме. В этом смысле Дж. Г. Мид пытался решить главную проблему, поставленную эволюционистскими концепциями: как заполнить разрыв между импульсом и рациональностью, как биологический организм приобретает способность к самосознанию, к мышлению, к абстрактному рассуждению, к целенаправленному поведению, к приверженности морали, коротко говоря, проблему того, каким образом возникает рациональное животное – человек.

Бихевиоризм значил для Дж. Г. Мида не отрицание частного и не игнорирование сознания, но подход ко всем переживаниям с позиций поведения. Это – бихевиоризм в широком смысле, в отличие от бихевиоризма Д. Уотсона (хотя сам Дж. Г. Мид и не употреблял термина «социальный бихевиоризм»). Бихевиоризм Д. Уотсона методологически упрощен для целей первичного лабораторного исследования. Бихевиоризм Дж. Г. Мида ассимилирует многое из психоанализа, гештальт-психологии и экзистенциальной психологии. Базовое различие между бихевиоризмом Д. Уотсона и социальным бихевиоризмом Дж. Г. Мида заключается в том, что уотсонизм отрицает частный опыт и лишает сам «опыт» какого-либо смысла, не содержащегося в «реагировании». Дж. Г. Мид, как выше отмечалось, не отрицал частного. Частное может быть определено лишь по отношению к тому, что есть общее, в частном опыте есть дериват от социального объекта. Для различных наблюдателей мир общего, или социального опыта существует в символически сформулированном виде. Базовой данностью для наблюдателя является тот мир, в котором другие «я» и объекты обладают той же самой непосредственной доступностью, что и сам наблюдатель (полнота доступности может быть разной). Поскольку опыт имеет социальное изме-

рение, поскольку наше «я» дано нам в одном поле с другими «я», то Дж. Г. Мид начинает с социального акта и строит свою социальную психологию на фундаменте бихевиоризма. Получающаяся в результате богатая и более адекватная концепция бихевиоризма приобретает особую важность для социальной психологии.

Преобразование биологического индивида в обладающего сознанием или «я» происходит, по мысли Дж. Г. Мида, благодаря языку, а он, в свою очередь, предполагает существование определенного вида общества. Минимальное общество должно состоять из индивидов, участвующих в социальном акте и использующих начальные этапы действий друг друга в качестве жестов, т. е. в качестве указаний на выполнение данного акта. При «диалоге жестов» в собачьей драке каждая собака определяет свое поведение на языке того, что начинает делать другая собака, и то же самое можно утверждать в отношении боксера, фехтовальщика и цыпленка, который бежит к курице, когда курица кудахчет. Такое действие есть тип коммуникации: в определенном смысле жесты являются символами, поскольку они указывают, заменяют собой и являются причиной действия, соответствующего поздним стадиям акта (ранними фрагментами которого они являются), и вторичным образом – соответствующего объектам, подразумеваемым в таких актах. В том же самом смысле можно сказать, что жесты обладают смыслом, а именно – они означают поздние стадии совершаемого акта и вторичным образом – подразумеваемые объекты: сжатый кулак означает удар, вытянутая рука означает, что к объекту тянутся. Такие смыслы не субъективны, не частны, не ментальны, но объективно находятся в социальной ситуации.

Тем не менее этот тип коммуникации не является собственно языковым, смыслы еще не находятся в сознании, биологические индивиды еще не являются социально общающимися личностями; для этого смыслы и жесты должны стать значимыми символами. Индивид должен знать, что он хочет выразить, должен быть способен интерпретировать смысл своих собственных жестов. На языке бихевиористов это значит, что биологический индивид должен быть способен вызвать в себе реакцию, которую его жест вызывает в другом, и употребить эту реакцию другого для управления своим собственным поведением. Такие жесты суть значимые символы, благодаря их употреблению индивид «принимает роль другого» при регулировании своего собственного поведения: человек есть по своей сути принимающее роль животное.

В качестве примера значимого символа Дж. Г. Мид обращается к ситуации, в которой в переполненном зрителями театре, когда виден дым, раздается крик: «Пожар!» Непосредствен-

ное произнесение звука было бы просто частью инициированного акта и, в лучшем случае, было бы незначимым символом. Но когда крик: «Пожар!» воздействует на индивида так же, как он воздействует на других, и вызывает реакцию в смысле этих воздействий, вокальный жест становится значимым символом. Индивид осознает, что он собирается делать, он находится на стадии истинного языка, перейдя к ней от неосознанной коммуникации, теперь про него можно сказать, что он употребляет символы, а не просто знаки, теперь он приобрел сознание.

В поисках жестов, способных стать значимыми символами и преобразующих индивида в обладающую сознанием личность, Дж. Г. Мид приходит к вокальным жестам. Ни один другой жест не влияет на самого индивида таким же образом, каким он влияет на других. Мы слышим, что мы говорим как другие, но не видим выражения своего лица и обычно не видим своих собственных действий. Для Дж. Г. Мида вокальный жест есть истинный источник языка и всех производных форм символизма, а также сознания.

Сознание есть присутствие в поведении значимых символов. Это интернализация индивидом того социального процесса коммуникации, в котором возникает смысл. Это способность указать своему «я» ту реакцию (и подразумеваемые объекты), на которую свой собственный жест указывает другим, и управлять этой реакцией. Значимый жест сам по себе часть социального процесса, он интернализирует и делает доступным для биологического индивида те смыслы, которые сами возникают на ранних, незначимых стадиях коммуникации через жесты. Вместо того, чтобы начать с индивидуального сознания и прийти к обществу, Дж. Г. Мид начинает с объективного социального процесса и движется внутрь через привнесение в индивида социального процесса коммуникации посредством вокального жеста. Далее индивид интрацептирует социальный акт внутрь себя. Сознание остается социальным. Такovým оно остается даже на внутреннем форуме, разработанная таким образом мысль продолжается благодаря нашему усвоению ролей других и управлению собственным поведением, в смысле принятия ролей.

Из всех животных только человек совершил переход от импульса к рациональности, т. е. к значимым символам, а не просто к знакам. Возможно, только человеческий организм обладает таким неврологическим устройством, которое требуется для значимого символа. Дж. Г. Мид говорит о темпоральном измерении нервной системы человека – способности медленно развивающегося акта быть управляемым в своем развитии теми актами, которые он сам инициирует (управление «через будущее»). Темпоральное измерение позволяет управлять жестом, учитывая последствия

его совершения, позволяет только человеческому животному, и больше никому, переходить от уровня диалога жестов на уровень значимых языковых символов. Отсутствие темпорального измерения препятствует тому, чтобы говорящие птицы говорили по-настоящему. Темпоральное измерение вкупе с тем местом, которое занимает человеческая рука в выделении физического объекта, образует органическую основу, детерминирующую биологическую дифференциацию человека и животных. Благодаря той же самой функции языка данная теория делает возможным возникновение «я». Действительно, личность, «я», сознание предполагают существование друг друга.

После того как все установки других – какими бы специфическими или генерализованными они ни были – организованы и приняты внутрь личности, образуя объективное «я», еще нельзя сказать, что это все, что образует «я», поскольку в нем не остается места для креативной и реконструктивной деятельности. Такое «я» есть не что иное, как простое отражение. Полное «я» понимается Дж. Г. Мидом как субъективное «я» (I) и объективное «я» (me). Субъективное «я» есть принцип действия и импульса, и в своем действии оно изменяет социальную структуру. Каждое действие индивида на неязыковом или на языковом уровнях коммуникации в некоторой степени изменяет социальную структуру, в большей части – незначительно, существенно – в случае гения или лидера. Как говорил Дж. Г. Мид о взглядах Д. Дьюи, индивид не есть раб общества,

он образует само общество так же, как общество образует индивида.

Благодаря интернализации, или внутреннему усвоению социального процесса коммуникации индивид обретает механизм рефлексивного мышления (способность направлять свои действия, предвидя последствия альтернативных действий) и способность становиться своим собственным объектом, тогда он становится моральным индивидом, импульсивные цели которого преобразованы в сознательно преследуемые – обдуманые.

Исследование выполнено в рамках проекта «Психоэмоциональные проблемы трудовой миграции и адаптации этнических мигрантов» при поддержке гранта РГНФ (№ 10-06-01303 а/Б).

Примечания

- ¹ См.: Mead G. H. Social Consciousness and the Consciousness of Meaning // Psychological Bulletin. 1910. № 7. P. 397 – 405 ; Mead G. H. Mind, Self & Society. Chicago, 1934. 440 p.
- ² См.: Mead G. H. The Child and the Environment // Transactions of the Illinois Society for Child-Study. 1898. № 3. P. 1–11 ; Mead G. H. Mind, Self & Society.
- ³ См.: Mead G. H. The Social Self // J. of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1913. № 10. P. 374–380.
- ⁴ См.: Morris C. W. George H. Mead as Social Psychologist and Social Philosopher // Mead G. H. Mind, Self & Society. P. IX–XXXV.

- ⁵ См.: Мясцев В. Н. Психические функции и отношения // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 119. С. 24–32.
- ⁶ См.: Мясцев В. Н. Психология отношений. М., 2011. 400 с.
- ⁷ См.: Свидерский В. И., Зотов Р. А. Указ. соч. ; Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. 288 с. ; Аскин Я. Ф. Указ. соч.
- ⁸ См.: Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М., 2007. 224 с.
- ⁹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 3(2). С. 185.
- ¹⁰ Шеварев П. А. Исследование по психологии интеллектуальных навыков и умений. М., 1957. 116 с.
- ¹¹ См.: Лурия А. Р. Роль слова в формировании временных связей у человека // Вопр. психол. 1955. № 1. С. 18–25.
- ¹² См.: Ананьев Б. Г. Ассоциация ощущений // Уч. зап. филос. ф-та ЛГУ. 1955. № 203. С. 31–52.
- ¹³ Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьников. М., 1959. С. 278.
- ¹⁴ Самарин Ю. А. Очерки психологии ума. М., 1962. С. 386.
- ¹⁵ Пижае Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М. ; Л. 1963. С. 437.
- ¹⁶ См.: Рубинштейн С. Л. Вопросы психологической теории // Вопр. психол. 1955. № 1. С. 6–17.
- ¹⁷ Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьников. С. 139.
- ¹⁸ См.: Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982. 176 с.
- ¹⁹ См.: Шеварев П. А. Исследование по психологии интеллектуальных навыков и умений. С. 59.
- ²⁰ См.: Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 37.
- ²¹ См.: Мецераков А. И. Слепоглухонемые дети. М., 1974. 327 с.
- ²² См.: Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983. 172 с.

УДК 316.37

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗА К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ЖИЗНЕННОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ

В. Г. Печерский

Саратовский государственный университет
E-mail: pecherskij@yandex.ru

Статья посвящена актуальной проблеме выбора жизненного пути студентами вуза. На основе теоретического анализа проблемы уточняется психологическая сущность понятия «жизненная стратегия», акцентируется внимание на связи стратегических решений с стремлением к жизненному успеху; рассматривается готовность студентов вуза к определению жизненных смыслов, в основе которой лежат такие личностные свойства, как активность, мотивация, ответственность, творчество, целеполагание, целеосуществление, воля.

Ключевые слова: стратегии жизни, психологическая готовность, жизненные смыслы, субъектность, ответственность, жизненный успех.

Psychological Readiness of High School Students for Strategic Vital Orientation

V. G. Pecherskij

Article is devoted to an actual problem of a course of life choice by students of higher education institution. The psychological essence of concept «vital strategy» is specified on the basis of the theoretical analysis of a problem, the attention is focused on the connections between the strategic decisions and the aspiration to vital success. Readiness of students of higher education institution for definition of vital senses, which contains such personal properties as activity,

motivation, responsibility, creativity, a goal-setting, goal-achievement, will, is considered on the basis of empirical material.

Key words: life strategy, psychological readiness, vital senses, subjectivity, responsibility, vital success.

В современной ситуации глобально изменяющегося мира человек сталкивается с постоянными преобразованиями условий деятельности, условий его самоосуществления. Эти преобразования связаны, с одной стороны, с расширением возможностей самоопределения, свободы человека в выборе направления самореализации, с другой стороны, с появлением новых противоречий, трудностей социального выбора и оценки жизненных перспектив. Особенно сложным в данном отношении является период юношества, активного становления личности как субъекта жизнедеятельности, жизнестроительства.

Проблема жизненных стратегий личности в юношеском возрасте, связанная с формированием системы оценок событий, выстраиванием временной перспективы, становлением представлений о будущем жизненном пути, широко обсуждается в научном сообществе, при этом авторы используют разные, но близкие по смыслу понятия (жизнен-

ный сценарий, жизненные истории, жизненный путь, жизненный план, стиль жизни, жизненная программа личности, жизненная перспектива и т.п.). Это свидетельствует о сложности содержания исследуемого социально-психологического феномена, требующего его теоретического осмысления.

Зарубежные исследования предоставляют обширный материал для комплексного изучения жизненных стратегий личности. В этой связи наиболее ценными являются работы Э. Берна, А. Бандуры, А. Маслоу, Г. Оллпорта, В. Франкла, Э. Фромма, К. Юнга. Наиболее часто в теоретических разработках как зарубежных, так и отечественных психологов используется сценарный подход к пониманию стратегий поведения человека в его жизненном самоосуществлении, разработанный Э. Берном¹. Под сценарием понимается «бессознательный жизненный план», который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и переходит в сознательный жизненный план в юношеском возрасте при выборе пути.

Если Э. Берн разработал концепцию бессознательного жизненного сценария, то отечественные психологи – С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Кроник, Ю. М. Резник, Е. И. Головаха, Р. Пехунен и др. – содержание понятия «жизненные стратегии» связывают с вопросами смыслополагания и формирования установки, выбора жизненного пути, образа и стиля жизни, совершенствования культуры жизни личности, ее самореализации и жизнестроительства. Наиболее разработанным в отечественной науке является подход к изучению жизненных стратегий, связанный с развитием субъектности личности (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульхановой-Славской и др.). Субъектность, проявляющаяся в жизнестроительстве, активность и творчество рассматриваются как определяющие факторы образа и стиля жизни человека, качественные характеристики его стратегии. К. А. Абульханова-Славская рассматривает понятие «стратегия жизни» в широком и узком смыслах. В первом значении (в отличие от многочисленных жизненных тактик) это – «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию»². Во втором – это разработка определенного жизненного решения для преодоления жизненных противоречий, среди которых, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, можно выделить три основные стратегии: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу – имею» и создание условий для самореализации, творческого поиска.

Определяя место жизненной стратегии в структуре человеческой деятельности, исследова-

тели вводят одну из основополагающих категорий, детерминирующую процесс формирования и закрепления индивидуальной жизненной стратегии – категорию времени. В частности, Ю. М. Резник выделяет такие виды ориентирования, как стратегическое, оперативное и ретроспективное. Первое распространяется на события будущей жизни и предопределяет во многом их характер и содержание. Оперативное ориентирование детерминирует в значительной степени текущие, повседневные жизненные события. Ретроспективное относится, главным образом, к событиям прошлой жизни, по-прежнему остающимся в сфере внимания личности. Чаще всего жизненное событие является областью действия разных типов (подсистем) ориентирования³.

Возможность строить разные стратегии, пробовать разные способы достижения цели, считает К. А. Абульханова-Славская, соотносится со степенью ответственности личности и ее активностью: «В процессе жизни человек выбирает сам, за что взять на себя ответственность <...> Критерием полноты принятия личностью ответственности может служить согласование необходимости с желаниями и потребностями личности, а потому и с инициативой в осуществлении дела»⁴. Эта позиция получила развитие в работах О. С. Васильева и Е. А. Демченко, которые считают, что важнейшими характеристиками жизненных стратегий являются уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека⁵, а основными показателями эффективности стратегии жизни человека – его удовлетворенность жизнью и психическое здоровье.

Л. С. Самсоненко формулирует созвучные вышеприведенным положения, что личность как носитель активной жизненной позиции оказывается способной к сознательному конструированию собственной жизни; она становится субъектом жизненных стратегий – компонента общей системы ориентирования личности, «отвечающего» за формирование ее желательного будущего в соответствии с идеалами и ценностями общества⁶.

Кроме того, были предложены классификации не только индивидуальных, но и стратегий социальных групп, в частности, Ю. М. Резник исследует модели стратегического поведения и жизненных стратегий молодежи. Основанием для моделирования стратегий является тип доминирующей ориентации, определяющей содержание жизненной стратегии молодого человека (модель жизнеобеспечения, соответствующая жизненной стратегии благополучия, модель жизнестроительства, соответствующая стратегии успеха, и модель жизнестроительства, соответствующая стратегии самореализации)⁷. Т. А. Смайтиной было проведено исследование индивидуальных стратегий

карьерного роста государственных служащих и выявлено, что такая стратегия личности зависит от профессиональных знаний, умений и навыков, карьерных целей и мотивации, эмоционально-волевой и саморегулирующей составляющей карьерного роста⁸.

Нам представляется важным сделать акцент на одной из существенных характеристик жизненной стратегии личности – стремлении к собственной жизненной успешности. Успех имеет ключевое значение для любого человека и является важнейшим личностным конструктом, организованным в иерархическую структуру такими факторами, как степень самосовершенствования, личностная зрелость и профессиональные достижения. Все эти факторы личностных достижений, личностного успеха определяют интегральные характеристики эмоционального состояния человека. Таким образом, жизненный успех может рассматриваться на личностном уровне как эмоция интегрального строения, переживаемая человеком от осознания своих достижений в наиболее значимых для него сферах жизнедеятельности – субъективной, семейной, профессиональной, общественной – и обуславливающая ощущение (переживание) субъективного благополучия. Жизненный успех субъективен, но определяющим моментом его переживания индивидом являются семейный, статус в группе, обществе, мнения и отношения значимых Других.

Оценивая события жизни, определяя её перспективы, человек как субъект этого процесса не думает о воспроизводстве и развитии собственной индивидуальности. Он рефлексивен, оценивая жизнь других и собственную субъектность, т.е. наличное «Я», соединяет «Я» и условия жизни, определяя собственное жизненное пространство, пространство самореализации, в котором существуют разные по сложности, проблемности и валентности области самоосуществления, планирует жизненные решения для преодоления этих сложных и проблемных, но значимых для него ситуаций для достижения семейного, профессионального и личностного успеха. Этот успех может соответствовать идеалам и ценностям общества,

но может и не соответствовать им, определяя неадаптивную, преобразующую направленность личности или, возможно, её девиантность.

Нельзя не отметить и несколько иную позицию относительно природы жизненных стратегий личности. По мнению В. А. Горяниной и И. К. Масалкова, стратегия является исходным материалом для декодирования субъективного опыта и «представляет собой отработываемую мозгом последовательность репрезентаций и операций, ведущую к конкретной цели, но при этом независимую от содержательной направленности поведения. Каждый фрагмент стратегии – это этап ментального процесса (программы), для которого характерно использование одного из пяти чувств (внутреннего или внешнего)»⁹.

Нам представляется необходимым подвести черту в теоретическом анализе данного социально-психологического феномена и констатировать, что исследование жизненных стратегий личности в юношеском возрасте связано с выявлением основных характеристик этого личностного конструкта. Большинство исследователей объединяет понимание того, что жизненные стратегии – это личностные репрезентации способа организации жизни личности, индивидуальность которого у разных людей связана со степенью проявления таких характеристик, как активность, ответственность, творчество, целеполагание, целеосуществление, воля и др.

Далее мы представим результаты исследования жизненных стратегий студентов вуза, проведённого нами с помощью методики «Смыслжизненные ориентации» Д. А. Леонтьева (адаптированная версия теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика). Методика позволяет выявить пять характеристик жизненных стратегий: цели жизни, процесс жизни (смысл, интерес, творчество), целеосуществление и два аспекта локуса контроля, характеризующих активность и ответственность субъекта. Исследование проводилось на базе гуманитарного факультета Саратовского государственного социально-экономического университета, в нём участвовали 120 студентов 2 и 3-го курсов, результаты теста представлены в таблице.

Показатели выраженности характеристик жизненных стратегий личности студентов вуза (%)

Шкалы	Уровни		
	Низкий	Средний	Высокий
Цели жизни (целеполагание)	9,1	35,0	55,9
Процесс жизни (смысл, интерес, мотивация, творчество)	12,5	46,6	40,9
Результативность жизни (целеосуществление)	23,3	42,5	34,2
Локус контроля – Я (активность)	5,0	45,0	50,0
Локус контроля жизни (ответственность)	20,0	63,3	26,7

Уровневые показатели выраженности характеристик личности студентов по шкале «цели жизни» дают нам основания говорить о том, что более 90% студентов вуза имеют высокий и средний уровни целеполагания, что свидетельствует о сформированности у них представлений о своём жизненном пути и образе жизни, и немногим более 9% студентов вуза чётких представлений о жизненном пути не имеют.

Уровневые показатели шкалы «процесс жизни» определяют качество жизненных стратегий студентов, характеристики которого свидетельствуют о преимущественно средних и высоких смысловых, мотивационных и творческих компонентах планирования жизни (46,6% и 40,9% соответственно). У 12,5% студентов низкие уровневые показатели, что является признаком недостаточной сформированности субъектности личности, её активной жизненной позиции, слабой общей системы жизненной ориентированности, становление которой происходит пока ещё по малоосознаваемому немотивированному жизненному сценарию.

Ещё более низкими являются показатели шкалы «результативности жизни и целеосуществление», поскольку у достаточно большой части студентов выявляются низкие и средние уровневые характеристики (23,3% и 42,5% соответственно), что может свидетельствовать о неудовлетворённости процессом самоосуществления в данный момент и сниженном чувстве субъективного благополучия.

Преимущественно высокие и средние баллы (50,0% и 45,0%) у исследуемой группы студентов по шкале «локус контроля – Я» связываются нами с активной жизненной позицией студентов, их стремлением к смыслообразованию в стратегическом жизненном планировании и жизненному успеху. Сниженные показатели шкалы «локус контроля жизни» (см. таблицу) расцениваются нами как недостаток возможностей контролировать свою жизнь, свободно принимать решения, иногда безынициативность в выборе решения и неспособность или нежелание брать ответственность за них на себя.

Обобщение результатов теоретического и эмпирического исследований жизненных стратегий личности позволяет нам расширить представления о данном социально-психологическом феномене и выявить некоторые особенности стратегического жизненного планирования студентов вуза. Жизненные стратегии субъекта необходимо

рассматривать как личностный конструкт, сформировавшийся на основе атрибутивно-репрезентативных механизмов жизнестроительства и определяющий основные векторы смысловых ориентаций, самоосуществления в конкретном жизненном пространстве, обеспечивающий переживание жизненного успеха и субъективного благополучия.

Студенты вуза как социальная группа в большинстве своём проявляют активность в выборе способа жизни, имеют достаточно сформированные для такого выбора репрезентации своего жизненного пути, склонны к смыслообразованию в стратегическом жизненном планировании, творчеству и стремятся к жизненному успеху. Однако они всё ещё недостаточно самостоятельны в выборе, ограничены в возможности контролировать свою жизнь, недостаточно ответственны при принятии решений, что приводит к некоторой неудовлетворённости процессом самоосуществления и несформированности чувства субъективного благополучия.

Примечания

- 1 См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. 4-е изд. М., 2005. 398 с.
- 2 Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 245.
- 3 См.: Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002. 384 с.
- 4 Абульханова-Славская К. А. Указ. соч. С. 113.
- 5 Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопр. психологии. 2001. № 2. С. 74–85.
- 6 См.: Самсоненко Л. С. Особенности формирования жизненных перспектив личности в раннем юношеском возрасте // Вестн. развития науки и образования. 2009. № 3. С. 61–67.
- 7 См.: Резник Ю. М., Резник Т. Е. Жизненные стратегии личности : поиск альтернатив. М., 1995. 69 с.
- 8 См.: Смахтина Т. А. Развитие профессионального самосознания в индивидуальных стратегиях карьерного роста государственных служащих : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 212 с.
- 9 Горянина В. А., Масалков И. К. Преобразование жизненных ситуаций. Эффективные психосоциальные технологии. М., 1999. С. 161.

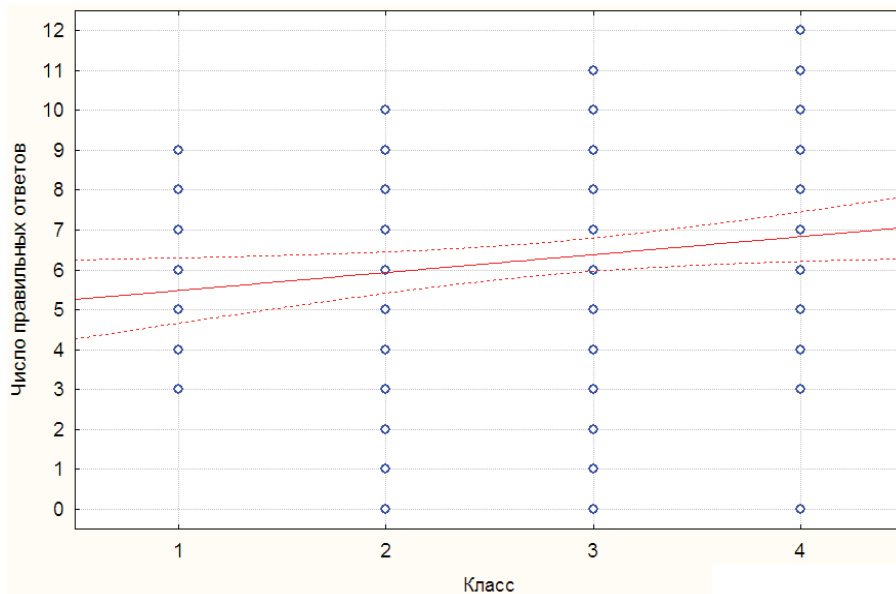

Рис. 3. Связь между показателями «класс» и «число правильных ответов»: линия – график линейного приближения функции зависимости числа правильных решений от класса ($y = 5,03 + 0,45x$); коэффициент корреляции $r = 0,18$, уровень значимости $p < 0,05$

Таким образом, по результатам корреляционного анализа выборки мы можем заключить, что достоверной значимой взаимосвязи между возрастом младших школьников и числом правильных решений задач на систематизацию в умственном плане многоугольных геометрических фигур не наблюдается. Аналогичный вывод сделан нами относительно показателей «учебный класс» и «число правильных решений». Это означает, что мы не можем на примере этой выборки рассматривать возраст ученика младшей школы как фактор, определяющий развитие умственного действия систематизации многоугольных геометрических фигур.

По итогам нашего исследования мы можем констатировать, что в период обучения детей в младшей школе (с 1-го по 4-й класс) дети 3 и 4-х классов дают больше правильных решений указанных задач. В дальнейшем на основе полученных данных предполагается определить, насколько эти правильные решения случайны или неслучайны.

Примечания

- ¹ См.: Бардина Р. И., Бульчѣва А. И., Дьяченко О. М. [и др.]. Диагностика умственного развития детей старшего дошкольного возраста (от 5 до 6 лет). М., 1996. 113 с.

УДК 159.9:78

РОЛЬ ЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЗАПОМИНАНИИ ТЕКСТА

А. Ф. Пантелеев

Саратовский государственный университет
E-mail: afp45@mail.ru

Работа посвящена обсуждению роли логических связей в запоминании учебного текста, проводится анализ понятия логической связи. Выявлена взаимосвязь между уровнем интеллектуальной активности и характером запоминания учебного текста.

Ключевые слова: связь, учебный текст, запоминание и воспроизведение, интеллектуальная активность.

The Role of Logical Relationships in Memorizing the Text

A. F. Panteleev

Work is devoted to discussion of the role of logical relationships in memorizing the training text, examines the notion of a logical link.

Correlation of intellectual activity and memorizing of training text which we educed described in this article.

Key words: connection, training text, memorization and reproduce of the text, intellectual activity.

Представление о связи в психологии памяти традиционно отсылает к понятию ассоциации. По определению, данному в свое время Б. Е. Варшавой и Л. С. Выготским, ассоциация и есть связь между отдельными нервно-психическими процессами, переживаниями, их следами¹

и т.д., забывание определяется как противоположный запоминанию процесс уничтожения связи или ассоциации. В ассоциативной концепции психики связь представлялась в основном как присоединение, понятое как рядоположение двух явлений психики. В механизм связывания ассоцианисты не углублялись и, тем самым, было неясно, как же происходит присоединение. Следует отметить, что в рамках ассоциативного подхода выделялись такие ассоциации, которые «не вписываются» в общую картину представления об ассоциации как самопроизвольном явлении. Э. Крепелиным были выделены две формы ассоциативной связи – внешняя и внутренняя, последняя вытекает из самого содержания представлений. Наряду с ассоциациями по сходству он выделил предикативные ассоциации, близкие по содержанию к причинно-следственным ассоциациям Юма.

Стоявшая в оппозиции к ассоциативной гештальт-теория мало что дала для понимания сущности связи как явления и одного из условий памяти. Связь в гештальт-теории оставалась как бы «за кадром», поскольку усмотрение структуры представлялось как свернутый одномоментный процесс.

Недостаточность представления об ассоциации как простом присоединении осознавалась психологами давно. Например, известными опытами А. Бинэ и Т. Анри было доказано, что ассоциативной теорией невозможно объяснить сущность такого явления памяти, как воспроизведение. Например, находящиеся в равном положении, с точки зрения ассоциаций, части материала запоминаются неодинаково, вследствие этого воспроизводятся основные по значению части рассказа, второстепенные же забываются.

Понимание сложности процессов, обуславливающих ассоциацию и свойственных ей самой, было и у таких крупнейших представителей ассоцианизма, как Е. Мюллер и Т. Циген. В частности, Мюллером отмечена необходимость мыслительной обработки запоминаемого материала, Циген же полагал, что существенную роль в образовании и актуализации ассоциаций играют процессы анализа, синтеза и сравнения.

Необходимо отметить, что анализу понятия связи применительно к проблематике психологии уделялось мало внимания, хотя оно обладает объяснительными возможностями. Понятие связи анализируется в работах по системно-структурному анализу, проблеме детерминации и других. Характерно, что центральную часть в дискуссиях по этому вопросу занимает сравнение близких в гносеологическом смысле понятий отношения и связи. Заметим, что их различие оказывает влияние на понимание сущности связи в психологии. Самая широкая трактовка отношения, идущая от Лейбница, заключается в том, что отношение

может быть присуще не отдельному объекту, а их группе, причем основой отношения является то, что присуще тем объектам, которые входят в данную группу². Отношений между объектами может быть очень много, поскольку они сосуществуют во времени и в пространстве.

В философии известны две основные точки зрения на соотношение между понятиями «отношение» и «связь». Одни авторы утверждают, что отношения являются частным видом связей³, другие – что связь является одним из типов отношения⁴. В философско-психологических работах А. Н. Леонтьева развертывание связей человека с миром рассматривается в зависимости от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Обсуждая проблему формирования личности, А. Н. Леонтьев отмечал, что существуют три основных ее параметра – широта связей человека с миром, степень их иерархизированности и общая их структура. Показательно сравнение взглядов В. Н. Мясищева, одним из первых использовавшего понятие отношения в контексте связи – отношение в психологии. В одной из статей он писал, что в психологическом плане отношения человека представляют субъективную сторону его многообразных связей с различными сторонами действительности⁵. Позднее теоретическая позиция изменилась, и отношения были представлены им как интегральная система избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности⁶.

Существенное значение имеет выделение признаков связи в рамках отношения в целом, т.е. специфика отношения как связи. Особый интерес представляют функциональные различия между этими понятиями, позволяющие отличить связь от не-связи и тем самым получить материал для ее определения. В методологических работах, во-первых, выделяется процессуальный, активный характер связи, связь – процесс взаимодействия объектов – участников связи, устойчивых состояний⁷; во-вторых, связь неразрывна с влиянием, действием участников, сторон связи друг на друга⁸, взаимным изменением их в системе; в-третьих, связь возможна лишь между явлениями, событиями, вещами, обладающими относительной автономностью.

И. П. Павлов подчеркивал такой момент связи, как взаимодействие связуемых сторон: «...когда два нервных пункта связаны, объединены, нервные процессы двигаются, идут между ними в обоих направлениях»⁹. Изучавший роль ассоциаций в правилосообразных действиях П. А. Шеварев писал: «В отличие от термина “временная первная связь” <...> в содержании термина “ассоциация”, когда его применяет психолог <...> входят не только физиологические факты, но и факты сознания...»¹⁰

А. Р. Лурия выявил, что связь с участием слова образуется быстрее, оказывается чрезвычайно подвижной, легко заменяется новой, так как именно включение речи в процесс образования новых связей меняет правила выработки, сохранения и переделки связей. Отмечено также, что образование временной связи зависит от характера словесных обобщений. Если связь вырабатывается на основе ранее сформулированной обобщенной системы, то этот процесс идет быстрее, чем в том случае, когда связь вырабатывается на основе того признака, который не входит в обобщенную систему¹¹.

Центральным моментом понимания сущности связи, на наш взгляд, служит следующий: связь является оборотной стороной отграничения связываемых сторон. Эти в каком-то смысле полярные стороны выступают не как изолированные друг от друга, но как единые и одновременно обособленные. Возникает парадоксальная ситуация: зная, что это «нечто» одно и то же, мы одновременно знаем, что это и не одно и то же. Например, объединяя слова в группы для удобства запоминания, испытываемый при этом четко отграничивает и расставляет их по исходным местам в воспроизведенном словесном ряду, понимая, что эти слова – «не одно и то же». Возникающие при этом ошибки вследствие семантического объединения, притяжения слов лишь подчеркивают справедливость сказанного выше. Ослабление любого из компонентов связи – объединения или отграничения – ведет к нарушению связи и, следовательно, снижению продуктивности – жестко зависимых от связи высших форм запоминания.

Связь двух или более элементов содержания психического процесса с позиций логики не может быть представлена как, например, категориальное совпадение отраженного в них объективного содержания. Смысл связи не столько в логическом следовании одного из них за другим по законам логики, сколько в том, насколько реально установление различия между ними способствует пониманию их общности. Кроме этого подход с позиций диалектической логики, позволяющей понять связь как момент развития, дает возможность интерпретировать конкретные процессы связывания как процессы развития этих содержаний, их взаимного обогащения в ходе достижения познавательной цели. Следовательно, сущность связи между когнитивными содержаниями психики в том, насколько происходит их развитие в решении познавательной задачи, имеющей целью их связывание. Развитие при этом понимается как процесс целенаправленного изменения содержания в контексте решения субъектом данной познавательной задачи.

Рассмотрим далее другой, не менее существенный, чем предыдущий, момент связи, каким является взаимное влияние, взаимодействие

сторон связи. Эта особенность связи отмечена в психологии при анализе ассоциации. Б. Г. Ананьев, например, подчеркивал, что в ассоциации мы имеем не простое рядоположение, не пассивное присоединение однородных или разнородных ощущений, а их активное взаимодействие¹². Определяя ассоциации, П. А. Шеварев писал: «Составом первого члена той или иной ассоциации мы будем называть совокупность тех процессов, от которых зависят какие-либо процессы, образующие второй член ассоциации»¹³. Этим фактически констатируется образование ассоциации на основе некоторой общей части первого и второго ее членов; нельзя не согласиться, что подобная интерпретация отличается от характерного для связи взаимного изменения сторон в системе, актуализирующей процесс связи.

Ю. А. Самарин на поставленный им вопрос о том, как образуются новые ассоциации, дает ответ, суть которого заключается в следующем: в процессе воспоминания могут актуализироваться ранее находящиеся далеко представления или мысли, образовав в данный момент в силу закона смежности ассоциацию. Для позиции Ю. А. Самарина характерно следующее: «Актуализируемые и вновь образуемые ассоциации не одиноки, они все время вступают в связь с центральной определяющей системой знаний (идей) данного человека»¹⁴. Таким образом, ассоциация образуется в силу актуализации представлений, их систематизации и т.д. В связи с этим возникает вопрос: может ли войти элемент в новую систему в неизменном виде и если может, то является ли это правилом или исключением? Ведь в ходе познания действие непрерывно изменяет предметы, и эти преобразования, в свою очередь, также являются объектом познания. «Люди познают предметы, только воздействуя на них и совершая в них некоторые преобразования»¹⁵.

Любой психический процесс, как отмечал С. Л. Рубинштейн, включен во взаимодействие человека с миром и участвует в регуляции его действия, его поведения¹⁶. П. А. Шеварев, вводя понятие обобщенной ассоциации, первым ее членом считал «сознание» того или иного объекта, а вторым – представление воспринимаемого в данный момент объекта или мысль об определенном объекте, или произнесение слова (фразы) вслух, или же действие, не являющееся произнесением слова, и т.д. «Сознание» при этом понимается как термин, охватывающий ощущения, восприятия, наглядные представления и мысли. «Содержанием сознания <...> является совокупность особенностей объективно существующего предмета»¹⁷.

Анализ процесса образования вариантных (обобщенных) ассоциаций, описанный в работах П. А. Шеварева и его сотрудников¹⁸, позволяет констатировать следующее. Выделенные

П. А. Шеваревым семивариантные, абстрактно-вариантные и конкретно-вариантные ассоциации – не что иное, как варианты возникновения связей. Обобщенные ассоциации характеризуются тем, что в их структуру входит такое звено, которое можно назвать подготовкой к реализации ассоциации. В функции этого звена входит как изменение предмета в ходе его сознания, так и приведение его в соответствие с вторым членом ассоциации. Причина этого в том, что «...смежность двух психических процессов во времени <...> как известно, не является достаточным условием объединения этих процессов»¹⁹. Неизменность второго члена ассоциации объясняется тем, что в работах П. А. Шеварева рассматривались только такие ассоциации, которые включают правильные, безошибочные действия. Анализируя ошибочные ассоциации, он объясняет их неправильным осознанием первого члена, хотя можно было объяснить это тем, что второй член ассоциации не был соотношен с первым и не был изменен для достижения цели действия. Н. Д. Гордеева и В. П. Зинченко, анализируя предметное действие, отмечали: «Из взаимодействия с предметом движение выходит не деформированным, а перестроенным и даже развившимся, обогащенным и просветленным происшедшим отражением»²⁰, отмечено также, что каждое действие при этом строится заново.

Таким образом, в ходе взаимодействия в соответствии с направленностью действия меняются, развиваются обе стороны, участвующие в нем. Можно допустить, что, например, в результате межпонятийного /межзнакового взаимодействия, с одной стороны, меняется категориальный аппарат (система значений) субъекта, с другой стороны, открываются новые, ранее не участвовавшие во взаимодействии стороны объекта. Если это так, то возникает вопрос о факторах, оказывающих воздействие на этот процесс. Одним из них можно считать логическую обработку материала, происходящую при его запоминании: хорошо известна аристотелевская идея логики как руководства к приобретению знания.

В экспериментальных исследованиях (например В. Я. Ляудис) была выявлена логическая переработка материала даже при малом времени экспозиции. Однако при этом в стороне остается обоюдный характер изменений, составляющий сущность связи. Создается впечатление, что логика субъекта «падает» на материал, изменяет его, и благодаря этому происходит запоминание, однако взаимодействие – не однонаправленное действие. Приобщаясь к логике материала, субъект в каких-то пределах изменяет и свою логику. А. И. Мещеряков, отвечая на вопрос о формировании психики при отсутствии слуха, зрения и речи, отметил, что слепоглухонемой ребенок

систематизирует приобретенные им знания в соответствии с логикой языка²¹.

Последняя из особенностей связи – ее процессуальный характер – не нуждается в специальном рассмотрении, поскольку он вполне понятен из сказанного выше об отграничении участников связи и их взаимном влиянии и изменении.

Логическая связь, исходя из сказанного выше, может быть представлена как конкретный вид связи, включенный в процесс запоминания и обусловленный логическими законами, которые обеспечивают направление и характер связывания, отграничение, взаимное изменение и влияние сторон связи. Под сторонами связи понимаются: с одной стороны, раскрываемые в процессе связывания особенности стимульного материала и, с другой – состояние когнитивной сферы субъекта, в том числе, категориальный аппарат, индивидуальные особенности логики, познавательной мотивации и другие аспекты этой сферы. Типичным примером изменения мотивации в процессе связывания может послужить появление интереса к тексту в процессе понимания.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на процесс и результат установления логической связи, служит такая характеристика познавательной сферы субъекта, как проявление интеллектуальной инициативы (в форме самоинициации). Известно, что успешность запоминания текста зависит от его понимания, от логической обработки материала, и, если следовать уровневой концепции организации памяти, более глубокая переработка, понимаемая как установление логических связей в ходе этого процесса, связана с успешностью запоминания.

С целью проверки предположения о взаимосвязи успешности запоминания и уровня интеллектуальной активности²² было проведено исследование, состоявшее из этапов «А» и «В». На первом оценивалась интеллектуальная активность испытуемых. В работе, проведенной с участием И. И. Новиковой, в качестве респондентов выступили студенты нескольких групп четвертого курса физического факультета. Предварительно была проведена групповая оценка личности (в баллах от +2 до –2 по степени выраженности), в качестве критериев оценки использованы такие качества, как способность находить новые решения без дополнительного стимулирования извне, дивергентный тип мышления, познавательная активность, стремление не ограничиваться найденным решением. Мы исходили из того, что в процессе общения и совместного обучения в студенческой группе складывается определенное мнение об интеллектуальной активности. Наряду с этим испытуемые по тем же критериям оценивались и экспертами, в роли которых выступили работающие с данной группой преподаватели.

Следует отметить, что суммарные баллы оценки интеллектуальной активности группой и экспертами имели тенденцию к сближению, часто – к полному совпадению, хотя были единичные случаи расхождения оценок. По результатам оценок были выделены две противоположные по характеру проявления интеллектуальной инициативы группы испытуемых – с самыми низкими отрицательными и самыми высокими положительными результатами. Уровень интеллектуальной активности вошедших в эти группы испытуемых определялся далее по методу «креативное поле», разработанному Д. Б. Богоявленской. Каждый испытуемый при этом принял участие в двух экспериментах – обучающем и психодиагностическом. В ходе обучающего эксперимента испытуемые знакомились с движением фигур на цилиндрической шахматной доске, особенностями их взаимодействия. В результате обучающего эксперимента складывались определенные представления о «цилиндрических» слоне, коне, ладье. В психодиагностической серии испытуемому, с уже сформировавшейся в результате обучающего эксперимента «цилиндрической» моделью фигуры слона, давалось задание: поставить мат двумя слонами королю. После двенадцати случаев предъявления задач, отличающихся положением короля на доске, было выявлено следующее: одни испытуемые, работая добросовестно и энергично, тем не менее оставались в рамках первоначально найденного способа решения; другие стремились совершенствовать найденные ими способы решения, руководствуясь принципом «А как еще (можно решить задачу)?», группировать решения по каким-либо признакам, находить эвристические ходы. В соответствии с полученными данными первые из названных испытуемых были отнесены к группе репродуктивов, вторые – эвристов, высший уровень – креативный – в эксперименте выявить не удалось.

Результаты оценки уровня интеллектуальной активности, полученные при «групповом» и диагностическом исследованиях, в основном совпали. Испытуемые, уровень интеллектуальной активности которых выявить не удалось, в дальнейших исследованиях участия не принимали, оставшихся по результатам описанного выше этапа исследования разделили на группы – репродуктивов и креативов, по 12 испытуемых в каждой.

Стимульным материалом этапа «В» исследования послужили небольшие по объему описательные и объяснительные тексты учебного характера, логико-психологическая структура которых выявлялась по субъект-предикативной методике Л. П. Доблаева. Предложения описательных текстов в основном развивают (преддицируют) мысль, изложенную в заголовке (параллельная предикация), объяснительных – стоящих «выше»

их в структуре предложений (последовательная предикация). Понимание текста связано с раскрытием характера логической связи между заголовком и предложениями. Различия в запоминании и последующем воспроизведении тех или иных предложений позволяют судить о понимании текста. Поскольку структура текста могла в силу естественных причин ограничить влияние интеллектуальной активности на запоминание и воспроизведение, испытуемым было предложено составить текст на основе ряда таких ключевых слов, которые стимулировали конструирование учебного или научно-популярного текста.

Сравнительный анализ воспроизведенных и сконструированных различными испытуемыми текстов показал следующее: во-первых, не выявлено особого влияния уровня интеллектуальной активности испытуемых на запоминание и воспроизведение текстов. Возможной причиной этого могло послужить наличие четкой логической структуры текста, которая, будучи раскрываемая, ограничивала проявление интеллектуальной инициативы. Во-вторых, выявлена тесная взаимосвязь особенностей структуры сконструированного текста и интеллектуальной активности: эвристы в большей мере склонны составлять объяснительные тексты, а репродуктивы – описательные (коэффициент корреляции 0,76–0,8). Можно утверждать, что существуют различия в когнитивных стратегиях репродуктивов и эвристов: в то время как первые ограничиваются установлением логической связи с предметом высказывания (заголовком), вторые развивают мысль «вглубь», находя более тонкие логические соотношения и устанавливая связи.

Различия в работе с текстом испытуемых, обладающих разными уровнями интеллектуальной активности, позволяют констатировать неоднозначный характер влияния установления логических связей: при невысоком уровне интеллектуальной активности этот процесс позволяет достичь результата, понять и запомнить текст, при высоком уровне интеллектуальной активности установление связей в рамках структуры текста не позволяет раскрыть интеллектуальный потенциал.

Примечания

- ¹ См.: Психологический словарь / сост. Б. Е. Варшава, Л. С. Выготский. М., 1931. 206 с.
- ² См.: Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л. 1936. 483 с.
- ³ См.: Свидерский В. И., Зотов Р. А. Некоторые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. 240 с.
- ⁴ См.: Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977. 183 с.

- ⁵ См.: Мясцев В. Н. Психические функции и отношения // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 119. С. 24–32.
- ⁶ См.: Мясцев В. Н. Психология отношений. М., 2011. 400 с.
- ⁷ См.: Свидерский В. И., Зотов Р. А. Указ. соч. ; Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. 288 с. ; Аскин Я. Ф. Указ. соч.
- ⁸ См.: Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М., 2007. 224 с.
- ⁹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 3(2). С. 185.
- ¹⁰ Шеварев П. А. Исследование по психологии интеллектуальных навыков и умений. М., 1957. 116 с.
- ¹¹ См.: Лурия А. Р. Роль слова в формировании временных связей у человека // Вопр. психол. 1955. № 1. С. 18–25.
- ¹² См.: Ананьев Б. Г. Ассоциация ощущений // Уч. зап. филос. ф-та ЛГУ. 1955. № 203. С. 31–52.
- ¹³ Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьников. М., 1959. С. 278.
- ¹⁴ Самарин Ю. А. Очерки психологии ума. М., 1962. С. 386.
- ¹⁵ Пижае Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М. ; Л. 1963. С. 437.
- ¹⁶ См.: Рубинштейн С. Л. Вопросы психологической теории // Вопр. психол. 1955. № 1. С. 6–17.
- ¹⁷ Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьников. С. 139.
- ¹⁸ См.: Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982. 176 с.
- ¹⁹ См.: Шеварев П. А. Исследование по психологии интеллектуальных навыков и умений. С. 59.
- ²⁰ См.: Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 37.
- ²¹ См.: Мецераков А. И. Слепозрячие дети. М., 1974. 327 с.
- ²² См.: Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983. 172 с.

УДК 316.37

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗА К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ЖИЗНЕННОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ

В. Г. Печерский

Саратовский государственный университет
E-mail: pecherskij@yandex.ru

Статья посвящена актуальной проблеме выбора жизненного пути студентами вуза. На основе теоретического анализа проблемы уточняется психологическая сущность понятия «жизненная стратегия», акцентируется внимание на связи стратегических решений с стремлением к жизненному успеху; рассматривается готовность студентов вуза к определению жизненных смыслов, в основе которой лежат такие личностные свойства, как активность, мотивация, ответственность, творчество, целеполагание, целеосуществление, воля.

Ключевые слова: стратегии жизни, психологическая готовность, жизненные смыслы, субъектность, ответственность, жизненный успех.

Psychological Readiness of High School Students for Strategic Vital Orientation

V. G. Pecherskij

Article is devoted to an actual problem of a course of life choice by students of higher education institution. The psychological essence of concept «vital strategy» is specified on the basis of the theoretical analysis of a problem, the attention is focused on the connections between the strategic decisions and the aspiration to vital success. Readiness of students of higher education institution for definition of vital senses, which contains such personal properties as activity,

motivation, responsibility, creativity, a goal-setting, goal-achievement, will, is considered on the basis of empirical material.

Key words: life strategy, psychological readiness, vital senses, subjectivity, responsibility, vital success.

В современной ситуации глобально изменяющегося мира человек сталкивается с постоянными преобразованиями условий деятельности, условий его самоосуществления. Эти преобразования связаны, с одной стороны, с расширением возможностей самоопределения, свободы человека в выборе направления самореализации, с другой стороны, с появлением новых противоречий, трудностей социального выбора и оценки жизненных перспектив. Особенно сложным в данном отношении является период юношества, активного становления личности как субъекта жизнедеятельности, жизнестроительства.

Проблема жизненных стратегий личности в юношеском возрасте, связанная с формированием системы оценок событий, выстраиванием временной перспективы, становлением представлений о будущем жизненном пути, широко обсуждается в научном сообществе, при этом авторы используют разные, но близкие по смыслу понятия (жизнен-

дуальности как системной целостности. Наиболее важным противоречием, по Ананьеву, является противоречие между тенденциями и потенциями человека, между «хочу» и «могу».

Функцию саморегуляции выполняет внутренний мир человека, где устанавливается взаимосоответствие тенденций и потенций человека, согласовываются его проявления как индивида, личности и субъекта деятельности, регулируется степень открытости человека воздействиям среды – природной и социальной. Таким образом, именно работа внутреннего мира человека укрепляет его жизнеспособность.

Развитие ананьевской концепции индивидуальности связано с исследованием индивидуальности как субъекта жизни, осуществляющего процесс саморазвития и жизнотворчества. Такой подход предполагает, что внутренний мир может становиться фактором временной нестабильности, оставаясь при этом важнейшим фактором жизнеспособности человеческой индивидуальности.

Примечания

- ¹ Логинова Н. А. Введение // Борис Герасимович Ананьев : Биография. Воспоминания. Материалы. СПб., 2006. С. 11.
- ² Головей Л. А. Б. Г. Ананьев – выдающийся психолог XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2008. Вып. 1. С. 7.
- ³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 328.
- ⁴ Там же. С. 334.
- ⁵ Там же. С. 303.
- ⁶ Там же. С. 328.
- ⁷ Там же. С. 93.
- ⁸ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. 2-е изд. СПб., 2001. С. 189.
- ⁹ Лекция Б. Г. Ананьева о биографическом методе. 13 мая 1969 // Борис Герасимович Ананьев : Биография. Воспоминания. Материалы. СПб., 2006. С. 343.
- ¹⁰ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. С. 328.
- ¹¹ Гришина Н. В. Онтопсихология : психология человека как субъекта жизни // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 9 / под ред. Л. А. Коростылевой. СПб., 2005. С. 63.
- ¹² Логинова Н. А. Опыт человекознания : история комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб., 2005. С. 196.
- ¹³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. С. 14.
- ¹⁴ Ананьев Б. Г. Проблемы педагогической антропологии // Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр. : в 2 т. / под ред. А. А. Бодалева и др. М., 1980. Т. 2. С. 29–30.
- ¹⁵ Головей Л. А. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁶ Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Головей Л. А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁹ Даниленко О. И., Алексеева И. В. Исследование связи компонентов жизнотойкости и свойств темперамента // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. : Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 1. С. 296–304.

УДК 159.922.7

МЛАДШИЙ ШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ: РАЗВИТИЕ УМСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Н. В. Купцова

Саратовский государственный университет
E-mail: kuptsovanv@mail.ru

В статье на основе эмпирического исследования изучается связь между возрастом младшего школьника и успешностью решения им задач на систематизацию многоугольных геометрических фигур. Выбранная модель экспертизы развития умственных действий позволяет сфокусировать внимание на таких факторах развития, как «возраст» и «учебный класс».

Ключевые слова: младший школьный возраст, умственное действие систематизации, решение задач на систематизацию многоугольных геометрических фигур в умственном плане.

Primary School Age: Development of Mental Action Organizing

N. V. Kuptsova

A content of the article is a summary of the empirical study. We are interested in the question: is there a connection between the age of a junior student's and between a success of solving tasks for the systematization of polygonal geometric figures. The model examination

of mental activities which we chose pay attention to factors such as «age» and «classroom».

Key words: primary school age, mental action organizing, problem solving on the systematization of polygonal geometric figures in the mental plane.

Анализ формирования умственных действий в процессе психического развития ребенка позволяет вскрыть механизмы взаимодействия обучения и научения, поставить вопрос об эффективности обучения ребенка определенным умственным действиям в соответствии с его возрастными возможностями и в целом внести ясность в осмысление феноменов развития ума ребенка. В основе исследования лежат концептуальные разработки отечественных авторов: Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, А. В. Запорожца, Л. А. Венгера и В. В. Давыдова.

В нашем исследовании объектом изучения является процесс решения задач детьми младшего школьного возраста. На данном этапе исследования нас интересует, существует ли связь между возрастом испытуемых и количеством правильных ответов, данных ими при решении задач на систематизацию геометрических фигур. Использовались следующие методы исследования: психологическое тестирование; качественный и количественный анализ, методы математического анализа: корреляционный анализ, t-тест Стьюдента; для обработки данных применялся пакет про-

грамм Statistica 6.0, основной была методика для оценки уровня развития элементов логического мышления у младших школьников, разработанная Н. Б. Венгер и модифицированная в лаборатории Л. А. Венгер (1996)¹.

В исследовании приняли участие 154 младших школьника, 76 девочек и 78 мальчиков в возрасте от 7 до 11,5 лет, учащиеся одной из школ г. Саратова. Всего нами проанализированы решения задач детьми четырех (с первого по четвертый) учебных классов начальной школы. Практически в нашу выборку вошли все дети данной школы, которые на момент исследования учились в начальных классах. Каждый ребенок решал 12 задач на систематизацию геометрических фигур (квадрат, треугольник, круг, трапеция, пятиугольник, шестиугольник) по следующим признакам: форма и высота. Задачи решались детьми индивидуально и самостоятельно. Мы проанализировали более 1800 их решений. Время, затраченное на опрос одного ребенка, составляло от 1 до 3 минут.

Наиболее многочисленны группы детей 8, 9 и 10 полных лет, наименее представлены возрастные группы 7 и 11 лет.

В предлагаемых детям заданиях наибольшее количество возможных правильных ответов составляет 12. В исследуемой нами выборке детей представлен весь спектр возможных количеств правильных ответов в серии предлагаемых задач (рис. 1).

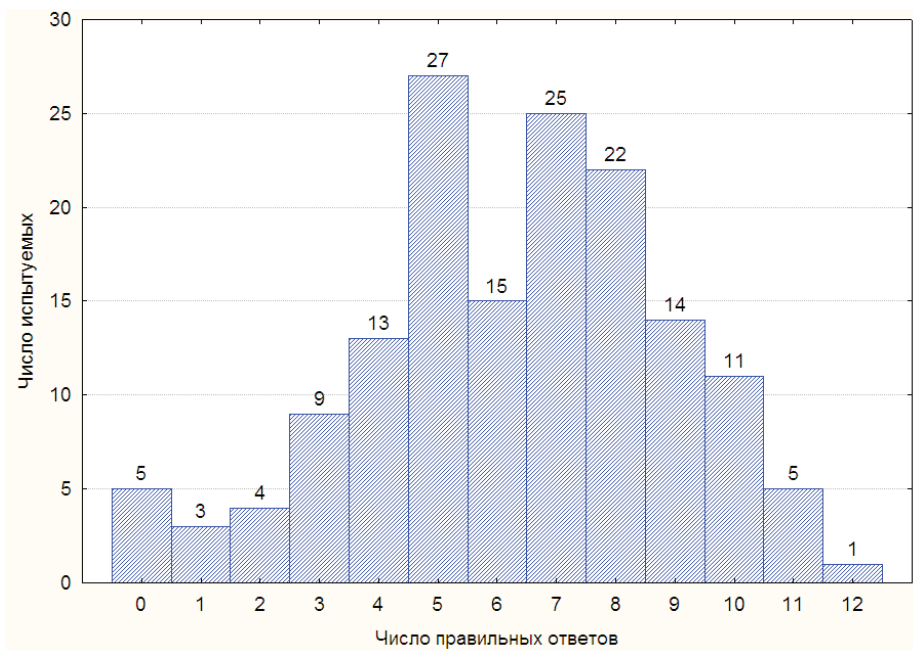

Рис. 1. Распределение детей по показателю «число правильных ответов»

Данное распределение по форме напоминает кривую Гаусса, следовательно, близко «в пределе» к нормальному. Особо выделяются пятеро детей нашей выборки, которые не мо-

гут дать ни одного правильного решения, наименьшее количество правильных решений (не более 2) демонстрируют 12 человек, пять детей демонстрируют решения с одной ошибкой, и

еще один испытуемый безошибочно выполняет всю серию заданий.

Существует некоторая неравномерность распределения числа испытуемых, которые дают правильные ответы (от 4 до 9 решений): 5 правильных ответов дают 27 испытуемых, но 6 могут дать только 15 человек, тогда как 7 и 8 ответов дают 25 и 22 человека соответственно. Количество правильно решающих задачи непропорционально увеличивается и достигает своего максимума в

случае правильного решения 5 задач, затем оно непропорционально уменьшается по мере увеличения числа правильных решений. Наиболее часто детьми исследуемой выборки правильно решаются либо 5, либо 7 задач.

На данном этапе исследования нас интересует, существует ли связь между возрастом испытуемых и количеством правильных ответов. Проведен корреляционный анализ (рис. 2), возраст исследуемых детей указан в месяцах.

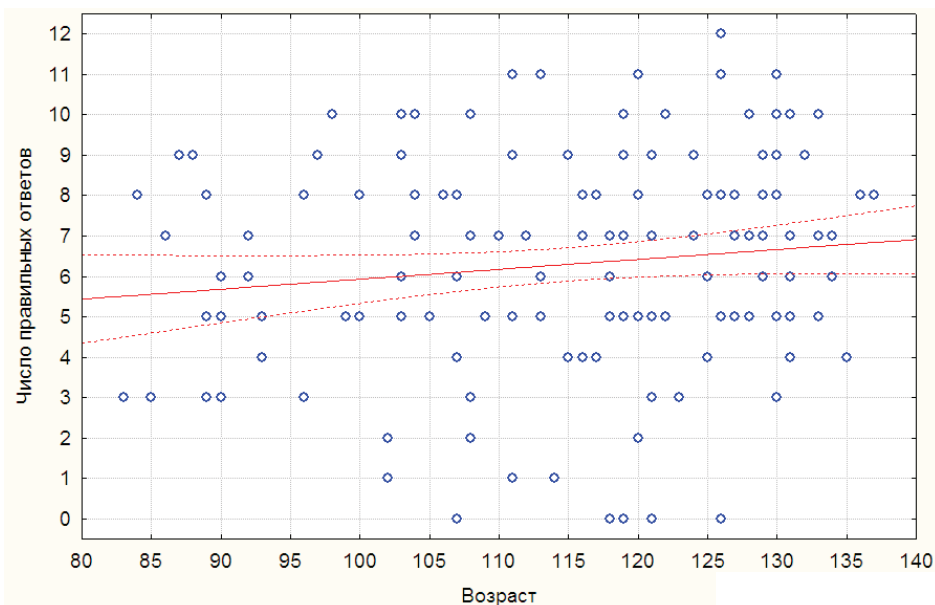

Рис. 2. Связь между показателями «возраст» и «число правильных ответов»: возраст детей указан в месяцах; линия – график линейного приближения функции зависимости числа правильных решений от возраста ($y = 3,47 + 0,025x$)

График иллюстрирует очень слабую ($r = 0,13$) взаимосвязь между показателями «возраст» и «число правильных ответов» с достоверностью ниже значимого уровня ($p > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии взаимосвязи между указанными показателями в этой выборке, т. е. число правильных ответов при решении задач не зависит от возраста ребенка, который обучается в начальной школе. Возможно, следует учитывать не только возраст, но и фактор обучения детей в разных классах по разным учебным программам (хотя геометрия в начальных классах в школе как самостоятельный предмет не преподается). Следовательно, необходимо провести корреляционный анализ, который позволил бы нам судить о наличии или отсутствии взаимосвязи между такими показателями как «учебный класс» и «число правильных ответов» (рис. 3).

Во всех классах начальной школы, кроме 1-го, присутствуют дети, которые не могут дать ни одного правильного решения рассматриваемых задач. Дети 1-го класса могут продемонстрировать от 3 до 9 правильных ре-

шений, но никто из них не решает правильно все 12 задач. Количество правильных решений по мере увеличения номера класса возрастает, но при этом границы разброса, в которых дети демонстрируют успешность решения задач, очень велики. Мы видим, что некоторые дети очень успешны в решении предложенных задач, другие совершенно не могут их решить, и мы не наблюдаем при этом четкой взаимосвязи между показателем «учебный класс» и «успешность решения задач». Поэтому следует предположить влияние некоторых индивидуальных факторов, таких например, как индивидуальный темп психического развития ребенка или, что менее вероятно, наличие случайных правильных решений. Данный график показывает очень слабую ($r = 0,18$) взаимосвязь между показателями «учебный класс» и «число правильных ответов», характеризующуюся достоверностью на значимом уровне ($p < 0,05$). Это позволяет говорить о незначительной взаимосвязи между показателем «учебный класс» и «число правильных ответов».

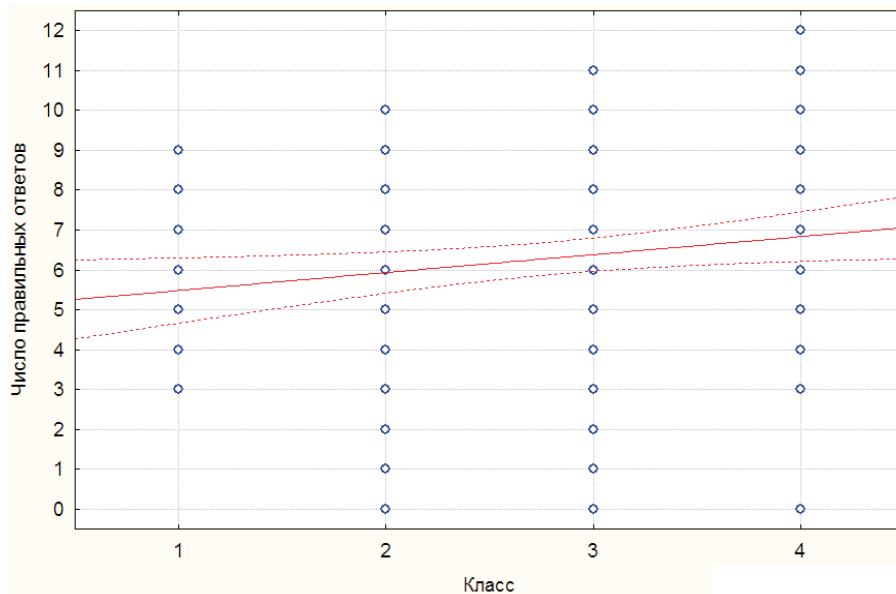

Рис. 3. Связь между показателями «класс» и «число правильных ответов»: линия – график линейного приближения функции зависимости числа правильных решений от класса ($y = 5,03 + 0,45x$); коэффициент корреляции $r = 0,18$, уровень значимости $p < 0,05$

Таким образом, по результатам корреляционного анализа выборки мы можем заключить, что достоверной значимой взаимосвязи между возрастом младших школьников и числом правильных решений задач на систематизацию в умственном плане многоугольных геометрических фигур не наблюдается. Аналогичный вывод сделан нами относительно показателей «учебный класс» и «число правильных решений». Это означает, что мы не можем на примере этой выборки рассматривать возраст ученика младшей школы как фактор, определяющий развитие умственного действия систематизации многоугольных геометрических фигур.

По итогам нашего исследования мы можем констатировать, что в период обучения детей в младшей школе (с 1-го по 4-й класс) дети 3 и 4-х классов дают больше правильных решений указанных задач. В дальнейшем на основе полученных данных предполагается определить, насколько эти правильные решения случайны или неслучайны.

Примечания

- ¹ См.: Бардина Р. И., Булычёва А. И., Дьяченко О. М. [и др.]. Диагностика умственного развития детей старшего дошкольного возраста (от 5 до 6 лет). М., 1996. 113 с.

УДК 159.9:78

РОЛЬ ЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЗАПОМИНАНИИ ТЕКСТА

А. Ф. Пантелеев

Саратовский государственный университет
E-mail: afp45@mail.ru

Работа посвящена обсуждению роли логических связей в запоминании учебного текста, проводится анализ понятия логической связи. Выявлена взаимосвязь между уровнем интеллектуальной активности и характером запоминания учебного текста.

Ключевые слова: связь, учебный текст, запоминание и воспроизведение, интеллектуальная активность.

The Role of Logical Relationships in Memorizing the Text

A. F. Panteleev

Work is devoted to discussion of the role of logical relationships in memorizing the training text, examines the notion of a logical link.

Correlation of intellectual activity and memorizing of training text which we educed described in this article.

Key words: connection, training text, memorization and reproduce of the text, intellectual activity.

Представление о связи в психологии памяти традиционно отсылает к понятию ассоциации. По определению, данному в свое время Б. Е. Варшавой и Л. С. Выготским, ассоциация и есть связь между отдельными нервно-психическими процессами, переживаниями, их следами¹

УДК 159.9.01

Б. Г. АНАНЬЕВ О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

О. И. Даниленко

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: danilenko.olga@gmail.com

В статье осуществляется анализ концепции индивидуальности, сформулированной в трудах Б. Г. Ананьева. Утверждается, что понятие индивидуальности у Ананьева имеет два неразрывно связанных значения: индивидуальность как внутренний мир человека и как системная целостность свойств человека – индивида, личности, субъекта деятельности и содержания внутреннего мира. Показана противоречивость, характеризующая развитие индивидуальности, выявлены ее причины. Рассмотрено, как в концепции Б. Г. Ананьева представлены содержание внутреннего мира человека и его роль в осуществлении процесса саморегуляции.

Ключевые слова: антропологическая психология, индивидуальность, индивид, личность, субъект деятельности, внутренний мир человека, саморегуляция.

Contradictory Development of Individuality: B. G. Ananiev's Conception

O. I. Danilenko

The article offers the analysis of individuality conception formulated in the works of B.G. Ananiev. It is stated that the Ananiev's concept of individuality has two inseparably connected meanings: individuality as an inner world of individuality and as a system integrity of human qualities – as of a person, individuality, subject of activity and content of inner world. The contradictoriness which defines the development of individuality is displayed and its causes are exposed. The article demonstrates how the content of individual inner world and one's role in self-regulation process are perceived in B.G. Ananiev's concept.

Key words: anthropological psychology, individuality, individual, subject of activities, person, the inner world of person, self-regulation.

Трудность жизнедеятельности в условиях современного мегаполиса, сложного производства, быстрых перемен в образе жизни приводит к тому, что едва ли не каждый человек в те или иные моменты своей жизни переживает значительные эмоциональные затруднения, нередко сопровождающиеся нарушениями отношений с другими людьми, трудовой деятельности, соматического здоровья. Ответом на эти проблемы становятся разработки психологов – теоретические концепции душевного здоровья и практические рекомендации по оказанию психологической помощи, направленной на предотвращение психологического неблагополучия и преодоление уже возникших неблагоприятных состояний психики. Особое внимание уделяется факторам, провоцирующим эти состояния извне и, соответственно, форми-

рованию способности к совладанию с трудными ситуациями. Однако не менее важно учитывать возможную противоречивость психики человека, которая обусловлена не только внешними обстоятельствами, но также внутренней сложностью и динамикой развития всех ее характеристик. В связи с этим нам представляется своевременным обращение к творческому наследию Б. Г. Ананьева.

В антропологической психологии Б. Г. Ананьева человек представлен в целостности, как природное существо (индивид), участник общественной жизни (личность), субъект разных видов деятельности и носитель внутреннего мира¹. Анализируя уровни психической реальности, Ананьев рассматривает их в развитии на протяжении всей жизни человека. При этом подчеркивается, с одной стороны, неравномерность развития всех психологических показателей и, с другой стороны, целостность: временная, проявляющаяся в целостности индивидуального развития человека на всем протяжении онтогенеза, и структурная, проявляющаяся в единстве всех уровней психики².

Одним из ключевых в концепции Ананьева является понятие индивидуальности. Отметим, что это оно раскрывается в работах Ананьева через два разных, хотя неразрывно связанных значения. Первое: индивидуальность трактуется как одна из подструктур человека, наряду с другими подструктурами – индивид, личность, субъект деятельности. Подструктура индивидуальности представляет собой систему психических явлений, которая обозначается как «внутренний мир человека». Содержание внутреннего мира – «комплексы ценностей (жизненных планов и перспектив, глубоко личных переживаний), определенные организации образов (“портретов”, “пейзажей”, “сюжетов”) и концептов, притязаний и самооценки»³.

Второе значение понятия «индивидуальность» у Ананьева раскрывается в формулировке «единичный человек как индивидуальность». По Ананьеву, само по себе отличие одного человека от других по отдельным признакам (по полу, возрасту, статусу и личности, мотивации и т.д.) не характеризует его как индивидуальность. Индивидуальность как единичный человек существует

благодаря тому, что специфическая подструктура (индивидуальность как «внутренний мир человека») регулирует организацию всех его свойств как индивида, личности и субъекта деятельности. Таким образом, «единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида. Иначе говоря, индивидуальность можно понять лишь при условии полного набора характеристик человека»⁴.

В дальнейшем при необходимости мы будем уточнять, какую из трактовок понятия «индивидуальность» имеем в виду – внутренний мир человека как особую подструктуру или системную целостность всех психических свойств.

Б. Г. Ананьев неоднократно подчеркивает, что наряду с внутренней взаимосвязанностью свойств характерной чертой индивидуальности является внутренняя противоречивость, которая прослеживается как в каждой из подструктур, так и на уровне целостного человека. Так, противоречие наблюдается между степенью зрелости различных психофизических функций (сенсорных, мнемических, интеллектуальных и пр.), между функциональным, операциональным и мотивационным компонентами психических процессов, между индивидуальными, личностными и субъектными свойствами.

Каковы причины внутренних противоречий, о которых пишет Ананьев? Можно выделить три группы таких причин. Первая – противоречивость онтогенетического развития человека как природного существа, проявляющаяся в неравномерности и гетерохронности общесоматического, полового, нервно-психического созревания, развития и старения.

Вторая – неблагоприятные обстоятельства социальной жизни. Влияние социальной жизни на внутренний мир и поведение человека объясняется существованием глубоких и многообразных связей между интериндивидуальной структурой личности и аналогичной структурой того социального целого, к которому она принадлежит. «Ограничение и тем более разрыв социальных связей личности нарушают нормальный ход человеческой жизни и могут быть одной из причин неврозов и психоневрозов. Распад самих социальных объединений (интериндивидуальных структур) влечет ломку интраиндивидуальной структуры личности, возникновение острых внутренних кризисов, дезорганизующих индивидуальное поведение»⁵.

Третья группа причин – противоречие между природными, социальными и культурными аспектами человеческой жизни. Истоком внутренних противоречий является, в частности, несовпадение природных свойств человека и тех требо-

ваний, которые предъявляет к нему культурно организованная практическая деятельность и общественная жизнь. Так, освоение тех или иных трудовых операций требует определенной степени зрелости и сохранности телесного субстрата и психофизиологических функций. Исполнение социальных ролей также возможно лишь при условии некоторого уровня физического здоровья, наличия энергетического потенциала, сенсорной и моторной готовности, наличия соответствующих установок и т.п.

Наиболее важным противоречием, с которым имеет дело индивидуальность, является, по Ананьеву, противоречие между тенденциями и потенциями человека, между «хочу» и «могу». Тенденции, с его точки зрения, это, прежде всего, проявление личности, ее мотивации. Мотивы выстроены в иерархию, которая имеет многоуровневую структуру. Высший уровень занимают идеалы, связанные с социальным развитием личности как члена общества, современника своей эпохи. Идеалы личности зависят от идеологии его социальной среды. Им соответствуют духовные потребности человека. Нижний уровень занимают психофизиологические установки, которые связаны с определенным состоянием организма: они определяют материальные потребности человека. К сожалению, тема структуры мотивации осталась недостаточно проработанной в концепции Ананьева: работа над ней планировалась в перспективе.

Потенции человека Ананьев рассматривает, прежде всего, как проявление субъекта деятельности. Поскольку деятельность обеспечивается разными уровнями субъектных свойств, потенции также имеют разные истоки. Физическое здоровье, зрелость психофизиологических функций – необходимая предпосылка эффективной деятельности. Они определяются филогенетической и онтогенетической программой, имеют природное происхождение. Культурный опыт обеспечивает формирование способностей человека к осуществлению различных видов деятельности. Для этого он должен быть освоен в процессе интериоризации исторически выработанных способов труда, познания и общения. Как и тенденции, потенции разных уровней взаимосвязаны: для овладения культурными инструментами деятельности требуется определенная степень развитости телесных и психофизических свойств человека; с другой стороны, практикуя культурно детерминированные способы деятельности, человек меняет природную основу этой деятельности (телесные характеристики, психофизиологические функции).

Мы видим, что и тенденции и потенции человека имеют многоуровневую структуру. Соответственно, многообразны противоречия, возникающие между ними. Ананьев обращал особое

внимание на те противоречия, которые возникают вследствие несогласованности социально и культурно детерминированных характеристик человека (социальных ролей, мотивов, ценностных ориентаций, видов деятельности), с одной стороны, и индивидуальных свойств человека как его природных ресурсов (физическое здоровье, темперамент, особенности психических процессов и пр.), с другой стороны.

Что же помогает человеку достичь интеграции внутренних свойств и справиться с неблагоприятными внешними обстоятельствами? Путь обретения внутренней целостности – это развитие индивидуальности как саморегулирующейся системы. Ведущую роль в решении этой задачи играет внутренний мир человека. В отличие от «открытых» в мир природы и общества подструктур индивида, личности и субъекта деятельности, он представляет собой относительно замкнутую систему, «встроенную» в открытую систему взаимодействия с миром. Именно здесь вырабатывается «определенное взаимосоответствие тенденций и потенций человека, самосознание и “я” – ядро человеческой личности»⁶.

Формирование индивидуальности приводит к тому, что во внутреннем мире человека возникает своеобразный психологический барьер, который обладает «избирательной проницаемостью». Он создается в соответствии с историей индивидуального развития, «затрудняет проникновение внешних воздействий к ядру личности и увеличивает строгость отбора этих воздействий»⁷.

Активная роль индивидуальности в осуществлении саморегуляции проявляется, в частности, в том, что человек создает и изменяет обстоятельства своей жизни собственным трудом и поведением. Он образует собственную среду развития, завязывая и укрепляя товарищеские, дружеские, любовные, семейные, деловые связи, выбирая и осваивая те или иные виды деятельности – профессиональные, бытовые, досуговые.

Внутренний мир как специфическая подструктура осуществляет регулирование свойств, относящихся к другим подструктурам человека. «Образование индивидуальности и обусловленное ею единое направление развития индивида, личности и субъекта в общей структуре человека стабилизируют эту структуру и являются одним из важнейших факторов высокой жизнеспособности и долголетия»⁸. Но это не означает, что индивидуальность – это человек, достигший состояния гармонии, преодолевший внутренние противоречия. Вспомним, что писал Ананьев о том, кого считал «исключительной индивидуальностью», а именно об Александре Блоке. Мучительные переживания Блока, как утверждает Ананьев, были связаны с его сопротивлением среде. До драматических событий 1917 г. состо-

ятельства жизни поэта были весьма благоприятны, однако Блок зачастую отказывался от легкого пути, который перед ним открывался. Он рос в академической среде, но, проучившись восемь лет в университете, оставил науку. Следуя своему призванию, он посвятил жизнь литературе. Участие Блока в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства также было поступком, противоречащим его социальному положению и занятиям. Однако его волновала проблема власти, и он стал свидетелем допросов бывших правителей России. Опубликовав поэму «Двенадцать», Блок осознанно пошел на конфликт с людьми своего круга и друзьями, в которых он нуждался. Ананьев обратил внимание на то, что в дневниках Блока разных годов многократно повторяется одна «мучительная тема <...>: либо во мне все должно измениться, либо кругом все должно измениться – иначе смерть»⁹. «Сопротивление среде», которое было характерно для Блока, как видно из этих скупых, но важных сведений, сопровождалось мучительными внутренними противоречиями. Вступая в конфликты с людьми и идеями, Блок провоцировал свои внутренние противоречия, причем шел на это достаточно осознанно.

Очевидно, для Ананьева индивидуальность – не только фактор самосохранения, но и фактор саморазвития. Он писал о *работе* внутреннего мира, которая состоит в переработке опыта, выработке собственных позиций и убеждений, пути самоопределения¹⁰. Такая работа неизбежно предполагает периодическое переживание эмоционального дисбаланса, однако она оказывается необходимой в ситуации, когда происходят перемены во внешнем мире или в самом человеке: только изменившись, человек может обрести новое состояние целостности.

В последние годы появились работы, в которых авторы развивают ананьевскую концепцию индивидуальности, делая акцент на активности человека в выстраивании своей жизни. Н. А. Гришина полагает, что в концепции Ананьева понятие индивидуальности «фактически означает способность человека быть субъектом собственной жизни»¹¹. Активное отношение к миру, присущее индивидуальности, Гришина связывает со способностью делать свободный выбор и осуществлять самореализацию, последнюю она рассматривает не только как результат, но и фактор развития человека.

Об индивидуальности как субъекте жизни пишет и Н. А. Логинова, утверждая, что индивидуальность решает задачу сохранения своей самобытности¹².

Будучи академическим ученым, Ананьев не забывал о задачах практической психологии, в том числе – помогать человеку в сохранении и укреплении его здоровья, обеспечении физиче-

ского и умственного долголетия. Он позитивно оценивал сдвиги, которые происходят в медицине, где преодолевается чисто соматический подход к здоровью человека и возрастает внимание «к социально-экономическим, технико-культурным, морально-психологическим условиям жизни людей, определяющим нормальное функционирование организма человека»¹³.

Идея необходимости согласования природных, социальных и культурных факторов развития наиболее ярко проявилась в ананьевской педагогической антропологии. Будучи духовным наследником К. Д. Ушинского, Ананьев писал о том, что воспитание и образование должны осуществляться в соответствии с характеристиками и потенциалами ребенка. В частности, он отмечал, что присущая современной школе насыщенность учебным материалом зачастую превышает наличные интеллектуальные силы ребенка. Результатом является умственное утомление, негативные аффективные реакции, нарушение физического здоровья, в том числе работы сердечно-сосудистой системы¹⁴. Ананьев настаивал на оптимальном сочетании умственного и физического развития человека.

Л. А. Головей отмечает, что Ананьев ввел в психологию понятие жизнеспособности. В отечественной психологии оно до сих пор не получило должного развития, хотя «жизнеспособность является природным основанием всех потенциалов человека»¹⁵.

В настоящее время большую популярность приобрела концепция жизнестойкости (*hardiness*). Ее авторы трактуют жизнестойкость как диспозицию, которая «опирается на три взаимосвязанные установки, определяющие взаимодействие людей с миром, – вовлеченность, контроль и вызов»¹⁶. В соответствии с этой концепцией жизнестойкость способствует смягчению стрессоров. С. Мадди развивает концепцию жизнестойкости в рамках экзистенциальной психологии. Он утверждает, что существует два типа решений, составляющих жизнь индивида, – те, что ведут жизнь человека в будущее, и те, которые удерживают ее в прошлом, и аргументирует преимущество первого выбора. Жизнестойкость, по Мадди, «помогает снижать и легче переносить онтологическую тревогу, связанную с выбором будущего». Таким образом, чем более склонен человек активно участвовать «во всем, что происходит», «путем борьбы <...> влиять на последствия происходящих вокруг них событий» и учиться «на собственном опыте, будь он позитивным или негативным»¹⁷, тем более вероятно, что он сможет успешно справляться со стрессорами. Подчеркивая, что жизнестойкость формируется в детстве как результат воспитания, Мадди утверждает, что психотерапия и тренинги могут развить соответствующие установки и у взрослых людей.

Разделяя позицию Мадди в отношении выбора будущего как продуктивной жизненной позиции, мы не можем признать, что существует прямая связь между степенью выраженности описанных им установок (вовлеченность, контроль и вызов) и результатами выбора. Более взвешенной кажется нам позиция Б. Г. Ананьева, которая получила развитие и эмпирическое подтверждение в трудах его последователей: «личностная регуляция жизни, выбор и планирование жизненного пути не может происходить без учета зрелости организма и мозга, без учета возрастных ограничений, здоровья, становления психических функций и свойств, естественных сроков жизни»¹⁸.

В проведенном нами исследовании были обнаружены связи между показателями свойств темперамента (измеренные в соответствии с концепцией темперамента В. М. Русалова посредством его методики, изложенной в «Опроснике формально-динамических свойств индивидуальности») в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах и показателями жизнестойкости – общим и трех ее компонентов – вовлеченность, контроль и принятие риска. Выявлены статистически значимые *прямые корреляции* показателей жизнестойкости с показателями темперамента, характеризующими активность и *обратные корреляции* с показателями, характеризующими эмоциональность. Исследование проводилось на выборке успешных сотрудников одной из инвестиционных компаний. Полученные результаты позволяют дать следующую интерпретацию: люди, достигшие успеха в своей профессиональной деятельности, более или менее осознанно корректируют свои поведенческие установки (тенденции) в соответствии с индивидуальными характеристиками (потенциями)¹⁹.

Итак, в концепции Ананьева понятие индивидуальности имеет два неразрывно связанных значения. Первое: индивидуальность как одна из подструктур человека – его внутренний мир, включающий самосознание человека, индивидуальную систему ценностных ориентаций, субъективно организованные образы и концепты. Второе: индивидуальность как системная целостность в единстве и взаимосвязи свойств человека как индивида, личности, субъекта деятельности, а также содержания его внутреннего мира.

Б. Г. Ананьев показал, что для развития индивидуальности характерна внутренняя противоречивость, обусловленная следующими причинами: а) противоречивость онтогенетического развития человека как природного существа; б) неблагоприятные обстоятельства социальной жизни; в) противоречие между природными, социальными и культурными аспектами жизни индиви-

дуальности как системной целостности. Наиболее важным противоречием, по Ананьеву, является противоречие между тенденциями и потенциями человека, между «хочу» и «могу».

Функцию саморегуляции выполняет внутренний мир человека, где устанавливается взаимосоответствие тенденций и потенций человека, согласовываются его проявления как индивида, личности и субъекта деятельности, регулируется степень открытости человека воздействиям среды – природной и социальной. Таким образом, именно работа внутреннего мира человека укрепляет его жизнеспособность.

Развитие ананьевской концепции индивидуальности связано с исследованием индивидуальности как субъекта жизни, осуществляющего процесс саморазвития и жизнотворчества. Такой подход предполагает, что внутренний мир может становиться фактором временной нестабильности, оставаясь при этом важнейшим фактором жизнеспособности человеческой индивидуальности.

Примечания

- ¹ Логинова Н. А. Введение // Борис Герасимович Ананьев : Биография. Воспоминания. Материалы. СПб., 2006. С. 11.
- ² Головей Л. А. Б. Г. Ананьев – выдающийся психолог XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2008. Вып. 1. С. 7.
- ³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 328.
- ⁴ Там же. С. 334.
- ⁵ Там же. С. 303.
- ⁶ Там же. С. 328.
- ⁷ Там же. С. 93.
- ⁸ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. 2-е изд. СПб., 2001. С. 189.
- ⁹ Лекция Б. Г. Ананьева о биографическом методе. 13 мая 1969 // Борис Герасимович Ананьев : Биография. Воспоминания. Материалы. СПб., 2006. С. 343.
- ¹⁰ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. С. 328.
- ¹¹ Гришина Н. В. Онтопсихология : психология человека как субъекта жизни // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 9 / под ред. Л. А. Коростылевой. СПб., 2005. С. 63.
- ¹² Логинова Н. А. Опыт человекознания : история комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб., 2005. С. 196.
- ¹³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. С. 14.
- ¹⁴ Ананьев Б. Г. Проблемы педагогической антропологии // Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр. : в 2 т. / под ред. А. А. Бодалева и др. М., 1980. Т. 2. С. 29–30.
- ¹⁵ Головей Л. А. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁶ Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Головей Л. А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁹ Даниленко О. И., Алексеева И. В. Исследование связи компонентов жизнестойкости и свойств темперамента // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. : Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 1. С. 296–304.

УДК 159.922.7

МЛАДШИЙ ШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ: РАЗВИТИЕ УМСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Н. В. Купцова

Саратовский государственный университет
E-mail: kuptsovanv@mail.ru

В статье на основе эмпирического исследования изучается связь между возрастом младшего школьника и успешностью решения им задач на систематизацию многоугольных геометрических фигур. Выбранная модель экспертизы развития умственных действий позволяет сфокусировать внимание на таких факторах развития, как «возраст» и «учебный класс».

Ключевые слова: младший школьный возраст, умственное действие систематизации, решение задач на систематизацию многоугольных геометрических фигур в умственном плане.

Primary School Age: Development of Mental Action Organizing

N. V. Kuptsova

A content of the article is a summary of the empirical study. We are interested in the question: is there a connection between the age of a junior student's and between a success of solving tasks for the systematization of polygonal geometric figures. The model examination

Примечания

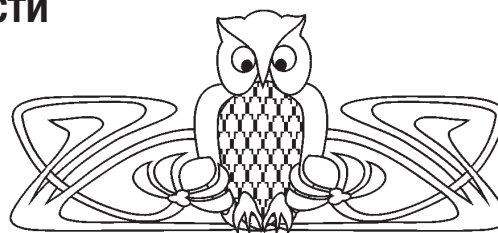
- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 112.
- ² Wallis S. E. The Structure of Theory and the Structure of Scientific Revolutions: What Constitutes an Advance in Theory? // *Cybernetics and Systems Theory in Management: Tools, Views, and Advancements*. Hershey, 2009. P. 151–174.
- ³ См.: Суходольский Г. В. Математическая психология. Харьков, 2006. С. 351.
- ⁴ См.: Имянитов Н. С. По «лестнице наук» – к искусству // *Философия науки*. 2003. № 4 (19). С. 4.
- ⁵ См.: Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. 132 с.
- ⁶ Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003. 426 с.
- ⁷ Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М., 2001. С. 11.
- ⁸ Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 20.
- ⁹ Психология XXI века. М., 2003. С. 7.
- ¹⁰ Цит. по: Хант М. История психологии. М., 2009. С. 190.
- ¹¹ Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003. С. 39.
- ¹² Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 21.
- ¹³ См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 7.
- ¹⁴ См.: Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003. С. 350–355.
- ¹⁵ См.: Майерс Д. Социальная психологи. СПб., 1996. С. 40–46.

УДК 316.647

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А. В. Гуслякова

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ann-gusl@yandex.ru

В статье представлены итоги исследования межэтнических отношений в двух приграничных районах: полиэтничном районе России и моноэтническом районе Казахстана. Рассматриваются социально-психологические факторы и особенности личности, связанные с выраженностью этнической толерантности / интолерантности.

Ключевые слова: этническая толерантность, этническая идентичность, социальная дистанция, этнический стереотип, этническое большинство / меньшинство.

Features of Ethnic Tolerance of Residents of Frontier Areas of Russia and Kazakhstan

A. V. Guslyakova

This article presents results of the study of interethnic relations in two border areas: polyethnic area of Russia and monoethnic area of Kazakhstan. The social psychological factors and peculiarities of personality examined and correlated with the manifestation of ethnic tolerance / intolerance.

Key words: ethnic tolerance, ethnic identity, social distance, ethnic stereotype, ethnic majority / minority.

Реальная практика межэтнического взаимодействия в России и ближнем зарубежье последних десятилетий, распад СССР и последующие межэтнические конфликты как в пределах

России, так и по ее периметру заставили специалистов-гуманитариев обратиться к проблеме этничности и этнической толерантности¹. Представляют интерес межнациональные отношения в районах, находящихся на границе России и стран ближнего зарубежья. В нашей статье рассмотрены два района, разделенных Российско-Казахстанской границей: Палласовский район Волгоградской области и Жанибекский район Западно-Казахстанской области. Первый относится к исторически сложившимся поликультурным регионам: представители более 60 национальностей и народностей проживают на его территории, русские незначительно преобладают над казахами, кроме того, здесь живут татары, украинцы, немцы, чеченцы и др. Что касается Жанибекского района, то хотя он и расположен в непосредственной близости от Палласовского, его национальный состав значительно отличается от первого: более 90% населения – представители казахской национальности, меньшую численную представленность имеют здесь русские, другие нации практически отсутствуют.

В ходе изучения межэтнических отношений сопоставительному рассмотрению подле-

жат уровень общей, этнической, социальной и личностной толерантности; типы этнической идентичности; социальная дистанция между этническими общностями; эмоционально-оценочный компонент этнических авто- и гетеростереотипов. В ходе исследования планировалось выявить, существуют ли различия в уровне выраженности этнической толерантности и связанных с ней социально-психологических факторов и особенностей личности:

– между выборками полиэтничного (Палласовского) и моноэтнического (Жанибекского) районов;

– между представителями этнического большинства и этнического меньшинства² полиэтничного района (группами русских и казахов Палласовского района) (таблица);

– между представителями одной этнической группы (казахами), проживающими по разные стороны границы и, соответственно, в одном случае являющимися этническим большинством, а в другом – этническим меньшинством;

– между представителями этнического большинства поли- и моноэтнического районов (русскими Палласовского района и казахами Жанибекского района).

Социально-психологические факторы, связанные с этнической толерантностью

Фактор	Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, r^*
Общая толерантность	0,804
Социальная толерантность	0,341
Личностная толерантность	0,334
Позитивная этническая идентичность	0,362
Этническая индифферентность	0,200
Позитивный этнический гетеростереотип	0,265
Близость социальной дистанции по отношению к представителям других наций	0,380
Этноэгоизм	– 0,534
Этноизоляция	– 0,440
Этнофанатизм	– 0,326

Примечание: * – $p < 0,01$.

Общее число опрошенных в ходе исследования составило 132 человека – 51 юноша и 81 девушка – в возрасте от 14 до 18 лет (учащиеся восьмых – одиннадцатых классов средних школ г. Палласовка Волгоградской области и с. Жанибек Западно-Казахстанской области). При этом выборка Палласовского района составила 58 человек, а выборка Жанибекского района – 74 человека. Обе выборки являются репрезентативными по национальному составу и включают представителей наиболее многочисленных этнических групп районов (в выборку Палласовского района вошли русские, казахи, татары, украинцы, немцы, чеченцы, а в выборку Жанибекского района – русские и казахи).

В ходе исследования были применены следующие методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой); опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой); модификация метода семантического дифференциала «Диагностический тест отношений» (Г. Солдатовой); шкала социальной дистанции (Э. Богардуса)³. Вторичная статистическая обработка данных исследования проводилась с помощью компьютерной программы SPSS 13.0. Для оценки корреляций использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена,

а для определения различий между группами U -критерий Манна-Уитни.

В результате проведения эмпирического исследования были получены следующие данные: при осуществлении корреляционного анализа общего массива данных была установлена связь между выраженностью этнической толерантности и выраженностью ряда социально-психологических факторов (см. таблицу). Связь между выраженностью этнической толерантности и выраженностью общей, социальной и личностной толерантности можно объяснить исходя из общего отношения человека к окружающему миру, другим людям и всему, что происходит вокруг него: если человек терпим, то, вероятнее всего, это будет проявляться в равной мере ко всему его окружению, будь то представители других социальных групп, иных наций или же протекающие в данный момент социальные процессы.

Этническая толерантность оказалась связанной с двумя из шести исследовавшихся типов этнической идентичности:

– позитивной этнической идентичностью, что, скорее всего, обусловлено тем, что данный тип, по определению, предполагает сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам;

– этнической индифферентностью, предполагающей размывание этнической идентичности, неактуальность этничности. Для человека незначима этническая принадлежность как своя собственная, так и окружающих, а, соответственно, у него отсутствуют различия по этническому признаку в отношении к другим людям, он не придаёт этнической принадлежности человека большого значения, и оно не повлияет на его отношение к этому человеку.

Установленная связь между выраженностью этнической толерантности и небольшой социальной дистанцией по отношению к другим национальностям предполагает, что чем она меньше, тем сильнее выражены позитивные чувства по отношению к представителям других наций, что, соответственно, подразумевает и большую терпимость.

Существование связи между уровнем этнической толерантности и выраженностью позитивного этнического гетеростереотипа подразумевает, что наличие у человека терпимого отношения к другим этническим группам предполагает положительные оценочные мнения об этносе, особенностях внешнего облика его представителей, образе жизни и трудовых навыках, чертах их характера, поведения, сильных и слабых сторонах, возможностях и специфике взаимодействия с ними и др.

Отрицательные корреляционные связи между уровнем этнической интолерантности и выраженностью таких форм этнической гиперидентичности, как этноэгоизм, этноизоляция и этнофанатизм, объяснимы тем, что данные типы этноидентичности обусловлены трансформациями этнического самосознания и могут отражать усиление деструктивности в межэтнических отношениях.

При сопоставлении результатов различных групп с помощью непараметрического *U*-критерия Манна-Уитни было установлено: представители поли- и моноэтнического районов (респонденты выборки Палласовского и Жанибекского районов) не различаются между собой по уровню выраженности этнической ($p = 0,303$), общей ($p = 0,485$), социальной ($p = 0,066$) и личностной ($p = 0,195$) толерантности.

Различия между данными выборками были выявлены в уровне этноэгоизма ($p = 0,010$), который оказался несколько выше среди опрошенных на территории России, а также в уровне выраженности этнических стереотипов по отношению к другой нации ($p = 0,010$): выраженность позитивного стереотипа несколько выше у опрошенных в Казахстане.

Представители этнического большинства и этнического меньшинства полиэтнического района (группы русских и казахов Палласовского райо-

на) различаются по уровням выраженности общей ($p = 0,009$), этнической ($p = 0,009$) и социальной ($p = 0,012$) толерантности, причем во всех трех случаях показатели респондентов-казахов оказались несколько выше показателей опрошенных русских; по уровню личностной толерантности указанные группы не различаются ($p = 0,665$).

Группы русских и казахов Палласовского района отличаются по уровням этнической индифферентности ($p = 0,006$), этноэгоизма ($p = 0,001$), этноизоляции ($p = 0,005$) и этнофанатизма ($p = 0,005$), причем показатели этнической индифферентности несколько выше в группе казахов, а показатели этноэгоизма, этноизоляции и этнофанатизма выше в группе русских.

Представители одной этнической группы (казахи), проживающие по разные стороны границы и являющиеся в одном случае этническим большинством, а в другом – этническим меньшинством, не различаются между собой по степени выраженности общей ($p = 0,158$), этнической ($p = 0,208$), социальной ($p = 0,562$) и личностной ($p = 0,098$) толерантности. Тем не менее между представителями данных групп были выявлены различия по степени выраженности этнической индифферентности ($p = 0,004$), которая несколько выше у казахов, проживающих на территории России, и этнофанатизма ($p = 0,011$), которая выше у казахов, живущих в Казахстане. Таким образом, уровень этнической толерантности у представителей казахской национальности оказался не связанным с тем, являются ли они этническим большинством или же этническим меньшинством.

Представители этнического большинства полиэтнического и моноэтнического районов различаются между собой по степени выраженности общей ($p = 0,052$), этнической ($p = 0,010$) и социальной ($p = 0,003$) толерантности, выраженность которых оказалась несколько выше у респондентов выборки с. Жанибек. Эти группы различаются и по степени выраженности этноэгоизма ($p = 0,000$) и этноизоляции ($p = 0,022$): показатели выше среди опрошенных русских г. Палласовки. Были выявлены различия и в уровне выраженности позитивных этнических стереотипов по отношению к другим нациям ($p = 0,013$): выше уровень у опрошенных в Жанибекском районе).

Анализируя результаты сопоставления исследуемых групп, можно выделить более низкий уровень толерантности представителей русской национальности Палласовского района по сравнению с представителями казахской национальности, проживающими как на той же территории, так и на территории Жанибекского района. При этом уровень этнической толерантности у казахов, живущих по разные стороны границы и являющихся представителями эт-

нического большинства или меньшинства на данной территории, не различается. Можно предположить, что дело здесь не в более высоком уровне толерантности казахов (например, из-за необходимости адаптации на территории другой страны), а в более низком уровне толерантности русских.

Таким образом, гипотеза данного этапа исследования не была подтверждена, поэтому можно сделать предположение, что факт более низкой толерантности русских нужно объяснять, исходя из рассмотрения их как представителей этнического большинства полиэтнического района. И здесь в качестве причин можно отметить следующие:

во-первых, население полиэтнического района, в том числе и этническое большинство, имеет возможность общаться с представителями других этносов в повседневной жизни и, соответственно, может более объективно оценить как свое отношение к другим нациям, так и свое возможное поведение во взаимодействии с ними, в отличие от представителей моноэтнического района, которые могут лишь делать предположения по этому поводу.

Во-вторых, если рассмотреть национальный состав полиэтнического (Палласовского) района, то можно отметить, что этническое большинство (русские) превосходит пока другие нации незначительно. Кроме того, пропорциональное соотношение представителей разных наций на данной территории из года в год изменяется в сторону увеличения доли представителей других наций и, соответственно, уменьшения доли этнического большинства, из-за чего оно может испытывать опасения, что, очевидно, сказывается на уровне этнической толерантности и иных связанных с ней показателей. «Согласно интегральной теории воспринимаемой угрозы интолерантность доминирующей группы (в данном случае этнического большинства) по отношению к меньшинствам может проявляться именно из-за боязни потерять статус»⁴.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что выраженность этнической толерантности связана с такими показателями, как тип этнической идентичности, небольшая социальная дистанция по отношению к представителям других наций, выраженность позитивного этнического гетеростереотипа, а также выраженность общей, социальной и личностной толерантности. Кроме того, можно говорить о том, что на выраженность этнической толерантности и на уровень связанных с ней показателей могут оказывать влияние этнический статус опрошенных (принадлежность к этническому большинству / меньшинству), а также национальное разнообразие (полиэтничность / моноэтничность) территории проживания.

Примечания

- ¹ См.: *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журн. 2005. Т. 26, № 3. С. 56 ; *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журн., 2003. Т. 24, № 5. С. 31–44 ; *Чернова О. В.* Этническая толерантность старшеклассников : главные итоги эмпирического исследования // Журн. прикладной психологии. 2005. № 2–3. С. 82–99.
- ² Во многих случаях статус этнического большинства и меньшинства несводим к чисто арифметическим пропорциям. Он связан также с тем, кто именно обладает политической властью и чей язык и культура являются доминирующими в государстве.
- ³ См.: Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М., 2008. 172 с.
- ⁴ *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности. С. 56.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01; 159.9:001.8

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВАНИЙ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ

И. Е. Гарбер

Саратовский государственный университет
E-mail: Ilya.Garber@gmail.com

Рассмотрены соотношение эмпирических данных, структуры теории и оснований научной психологии, понимаемой как академическая и прикладная дисциплина. Представлены генезис и трансформация оснований научной психологии. Проанализированы явные и неявные основания психологического знания, их связь со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией.

Ключевые слова: эмпирические данные, структура теории, явные основания психологии, неявные основания психологии, здравый смысл, жизненный опыт, интуиция.

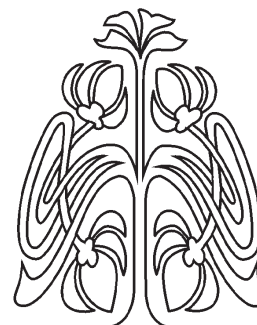
Transformation of Foundations of Scientific Psychology

I. E. Garber

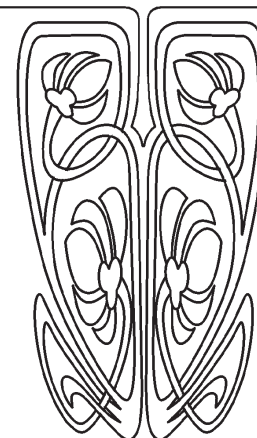
Relations between empirical data, theory structure and foundations of scientific psychology (interpreted as academic and applied discipline) are considered. Genesis and transformation of foundations of scientific psychology are represented. Declared and latent foundations of psychological knowledge, their relations with common sense, life experience and intuition are analyzed.

Key words: empirical data, theory structure, declared foundations of psychology, latent foundations of psychology, common sense, life experience, intuition.

В информационном обществе многие науки столкнулись с феноменом *перепроизводства эмпирических данных*. Он заключается в том, что эмпирические данные производятся быстрее, чем могут быть проанализированы, наглядно представлены, поняты, осмыслены и проинтерпретированы. Применительно к научной психологии речь может идти об оцифрованной личной информации, собираемой и используемой провайдерами сотовой связи и Интернета, социальных сетей, медицинскими и образовательными учреждениями, владельцами камер видеонаблюдения, вплоть до служб космического наблюдения за Землей, банковских служб (дебетовые и кредитные карты) и т.д. Юридическая проблема доступа к ней, регулируемая Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», разрешается, например, использованием данных в обезличенной форме штатными психологами соответствующих организаций. При соблюдении этических требований и норм закона становятся актуальными непривычные для научной психологии размеры выборок; появляется возможность эмпирического изучения жизненно важных ситуаций, воспроизведение которых в лабораторных условиях затруднительно; изменяются методы и технологии психологического исследования.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Т. Кун, как и многие другие историки и философы науки, концентрировал внимание на идее, что накопление эмпирических фактов критично для развития науки. В переводе на метафорический язык это утверждение звучит неубедительно: для строительства здания самое важное – собрать побольше хороших кирпичей. Нарастание числа аномальных, необъяснимых парадигмальной теорией эмпирических фактов («плохих кирпичей») свидетельствовало, по мнению Т. Куна, о кризисе, приближении научной революции («развале здания») и предстоящей смене парадигм («переезде в другое здание»: «научная теория объявляется недействительной только в том случае, если альтернативный вариант пригоден к тому, чтобы занять ее место»¹).

В отличие от «кирпичной» теории, теория «раствора» ориентирована на изучение того, что находится между кирпичами, состава раствора, связывающего их между собой. Метатеоретика, исходящего из теории систем и теории сложности, интересует: как устроены дома безотносительно к тому, какие элементы использовались (стандартные кирпичи или камни); какие техники использовали каменщики, построившие хорошие дома; какова технология превращения груды кирпичей в комфортабельный дом. В рамках этой логики на первый план выходит анализ структуры теории: от разбросанных в беспорядке на земле кирпичей (отсутствия структуры) через груды кирпичей (плохо упорядоченную, неудачную структуру) к зданию (хорошо упорядоченной, успешной структуре).

Для строителя, желающего построить добротный дом, равно важны как качество кирпичей, так и качество раствора и фундамента. Большинство современных науковедов признает теоретическую нагруженность эмпирических фактов и то, что качество теории не может быть проверено только с помощью эмпирической валидации, однако на практике отдает явное предпочтение «кирпичам» (эмпирическим фактам) перед «раствором» (формальной структурой теории) и «фундаментом» (ее исходными положениями). При этом для ученых, не являющихся метатеоретиками, стандартный метод проверки теории заключается в применении ее на практике и сборе эмпирических данных. Метатеоретик рассматривает сами теории как данные и, оценив структуру теории, отдает предпочтение более сложной, безотносительно к подтверждающим или опровергающим ее эмпирическим данным².

На наш взгляд, в теоретическом плане проблема представления и обработки массивов эмпирических данных тесно связана с фундаментом, основаниями науки. В последние годы их изучению уделяют внимание как отечественные методологи (Л. Я. Дорфман, Е. В. Левченко, В. С. Степин и др.), так и зарубежные специалисты, издающие с 1995 г. журнал «Foundations of Science»,

посвященный обсуждению фундаментальных понятий, принципов, предположений и нерешенных проблем как традиционных дисциплин, так и недавно возникших междисциплинарных областей.

Целью данной статьи является изучение трансформации оснований научной психологии, понимаемой как академическая и прикладная дисциплина. Анализируются явные и неявные основания психологического знания, их связь со здравым смыслом, жизненным опытом и человеческой интуицией.

Как известно, теоретическое познание направлено на *описание, объяснение и предсказание* процессов и явлений действительности. Для психолога-практика методологическая триада выглядит несколько иначе: *диагностика – прогнозирование – управление*³. В обоих случаях академический и прикладной психологи исходят из целостной модели, опирающейся на основания науки, – идеалы и нормы исследования, в том числе этические; научную картину мира и некоторые философские (метафизические, эвристические) идеи, выраженные в явной или, чаще, в латентной форме. Изобразим трансформацию познания схематически в виде лестницы (рис. 1).

Научное
Философское
Религиозное
Мифологическое

Рис. 1. Лестница познания

Она соответствует концепции трех стадий духовного развития человечества: магия, религия, наука, предложенной Дж. Фрээрером. Согласно его теории, на «магической» стадии развития люди верили в возможность произвольно изменять окружающий мир по своей воле, однако на практике убедились, что это не так, и стали считать, что мир подчиняется всемогущим богам и сверхъестественным силам, затем преобладало мнение о том, что мир управляется «законами природы», познав которые, можно управлять им. При этом переход от «низшей» стадии к «высшей», согласно Дж. Фрээреру, характеризуется почти полным отказом от предшествующих идей: магия почти полностью исчезает на «религиозной» стадии, а религия – на «научной».

Ранее иерархия основных наук была предложена в классификационной схеме О. Контом (рис. 2).

Социология
Биология
Химия
Физика
Астрономия
Математика

Рис. 2. Лестница наук

Эта схема выражает в логической форме исторический процесс становления и развития научного знания, его эволюционную динамику, постепенный переход от простого к сложному, от низшего к высшему, от общего к специфическому. Выделение наук по остаточному, генетическому принципу позволяет предположить, что существует некоторая преемственность в трансформации оснований различных наук и применяемых ими методов. В частности, можно говорить о параллельном (совместном) смещении границ наук: вследствие экспансии нижележащих наук в пограничные области расположенных выше смежных наук как верхняя, так и нижняя границы каждой науки смещаются в сторону более сложно организованных объектов и, как минимум, можно утверждать, что *нижележащие науки влияют на основания вышележащих смежных наук*⁴.

Превращение фактов обыденной жизни в миф было основано на *принципе антропоморфизма*, следы которого сохранились в современном языке: мы говорим, что дождь идет, небо хмурится, а листва шепчет. Ж. Пиаже изучил сходные особенности представлений маленьких детей об окружающем мире: неразделенность мира и собственного «Я», анимизм и артификализм. *Мифологические основы познания обеспечивали целостную картину мира, единство рационального и эмоционального, знания и переживания, утраченные позднее*. В современном обществе миф, как правило, находится вдали от мировоззренческого центра, но нередко используется метафорически.

В отличие от *монологического* мифологического познания, религиозное познание в монотеистических религиях имеет *лично-диалогический* характер. М. Бубер утверждал, что любое отношение «Я – Ты» возможно лишь потому, что существует Бог как Вечное «Ты»⁵. Значительную часть культуры современного общества можно интерпретировать как совокупность секуляризованных форм религиозной веры и практик. В частности, психологическому познанию природы, общества и человека предшествовала целостная религиозная картина мира. Принятые многочисленными социальными общностями *религиозные догматы, как правило, выражались в явном виде*, например, таковы золотое правило нравственности и десять заповедей (Декалог)⁶. *Явное, детальное описание исходных символов веры требовалось для эффективной организации жизнедеятельности религиозных сообществ*. Вторая особенность оснований религиозного познания заключается в *неизменности базовых постулатов веры* на протяжении длительного времени.

Главной особенностью философского знания, по сравнению с религиозным, является его рационально-теоретическая форма. Согласно

теории рациональности М. Вебера, ее возникновение, становление и развитие связаны с освобождением человека от магических суеверий, рационализацией мировых религий, минимизацией догматики и ритуала, расколдовыванием религиозной картины мира. Вместо *образа и символа*, характерных для мифа, философия предложила рациональные *понятия, категории и термины*. *Радикальное изменение формы при возникновении философии сопровождалось минимальными изменениями содержания*. Отметим, что в качестве компенсации за утрату некоторых достоинств мифологического и религиозного подходов в современной психологии, исходя из того, что «образ в контексте моделирования равен по значимости абстрактному понятию или даже вытесняет его»⁷, создание *моделей-в-понятиях* и *моделей-в-образах* рассматривается не только как метод исследования, но и как способ репрезентации известного психологического знания, создания *психологии-в-моделях*, основанной на синтезе научного знания с мифологическим, религиозным и художественным.

Несоответствие рациональной формы представления знания его традиционному содержанию было преодолено рождением, становлением и успехами науки Нового времени. Анализ Л. М. Косаревой исходил из того, что «традиционалистский тип этики исполнения готовых норм-заповедей эффективен в условиях относительной социальной стабильности, в условиях существования устойчивого уклада жизни. Переходные эпохи, разрушающие стабильный порядок, традиции, делают человека, ориентированного только на исполнение готовых моральных предписаний, беспомощным перед лицом социальной неопределенности, беспорядка, хаоса» и обосновывал, что становление науки Нового времени было связано с формированием новой этики, этики Фауста в противоположность средневековой этике Гретхен⁸. Для начала XXI в. характерно систематическое движение по лестницам познания (см. рис. 1, 2) не только в направлении «снизу вверх», но и «сверху вниз».

Основания современной психологии, ее базовые от-refлексированные (явные) и неот-refлексированные (неявные) представления о том, как устроен мир человека и как его можно познавать, можно рассматривать в сопоставлении со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией, а их критерием адекватности служит прогресс теоретического знания и прикладных технологий.

Явные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. В психологии исходной базовой посылкой является явное и очевидное утверждение о существовании у человека души, внутреннего мира: «мало кто из взрослых людей сомневается

в наличии у себя субъективной реальности: переживаний, чувств, мыслей, снов»⁹, а во введениях учебников для начинающих прибегают к определению, которого стыдятся: «Психология – наука о психике», и о котором вскоре «забывают», как о ненужном. Через два года после завершения «Принципов психологии» У. Джемс написал о том, что в основе психологии лежит «глубоко укоренившийся предрассудок, будто мы обладаем состояниями сознания, а мозг наш обуславливает их существование»¹⁰. В настоящее время первый вариант ассоциируется с непримиримыми противоречиями между психологами различных школ по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. (Явные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции).

Явные основания науки противоречат здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Фр. фон Хайек сформулировал парадоксальную мысль: «Науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать»¹¹. На первый взгляд, она обесценивает предмет психологии. Однако ему вторит создатель концепции личностного (или неявного) знания М. Полани: «Из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие»¹². Истоки этого направления развития науки в мировоззренческом плане связаны с созданием Коперником гелиоцентрической системы мира (на одном из памятников ему написано: «Остановивший Солнце – сдвинувший Землю»). Автор теории, противоречащей жизненному опыту людей, понимал, какой нелепостью должно было показаться его учение современникам, но был уверен в том, что предложил не просто удобную математическую модель для астрономических расчетов, но истинное описание реального мира. Многими учеными подход Коперника, Галилея, Ньютона, Эйнштейна и Бора считается универсальным, общезначимым и относящимся не только к физике. Призыв К. Левина к переходу от аристотелевского способа мышления к галилеевскому был услышан психологами, понят, но по различным причинам не был принят и не реализован до сих пор. Желая использовать достижения естественных наук и вписать психологию в общую научную картину мира, К. Левин ощутил недостаточность галилеевского и ньютоновского мышления и наметил переход от атомистического способа мышления Галилея–Ньютона к полемому мышлению Бора–Эйнштейна. Он разработал теорию «психологического поля», привлек аппарат топологии и векторных репрезентаций для решения психологических

проблем, однако подвергся обоснованной критике и, надо признать, не добился на этом пути убедительных результатов. Среди современных последователей К. Левина назовем Я. Вальсинера и Л. Рудольфа.

Неявные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Этот вариант преобладает в психологии. Как следствие, перевод написанных в рамках этого подхода трудов с научного языка на житейский нередко показывает тривиальность разработанных теорий. Ч. Миллс, проанализировав ряд учебников, показал, что в основе представлений их авторов – социологов и социальных психологов – о социализации лежит мораль жителя небольшого американского города¹³. Систематическое использование неявных оснований в психологии затрудняет различение между идеальными конструктами и реальными событиями (явлениями). Возможно, что вопрос об отношении души и тела (как и другие известные в психологии дуализмы и параллелизмы) является не научной проблемой, а культурно обусловленной, касающейся связей между идеальным конструктом (душа) и реальной вещью (тело) и основанной на вере в возможность развития науки, базирующейся на анализе аналогий, метафор и мифов, а не конкретных событий. Заслуживает внимания вопрос о том, предоставляет ли психология, построенная на таком основании, что-то новое по сравнению со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией. Н. Смит предложил иерархическую модель системы постулатов для десяти различных систем психологии. В основании иерархии лежат *протопостулаты* – общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом. Выше них расположены *метапостулаты* – допущения, относящиеся к конкретной науке, и *постулаты* – допущения, относящиеся к предмету изучения и делящиеся на имплицитные, полужексплицитные и эксплицитные¹⁴. Важный аргумент «за» третий подход представляет практика, когда вступает в противоречие с соображениями здравого смысла, жизненного опыта и интуицией. Д. Майерс утверждает, что психология нужна для того, чтобы отделить ошибки хиндсайта (hindsight bias – феномен «я знал это!») от реальности¹⁵.

Неявные основания науки противоречат здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Нам не удалось обнаружить примеры теорий, опирающихся на такого рода основания, в академической науке. Возможно, они имеются в области псевдонауки, лженауки, паранауки, квазинауки, постулирующей существование сверхъестественных явлений и сил: «торсионных», «тонких», «биоинформационных» полей, «энергии ауры», экстрасенсорных способностей, не признаваемых современной наукой.

Примечания

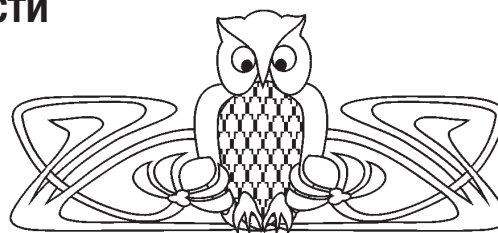
- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 112.
- ² Wallis S. E. The Structure of Theory and the Structure of Scientific Revolutions: What Constitutes an Advance in Theory? // *Cybernetics and Systems Theory in Management: Tools, Views, and Advancements*. Hershey, 2009. P. 151–174.
- ³ См.: Суходольский Г. В. Математическая психология. Харьков, 2006. С. 351.
- ⁴ См.: Имянитов Н. С. По «лестнице наук» – к искусству // *Философия науки*. 2003. № 4 (19). С. 4.
- ⁵ См.: Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. 132 с.
- ⁶ Лёфевр В. А. Алгебра совести. М., 2003. 426 с.
- ⁷ Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М., 2001. С. 11.
- ⁸ Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 20.
- ⁹ Психология XXI века. М., 2003. С. 7.
- ¹⁰ Цит. по: Хант М. История психологии. М., 2009. С. 190.
- ¹¹ Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003. С. 39.
- ¹² Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 21.
- ¹³ См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 7.
- ¹⁴ См.: Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003. С. 350–355.
- ¹⁵ См.: Майерс Д. Социальная психологи. СПб., 1996. С. 40–46.

УДК 316.647

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А. В. Гуслякова

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ann-gusl@yandex.ru

В статье представлены итоги исследования межэтнических отношений в двух приграничных районах: полиэтничном районе России и моноэтническом районе Казахстана. Рассматриваются социально-психологические факторы и особенности личности, связанные с выраженностью этнической толерантности / интолерантности.

Ключевые слова: этническая толерантность, этническая идентичность, социальная дистанция, этнический стереотип, этническое большинство / меньшинство.

Features of Ethnic Tolerance of Residents of Frontier Areas of Russia and Kazakhstan

A. V. Guslyakova

This article presents results of the study of interethnic relations in two border areas: polyethnic area of Russia and monoethnic area of Kazakhstan. The social psychological factors and peculiarities of personality examined and correlated with the manifestation of ethnic tolerance / intolerance.

Key words: ethnic tolerance, ethnic identity, social distance, ethnic stereotype, ethnic majority / minority.

Реальная практика межэтнического взаимодействия в России и ближнем зарубежье последних десятилетий, распад СССР и последующие межэтнические конфликты как в пределах

России, так и по ее периметру заставили специалистов-гуманитариев обратиться к проблеме этничности и этнической толерантности¹. Представляют интерес межнациональные отношения в районах, находящихся на границе России и стран ближнего зарубежья. В нашей статье рассмотрены два района, разделенных Российско-Казахстанской границей: Палласовский район Волгоградской области и Жанибекский район Западно-Казахстанской области. Первый относится к исторически сложившимся поликультурным регионам: представители более 60 национальностей и народностей проживают на его территории, русские незначительно преобладают над казахами, кроме того, здесь живут татары, украинцы, немцы, чеченцы и др. Что касается Жанибекского района, то хотя он и расположен в непосредственной близости от Палласовского, его национальный состав значительно отличается от первого: более 90% населения – представители казахской национальности, меньшую численную представленность имеют здесь русские, другие нации практически отсутствуют.

В ходе изучения межэтнических отношений сопоставительному рассмотрению подле-

Разумеется, христианская традиция также максимально антропологична. Статус человека – «по образу и подобию Божьему» – не уступает статусу человека в традиции Дао и в каком-то смысле его превосходит: быть образом и подобием Бога – это более, чем быть равным стихиям неба и земли.

В русской Идее толкование человека и личности тоже максимально антропологично: для В. Соловьёва, например, человек есть становящийся Абсолют (Бог в становлении). Н. Бердяев пишет о «восьмом дне творения», о третьей религиозной эпохе, когда свободный человек добровольно обращается к Богу, чтобы совместно с ним творить «новое небо и новую землю». Не забудем также, что целью «Умного деланья» в исихазме является даже не спасение души, а *энергийное обожение* человека. При этом обоживается не только душа, но целостный состав человеческой реальности, включая и телесную форму.

Таким образом, сравнение Логоса и Дао как соотношения русской Идеи и китайской сакральной традиции представляет вариант своеобразной комплементарности, который ждёт дальнейших компаративистских исследований.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №12-33-09003а).

УДК [1:2] (470)+929 Соловьев

УЧЕНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

А. А. Фурс

Саратовский государственный университет
E-mail: melanchton@mail.ru

В статье исследуется основная тема второго периода творчества выдающегося русского философа В. С. Соловьёва, тема церкви. Следует отметить, что Соловьёв выступал за необходимость единства христианских церквей, причем отчетливо отдавал предпочтение католицизму, именно поэтому к протестантизму он испытывал меньше симпатий.

Ключевые слова: католицизм, православие, протестантизм, христианское единство, догматическое развитие.

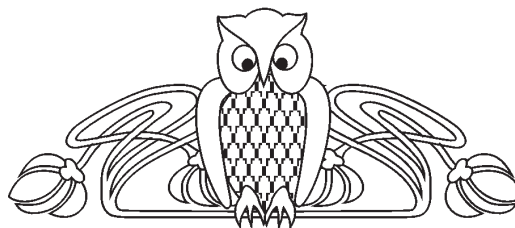
The Doctrine of V. I. Solovjev about the Christian Unity and Protestantism

A. A. Furs

Article considers the theme of church – the main theme of second period of investigation of V. S. Solovjev. It should be noted, that Solovjev

Примечания

- ¹ Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992. С. 352.
- ² См.: Фриауф В. А. Язык. Сознание. Человеческая реальность ... Абсолютно Другое. Саратов, 2005. С. 226–230 ; Фриауф В. А. Первичные имена как синергийный код мировой культуры // Синергия культуры : Тр. Всерос. конф. Саратов, 2002. С. 124–127.
- ³ См.: Флоренский П. А. Имена. М. ; Харьков, 1998. С. 508–509.
- ⁴ См.: Петухов С. В. Бинарные субалфавиты генетического кода и языка культуры // Синергия культуры. С. 24–30.
- ⁵ См.: Аргуэльес Х. Фактор майя : внетехнологический путь. Киев, 2010. 304 с.
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ См.: Фриауф В. А. Русская идея : язык, время, история // Русская идея как выражение традиции : богословие, философия, литература. Саратов, 2011. С. 4–25.
- ⁸ См.: Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.
- ⁹ См.: Чжоу Цзунхуа. Дао Тайцзи-цюаня / пер. с англ. Киев, 1995. С. 133.
- ¹⁰ Там же. С. 159.

appeals to necessary of unite of Christian churches, though throw the handkerchief to Catholicism. Protestantism is the least respectable religion.

Key words: Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, Christian Union, dogmatic development.

В творчестве замечательного русского философа В.С. Соловьёва отчетливо выделяется три этапа: «чисто умозрительный и славянофильский», «церковно-публицистический» и, наконец, «синтетический»; первый хронологически заканчивается началом 1880-х гг., третий начинается в 1990-х¹. Наибольший интерес для нас представляет второй этап, характеризующийся активной публицистической деятельностью философа. Главными темами его многочисленных

журнальных статей становятся церковный и национальный вопросы. Основной идеей, которой пронизаны все его работы этого периода – «Духовные основы жизни» (1882–1884), «История и будущее теократии» (1886), «Русская идея» (1888), «Россия и вселенская церковь» (1889), становится теократическая идея объединения церквей и государств под властью Папы Римского и русского царя.

Оценивая усилия философа по объединению христианских церквей, некоторые авторы считают его апологетом экуменизма. Однако видя невыполнимость в ближайшие десятилетия своего замысла, Соловьев прошел этот путь единения церквей, так сказать, в личной истории, приняв католичество греческого обряда. В середине 90-х гг., по свидетельствам, собранным его племянником С. М. Соловьевым, русский философ тайно принял католичество, к которому всегда был неравнодушен: «В начале 1896 г. Соловьев решился на тайное присоединение к католической церкви. В то время в Москве жил русский католический священник восточного обряда, Николай Алексеевич Толстой, родственник поэта А. Толстого, знакомый Соловьеву по салону С. П. Хитрово. Окончив Московскую духовную академию в сане православного священника, Н. А. Толстой, не без влияния идей В. Соловьева, принял католичество греческого обряда. Соловьев нашел в нем католика, близкого по духу, которому глубокая убежденность в истине католицизма не мешала всем сердцем любить и понимать православную церковь. Толстой имел часовню у себя на квартире в одном из переулков Остоженки. 19 февраля 1896 г., в день памяти Св. Льва Великого, особенно чтимого им римского папы, Соловьев принял причастие из рук о. Толстого. Перед обедней он прочитал Тридентский символ веры»². Вл. Соловьев скрыл этот факт, и поэтому пока нет прямых доказательств его принадлежности в конце жизни к католичеству.

Согласно позиции философа, Восток и Запад в своем разделении утратили полноту Истины и односторонни: «Человечество, входящее в состав Церкви, должно, во-первых, верить в открытую ему сверхчеловеческую истину и, во-вторых, действовать для проведения этой истины в свой человеческий мир. Идеал Церкви – не в слиянии этих двух различных действий, а в их согласовании»³. В этой же работе, «Великий спор и христианская политика», характеристике протестантизма он посвящает отдельный параграф «Папство и папизм. Смысл протестантизма», где находит причину появления протестантизма в перерождении папства в папизм, в попытке подчинить личность не кафоличности Церкви, но жесткой церковной иерархии.

Находит Соловьев и много общего в протестантизме и старообрядческом расколе. В работе

«О расколе в русском народе и обществе» он проводит интересное сопоставление отношения староверов и протестантов к Преданию: «Исходя из желания сохранить неприкосновенными все переданные формы церкви, не различая в них всеобщего и вечного от местного и временного и ставя последнее на место первого, староверие ничего не сохраняет и, теряя важнейшие условия церковной жизни – иерархию и таинства, является лишь отрицанием кафоличности, протестантизм протестантизм личного убеждения <...> И вот, как бы снаружи не отличалось наше староверие от западного протестантизма, оказывается, что основной принцип того и другого один: личное мнение против вселенского определения церкви, частное против целого <...> дело в том, что и западный протестант, и русский раскольник отвергают в видимой церкви именно то, что выше и сильнее отдельного лица, что может действительно исцелить его и реально связать с Богом – ее всецелость и кафоличность церкви»⁴.

Рассуждая о необходимости единства христианских церквей, Соловьев не обходит стороной наиболее болезненный и сложный вопрос о догматических расхождениях православия и католичества. В отличие от официальной позиции христианского богословия, русский философ считает догматические различия не значительными и не существенными. Он утверждает, что «существенное, основное единство Вселенской Церкви, как состоящее в богочеловеческом союзе людей с Христом чрез ту же силу святительства, в той же вере, в тех же таинствах, нисколько не нарушается видимым разделением церковных обществ между собою из-за частных верований и правил»⁵.

Соловьев находит в существовании восточной и западной церквей абсолютизацию двух начал церковной жизни: православие преуспело в «сохранении церковной истины», католичество – в «организации церковной деятельности». Но по сути эти две церкви едины. Исходными точками христианского единства, по мнению философа, должны стать «1) признание существенного единства обеих Церквей во Христе и 2) нравственная потребность и обязанность провести это единство и в чисто человеческие взаимоотношения двух церковных обществ, чтобы Церковь стала единой в мире»⁶.

Но каково здесь место и роль протестантизма? Соловьев оправдывает его появление, относя его протест как к западному, так и к восточному христианству, вступая в заочную полемику с позицией Хомякова, полагавшего, что в соборном начале православной церкви гармонично сочетаются индивидуальное и общинное начала. Он считает, что истина реформационной идеи, которая заключена в личностном начале,

«заслонялась другими церковными началами – преданием на Востоке, авторитетом на Западе. Таким образом, появление протестантизма в христианской истории имело достаточное основание, и с этой исторической точки зрения протестантский принцип личной совести и свободы является как третье начало христианской жизни, равноправное с двумя другими, т. е. с преданием и с авторитетом»⁷.

Высоко оценивая протестантизм, философ отмечает, что, по его мнению, протестанты, отрицая «святительское преемство, догматическое предание и полноту таинств», поставили себя вне Церкви. «Ясно, – уточняет он свой первый тезис о равенстве принципов трех христианских конфессий, – что говорить о “соединении церквей” можно только разумея соединение православных с католиками, ибо такое соединение будет выражением истины, т.е. выражением того единства, которое в существе дела уже есть. В применении же к протестантам термин “соединение церквей” не может иметь никакого смысла, так как протестантская церковь вовсе и не существует и следовательно можно говорить только о воссоединении протестантов с Церковью»⁸.

Но как же быть с различием в догматическом устройении? К обсуждению этого вопроса Соловьев обращается в работе «Догматическое развитие Церкви». Он полагает, что ни добавление к догмату филиокве, ни непогрешимость Папы Римского не отвергнуты ни на одном из семи вселенских соборов, а потому не могут быть однозначно отнесены к нежелательным, и в целом считает догматическое развитие возможным и допустимым, а потому не находит в католических добавлениях к старым догматам и в выработке новых ничего предосудительного.

Единство христианских церквей, с точки зрения философа, лишь начало глобального единства царств небесного и земного. Идеал богочеловеческого устройства жизни представлен русским философом в работе «Россия и Вселенская Церковь»: «Таким образом, Вселенская Церковь (в широком смысле этого слова) раскрывается как тройственный богочеловеческий союз: мы имеем **союз священства**, в котором божественное начало, безусловное и неизменное, преобладает и создает Церковь в собственном смысле этого слова – Храм Бога; мы имеем **союз царства**, в котором преобладает человеческое начало и который образует христианское Государство (Церковь как живое тело Бога); и, наконец, мы имеем **союз пророчества**, в котором божественное и человеческое должны взаимно проникать друг в друга в свободном и обоюдном сочетании, образуя совершенное христианское общество (Церковь как Богоневеста). Нравственная основа союза священства, или Церкви в собственном смысле этого слова, есть вера и благочестие; союз цар-

ства – христианское Государство – покоится на законе и справедливости; начало, присущее союзу пророчества, или совершенному обществу, есть свобода и любовь»⁹.

Русский философ скептически относился к тезису об истинности православной веры, отрицает он и факт краткого периода так называемой симфонии светской и церковной властей в Византии. По его мнению, никакой симфонии властей на самом деле не было: «Обе власти поняли друг друга и подали друг другу руку; они были связаны общей идеей: отрицанием христианства как социальной силы, как движущего начала исторического прогресса. Императоры приняли раз навсегда православие как отвлеченный догмат, а православные иерархи благословили во веки веков язычество общественной жизни <...> Это мнимое православие Византии на самом деле было лишь вогнанной внутрь ересью: истинный центральный догмат христианства есть внутреннее и полное единение божественного и человеческого в нераздельности и неслиянности <...> Отделили религиозное общество от общества светского: первое заперли в монастырях, а fogum предоставили языческим страстям и законам <...> Это глубокое противоречие между исповедуемым православием и практикуемой ересью было началом смерти для византийской империи. В этом истинная причина ее гибели. Она по справедливости должна была погибнуть, и справедливым было и то, что она погибла от руки Ислама. Ислам – это последовательное и искреннее византийство, освобожденное от всех внутренних противоречий. Он представляет открытую и полную реакцию восточного духа против христианства, систему, в которой догма тесно связана с законами жизни, в которой индивидуальное верование находится в совершенном согласии с политическим и общественным строем»¹⁰.

Основное обвинение, которое русский философ предъявлял православной церкви, касалось ее «пассивности» в отношении социальных вопросов. Западная же церковь, по его мнению, напротив, активно участвует в социальной жизни общества, прикладывает усилия к реальному преобразованию общественных нравов: «Монахи святой горы Афона – эти истинные представители восточной Церкви в ее особенности – вот уже долгие века тратят все свои силы на молитву и созерцание несотворенного света фаворского. Они правы, ибо молитва и созерцание несотворенных вещей необходимы для христианской жизни. Но можно ли допустить, чтобы это душевное занятие составляло все в христианской жизни? <...> У нас на Востоке **молящаяся Церковь**, но где у нас **Церковь действующая**, которая бы выступала в качестве духовной силы, безусловно независимой от земных властей? Где на Востоке

Церковь живого Бога, Церковь, в каждую эпоху дающая законы человечеству, определяющая и развивающая формулы вечной истины, дабы противопоставить их непрестанно меняющему свой облик заблуждению? Где Церковь, работающая над преобразованием социальной жизни наций согласно христианскому идеалу и ведущая их к конечной цели творения – свободному и совершенному единению с Творцом?»¹¹

Таким образом, Вл. Соловьевым в религиозной проблематике владела мысль об объединении христианских церквей. При всех попытках представить объективную картину положительных и отрицательных сторон православия, католичества и протестантизма и их взаимодополнительность, очевидны субъективные моменты предпочтений русского философа в оценке христианских конфессий. Наиболее высоко он оценивал опыт католичества, так как считал его значимым в историческом измерении человечества. И именно поэтому протестантизм как реакция на определенные «исторические перегибы» католичества имеет, по мнению русского

философа, лишь вспомогательное, а не самостоятельное значение.

Примечания

- ¹ См.: *Соловьев С. М.* Владимир Соловьев : жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 6.
- ² Там же. С. 318.
- ³ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика // Владимир Соловьев о христианском единстве. М., 1994. С. 47.
- ⁴ *Соловьев В. С.* О расколе в русском народе и обществе // Там же. С. 26–27.
- ⁵ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика. С. 70.
- ⁶ Там же. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 73.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Соловьев В. С.* Россия и Вселенская Церковь // Там же. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 195.
- ¹¹ Там же. С. 202–203.

воззрение специалиста в области физической культуры и спорта как суперсистему, складывающуюся из частных функциональных систем, формирующихся и совершенствующихся в процессе индивидуальной жизни. Полезным приспособительным результатом и системообразующим фактором таких функциональных систем является состояние комфортного пребывания в различных профессиональных условиях, т.е. определения своего места в мире.

Примечания

- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 195.
- ² Там же. С. 195.
- ³ Baily K. D. Methods of Social Research. N.-Y. ; London, 1982. P. 25.
- ⁴ См.: Савельев М. Ю. Формирование личностных ценностей физической культуры у будущих специалистов

сферы образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2008. С. 7–8.

- ⁵ См.: Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. М., 1984. С. 26.
- ⁶ См.: Анохин П. К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопр. психологии. 1974. № 4. С. 21–29.
- ⁷ См.: Судаков К. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 42. С. 93.
- ⁹ Психология : словарь. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. В. Петровского [и др.]. М., 1990. С. 34.
- ¹⁰ Монозон Э. И., Рогова Р. М. Методологические и теоретические проблемы формирования коммунистического мировоззрения школьников. М., 1984. С. 13–18.
- ¹¹ Швырев В. С., Юдин Э. Г. Мировоззренческая оценка науки : критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973. С. 5.

УДК 1(470) (091)

ЛОГОС И ДАО: ОТ МЕТАФИЗИКИ ДО АНТРОПОЛОГИИ

В. А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В статье сопоставляются первичные имена традиции Логоса и числовая матрица контртрадиции. К лестнице первичных имён, согласно авторской гипотезе, принадлежит также метафизическая и одновременно антропологическая метафора Дао. Логосцентристская русская Идея и китайская традиция Дао – каково их подлинное соотношение? Герменевтическое прояснение метафизики и антропологии этих традиций составляет содержание предлагаемой статьи.

Ключевые слова: Логос, Дао, археограмма мировой культуры, первичные имена, матрица числовых репрезентаций, русская Идея, И цзин – Книга Перемен.

Logos and Tao: from Metaphysics to Anthropology

V. A. Friauf

The article compares the primary names in Logos tradition and numeric matrix of antitradition. Tao as a metaphysical and also anthropological metaphor, according to the author's opinion, belongs to primary names' ladder. How does logocentric «Russian idea» relate to the Chinese tradition of Tao? Hermeneutic clarification of metaphysical and anthropological content of these traditions is the maintenance of the article.

Key words: Logos, Tao, archeogramma of the world culture, primary names, numeric matrix representations, Russian idea, I Ching – Classic of Changes.

Итак, если Логос и Дао имманентны миру, то предназначены выполнять какую-то функцию. Скажем, Логос – цель Бытия, его реализация – бытие в Истине: идеальный порядок, Космос, когда всем хорошо. А Дао – Путь к этой цели; следуя Дао, проходя цикл за циклом, «мир идет к Добру», или к реализации собственной Энтелехии. Но Цель и Средство едины, вместе, сообща выполняют мировой замысел, т.е. они не противоречивы, дополняют друг друга: если Логос – жизнь согласно Разуму (Ноосфера), то Дао – средство ее достижения. Потому Дао и называют «моральным законом», от которого нельзя отступить ни на шаг ни вправо, ни влево¹. Цитату из книги Т. П. Григорьевой я привожу уже потому, что эта книга – чуть ли единственная в России работа, в которой посредством философского анализа сопоставляются такие, казалось бы, далёкие друг от друга традиции, как античный принцип Логоса и китайская духовная традиция, которую принято номинировать малопонятным термином – Дао. Вместе с тем можно специально отметить: в этой статье мало общего с идеями книги Григорьевой – у нас разные методологические принципы анализа и, соответственно, разные теоретические результаты.

Целью моей работы является сопоставление метафизики и антропологии логоцентричной русской Идеи и даоцентричной китайской культурной традиции. Методология суть не что иное, как мировоззрение в действии. Теоретические идеи, взятые как инструментальный для получения нового знания, мы именуем методологическими принципами исследования. В этой связи для реализации цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

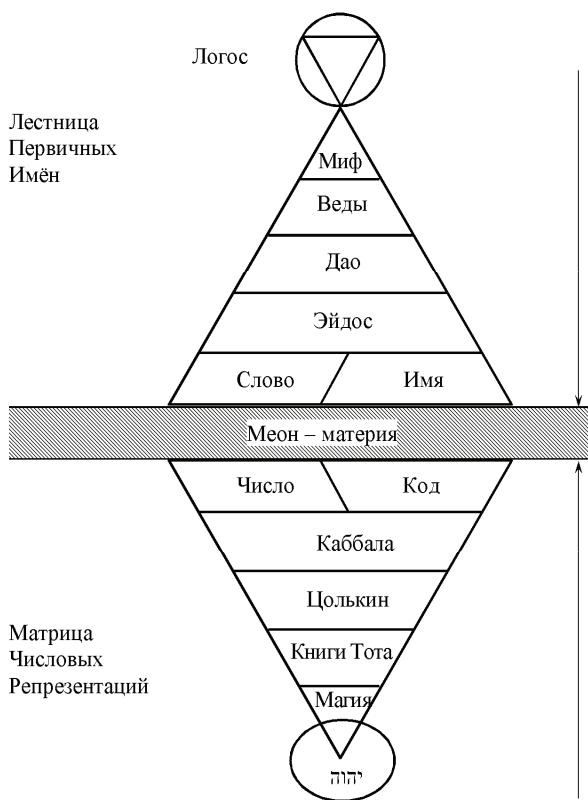
1) *истолкование схемы археограммы мировой культуры в качестве методологии настоящего исследования;*

2) *сопоставление метафизических оснований русской Идеи и китайского принципа Дао;*

3) *антропологические следствия Логоса и Дао.*

В качестве методологического принципа для реализации цели своей статьи я предлагаю краткое истолкование понятия «археогрaмма мировой культуры», более подробное толкование представлено в моих предыдущих статьях и монографиях².

Рассмотрим графическую схему как исходный пункт такого истолкования (рисунок).

Археогрaмма мировой культуры

Схема археограммы мировой культуры демонстрирует два центра: первый обусловлен метафизической трансценденталией Логоса, второй – метафизической трансценденталией

Тетраграмматона. Традиция Логоса формирует свою манифестацию в виде так называемых первичных имён, контртрадиция Тетраграмматона – в виде матрицы числовых репрезентаций. Имя и Число, стало быть, являют собою не что иное, как два основных онтологических принципа. На это обстоятельство, кстати, обратил внимание гениальный русский мыслитель Павел Флоренский³. Заимствуя у «русского Леонардо» формулировку данных онтологических принципов, я придаю им иное толкование, так же как термину *первичные имена*, введённому А. Лосевым.

Итак, схема представляет манифестацию двух метафизических трансценденталий. То, что на схеме указано в качестве двойной разделительной линии и маркировано как «меон-материя», суть иное название космической реальности. Мы видим, что на космическую реальность с противоположных сторон воздействуют и Логос, и Тетраграмматон посредством лестницы первичных имён и матрицы числовых репрезентаций.

Следующий аналитический шаг – это лестница первичных имён и её соотношение с матрицей числа как онтологического принципа. Существует бинарная оппозиция между элементами лестницы первичных имён и элементами матрицы числовых репрезентаций, между Книгой Перемен и «календарём» Цолькин у классических майя. И эта связь требует объяснений и обоснования.

Такое обоснование существует в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов: рассматривает связь И цзин с другими артефактами С. В. Петухов⁴. Из зарубежных авторов наиболее продуктивно разъясняет эту связь Х. Аргуэльес, его труды можно считать приоритетными⁵.

Прежде всего, вызывает интерес в этой бинарной оппозиции соотношение именного и числового начал. Ведь традиция Дао (см. рисунок) принадлежит лестнице первичных имён, являясь её своеобразной ступенью, в то время как цивилизация классических майя с её «календарём» Цолькин (как показали исследования Аргуэльеса, Цолькин – более чем календарь) – это форма проявления матрицы числовых значений. На это указано в работах Аргуэльеса, который обозначает Цолькин как матрицу 13 на 20 – тринадцать основных чисел и двадцать символов, которые символизируют также числовые значения.

Аргуэльес, сопоставляя И цзин и Цолькин, приходит к выводу, что в китайской Книге Перемен зашифрован код жизни (С. В. Петухов убедительно продемонстрировал, что гексаграммы Книги Перемен структурно идентичны генетическому коду человека), в то время как Цолькин дополняет тайну жизни числовым кодом природы света как такового. «Ицзин, – поясняет Аргуэльес, – основан на наборе двоичных математических перестановок, на которых базируется

также и то, что я называю “чистой” прогрессией майянских числовых гармоник, – на числовой последовательности 2, 4, 8, 16, 32, 64. В привычном нам виде *Ицзин* представляет собой совокупность возможных парных сочетаний восьми символов (триграмм), каждый из которых состоит из трёх черт – разорванных или сплошных. Сдвоенные триграммы образуют 64 возможных перестановки со сложным символическим значением, состоящих из шести черт (гексаграммы). Для сравнения, Цолькин основан на сочетаниях тринадцати чисел и двадцати символов, или Священных Знаков, то есть образует 260 возможных перестановок, каждая из которых представляет собой комбинацию одного из тринадцати чисел, одного из двадцати знаков и одного из четырёх направлений»⁶.

Таким образом, будем полагать установленным и доказанным, что бинарная оппозиция связывает две удалённых друг от друга – темпорально и географически – традиции Дао и майянского фактора. Дао выражает собою культурную форму манифестации одного из первичных имён, расположенных на логоцентристски фундированной лестнице первичных имён, в то время как Цолькин, или *майянский фактор*, выражает собой одну из форм числовых репрезентаций контртрадиции Тетраграмматона.

Далее необходимо установить подлинное соотношение метафизических оснований *русской Идеи* и китайской традиции *Дао*. В какой-то мере сделать это труднее, нежели обосновать рассмотренную выше закономерность, обусловленную бинарной оппозицией лестницы первичных имён и матрицы числовых репрезентаций.

В своё время, исследуя сущностное содержание русской Идеи, я пришёл к выводу, согласно которому спецификой русской Идеи является попытка русских мыслителей продумать связь конкретного национально-исторического содержания (и того, что Н. Бердяев именовал «судьбой России») с метафизическим измерением русской Идеи. Ведь термин «Идея» в данном случае основан на платоновском толковании идей-эйдосов как «ликлов подлинного бытия» (А. Лосев)⁷.

Следовательно мы вправе сделать первые выводы обобщающего характера: ведь Дао, как отмечено ранее, является одной из ступеней манифестации Традиции Логоса, или – лестницы именитства. Русская Идея, в свою очередь, также суть не что иное, как форма репрезентации одной из ступеней той же лестницы именитства, расположенной следом за *Эйдосом* и номинированной сочетанием «Слово – Имя». Было указано на платоновский извод термина «Идея» в выражении «русская Идея». Пора пояснить смысл прилагательного – «русская», обусловленный происхождением русской духовной традиции, в силу её характерной связи с Православием из сочетания «Слово – Имя». Византийский след,

т. е. преемственность античной греческой мысли и восточно-христианского толкования смысла христианской Благой вести здесь хорошо заметен и много раз был продуман в исследованиях по истории русской философии и русского богословия.

И всё-таки как обстоит дело в случае сопоставления таких ступеней лестницы именитства, как Дао и Слово–Имя? И ещё конкретнее – какова реальная связь (если таковая имеется) между обусловленной принципом Дао китайской духовной и культурной традициями и той, которая выражена русской Идеей? Быть может, прав Ф. М. Достоевский, когда, определяя национальную особенность русской души, указал на её универсальность, на её вселенский характер? Не вступая в спор с великим русским писателем и мыслителем, хотелось бы подчеркнуть: даже если это наблюдение верно, в данном случае оно нам ничего не даёт. Возможная корреляция Логоса и Дао в связи с русской Идеей ждёт более конкретного истолкования.

Для такого истолкования придётся вновь привлечь внимание читателя к бинарной оппозиции «имя – число». Нетрудно заметить в этой связи, что, хотя Дао как форма манифестации традиции Логоса является ступенью лестницы именитства, в знаменитой «Книге Перемен», как показывают исследования, есть отчётливое нумерологическое содержание, т. е. выражение числового начала. Именно поэтому, И цзин и связан по принципу бинарной оппозиции с такой нумерологической системой, как Цолькин. Следовательно, в дополнение к ранее отмеченному соотношению принципов имени и числа необходимо добавить не замеченные ранее моменты.

Прежде всего, приоритет имени в традиции Логоса не означает, что *числа* здесь вовсе нет, как и наоборот, приоритет числа в контртрадиции не означает, что *имени* здесь нет, зато их сущностная природа функционально явлена весьма отличными друг от друга способами. Уместно напомнить, что А. Лосев трактует число, помимо прочих его сущностных моментов, как «*нерасцветшее имя*». Напротив, в культурах и культурах матрицы числовых значений само имя толкуется как *числовой идентификатор*.

В случае с Дао мы можем напомнить, что Конфуций определяет целью своих усилий вовсе не нумерологические изыскания, а принцип «исправления имён» (чжоу мэнь). Составители же Цолькин преследуют совсем иную цель: не именовать (верно или неверно) тайну жизни и тайну света, а выстроить числовую матрицу связи всего существующего с Хунаб Ку – своеобразным живым и разумным ядром галактики. Понятно при этом, что само число у майя понимается и трактуется отличным от китайской традиции способом: И цзин подчиняет число «исправлению имён», Цолькин – имена числовым закономерностям.

Далее: внутри самой традиции Логоса также происходит распределение функций в способах подчинения чисел именам. Прежде всего, здесь уместно вспомнить идею А. Лосева о различении абсолютной мифологии и относительной. Лестница первичных имён есть выражение абсолютной мифологии, или, что то же самое, выражение подлинной онтологии – бытия, Сущности как таковой. Что же касается проекций первичных имён в меоническую онтологию, то понятно, что любые именованья здесь уже не сами первоимена, а всего лишь их символы-метафоры. Миф, Веды, Дао, Эйдос, Слово – символы и метафоры, ибо, по тонкому замечанию Лосева, первичные имена не хуляются материей имязвучия (или материей письменного знака).

Следующий момент обусловлен тем, что символы абсолютной мифологии, по замечанию А. Лосева, суть одновременно категории абсолютной диалектики⁸. Отсюда происходит диалектическое распределение функций в лестнице первичных имён и в их меонических проекциях. Например, Веды акцентируют момент Знания как формы доступа к тайнам Священного. О Дао, напротив, можно сказать словами Лао Цзы: «Кто знает – не говорит, кто говорит – не знает». В эйдетически обусловленной античной культуре действует принцип: знать – значит видеть. В Ведах, напротив, самое знание есть *шрути* – услышанное. В даосской традиции покой, недеяние (У Вэй) есть основа достижения успеха во всякой внешней активности. Тут мы неожиданно обнаруживаем в качестве диалектической оппозиции исихастскую традицию «Умного деланья». У даосов знание – это не деятельность ума, да и не знание является целью, а поворот вспять потоков энергий – от сущего к Уцзи (беспредельному ничто). В исихазме, напротив, *умная молитва* есть условие достижения синергии, т. е. соединения тварной, человеческой энергии и энергии нетварной, Божественной. *Недеяние* в традиции Дао – путь к успеху в любом виде внешней деятельности – от боевого искусства до искусства начертания иероглифов. В исихазме, напротив, первая часть «Умного деланья» называется *праксис*, и эта практическая увертюра есть условие достижения *Феории* – Боговидения, которое есть созерцание Божественного света в состоянии полного безмолвия и покоя.

Мы сопоставляем Дао и русскую Идею. Почему же здесь возникает традиция афонского монашества – исихазм? Потому, что Афон есть духовный центр Православия, а русская Идея – детище именно Православия в его русском варианте. Следовательно, соотношение даоцентричной китайской традиции и *имялогоцентричной* русской Идеи вполне правомерно рассматривать в приведённом выше варианте.

Метафизика есть осознанное и философски отрефлексированное понимание отношения с трансцендентным истоком бытия. А как обстоит дело с антропологической составляющей традиции Дао и русской Идеи? В китайской мыслительной традиции метафизическую трансценденталию, которую мы именуем *Логосом*, следовало бы номинировать как *Уцзи* (трудно переводимый на индоевропейские языки термин, который не имеет однозначного эквивалента в западной метафизике: это и «предельное ничто», и такое ничто, которое одновременно есть потенция всякого бытия). Чжоу Цзунхуа, автор трактатов, исследующих китайскую традицию, отмечает, что Уцзи как начало Тай-Цзи (великого Предела) и есть Дао⁹.

В то же время необходимо подчеркнуть, что смысловое значение Уцзи, несмотря на его подобие греческому термину Логос (в нашем случае этот термин имеет уже не греческий, но отчётливо христианский смысл в качестве одной из ипостасей Пресвятой Троицы, а именно – Бога Слова), не тождественно смысловому содержанию Логоса как принципа. Отличительной особенностью даоцентричной китайской традиции является способность совмещать в одном понятии такие моменты, которые в любой другой традиции, и прежде всего в западной метафизике, обязательно потребуют четкой терминологической артикуляции и различения. В этом аспекте термин Уцзи, несмотря на его отчётливое метафизическое значение, является также и сугубо антропологическим определением: в топологической проекции на человеческое тело Уцзи имеет точную ориентировку, которую китайская традиция, впрочем, обозначает как *Дантянь*¹⁰. Дантянь – это Уцзи, взятое в антропологическом смысле. Метафизика и антропология: то, что в случае западного стиля мышления требует не только терминологического различения, но и строгого философского отграничения (антропология согласно такому различению есть учение о человеке и потому никак не может быть метафизикой), то в случае китайской мыслительной традиции и особенной китайского языка, который принадлежит не к индоевропейскому семейству языков, но к сино-тибетской языковой группе, всё обстоит иначе. А именно: человек как таковой вполне онтологичен и даже метафизичен: он – одна из трёх равновеликих сил. *Небо, Земля и Человек* – равновеликие силы, если они даоцентричны, если они следуют Дао. Графически эта ситуация изображается в Книге Перемен либо триграммой (где верхняя линия обозначает Небо, нижняя – Землю, а срединная – Человека), либо тремя окружностями, одна из которых белая (верхнее Яо) и обозначает Небо, вторая – чёрная (нижнее Яо) – Земля, а третья, срединная (среднее Яо), и есть обозначение Человека, соединяющая чёрный и белый.

Разумеется, христианская традиция также максимально антропологична. Статус человека – «по образу и подобию Божьему» – не уступает статусу человека в традиции Дао и в каком-то смысле его превосходит: быть образом и подобием Бога – это более, чем быть равным стихиям неба и земли.

В русской Идее толкование человека и личности тоже максимально антропологично: для В. Соловьёва, например, человек есть становящийся Абсолют (Бог в становлении). Н. Бердяев пишет о «восьмом дне творения», о третьей религиозной эпохе, когда свободный человек добровольно обращается к Богу, чтобы совместно с ним творить «новое небо и новую землю». Не забудем также, что целью «Умного деланья» в исихазме является даже не спасение души, а *энергийное обожение* человека. При этом обоживается не только душа, но целостный состав человеческой реальности, включая и телесную форму.

Таким образом, сравнение Логоса и Дао как соотношения русской Идеи и китайской сакральной традиции представляет вариант своеобразной комплементарности, который ждёт дальнейших компаративистских исследований.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №12-33-09003а).

УДК [1:2] (470)+929 Соловьев

УЧЕНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

А. А. Фурс

Саратовский государственный университет
E-mail: melanchton@mail.ru

В статье исследуется основная тема второго периода творчества выдающегося русского философа В. С. Соловьёва, тема церкви. Следует отметить, что Соловьёв выступал за необходимость единства христианских церквей, причем отчетливо отдавал предпочтение католицизму, именно поэтому к протестантизму он испытывал меньше симпатий.

Ключевые слова: католицизм, православие, протестантизм, христианское единство, догматическое развитие.

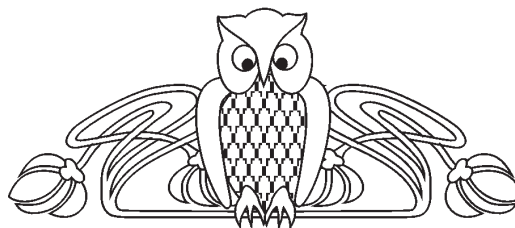
The Doctrine of V. I. Solovjev about the Christian Unity and Protestantism

A. A. Furs

Article considers the theme of church – the main theme of second period of investigation of V. S. Solovjev. It should be noted, that Solovjev

Примечания

- ¹ Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992. С. 352.
- ² См.: Фриауф В. А. Язык. Сознание. Человеческая реальность ... Абсолютно Другое. Саратов, 2005. С. 226–230 ; Фриауф В. А. Первичные имена как синергийный код мировой культуры // Синергия культуры : Тр. Всерос. конф. Саратов, 2002. С. 124–127.
- ³ См.: Флоренский П. А. Имена. М. ; Харьков, 1998. С. 508–509.
- ⁴ См.: Петухов С. В. Бинарные субалфавиты генетического кода и языка культуры // Синергия культуры. С. 24–30.
- ⁵ См.: Аргуэльес Х. Фактор майя : внетехнологический путь. Киев, 2010. 304 с.
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ См.: Фриауф В. А. Русская идея : язык, время, история // Русская идея как выражение традиции : богословие, философия, литература. Саратов, 2011. С. 4–25.
- ⁸ См.: Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.
- ⁹ См.: Чжоу Цзунхуа. Дао Тайцзи-цюаня / пер. с англ. Киев, 1995. С. 133.
- ¹⁰ Там же. С. 159.

appeals to necessary of unite of Christian churches, though throw the handkerchief to Catholicism. Protestantism is the least respectable religion.

Key words: Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, Christian Union, dogmatic development.

В творчестве замечательного русского философа В.С. Соловьёва отчетливо выделяется три этапа: «чисто умозрительный и славянофильский», «церковно-публицистический» и, наконец, «синтетический»; первый хронологически заканчивается началом 1880-х гг., третий начинается в 1990-х¹. Наибольший интерес для нас представляет второй этап, характеризующийся активной публицистической деятельностью философа. Главными темами его многочисленных

- ⁵ См.: Платон. Филеб : в 3 т. СПб., 2007. Т. 3. С. 46
- ⁶ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон, М., 2000. С. 534.
- ⁷ См.: Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 55.
- ⁸ Аникин Д. А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2007. № 12. С. 166.
- ⁹ См.: Krantz G. S. Brain Size and Hunting Ability in Earliest Man // Current Anthropology. 1969. Vol. 9, № 8. P. 450–451.
- ¹⁰ Ницше Ф. Весёлая наука : соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 675.
- ¹¹ Луговая Е. К. Танец как язык и миф // Вестн. МГУ. Сер. 6. 1991. № 3. С. 54–57.
- ¹² См.: Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре // Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 12.
- ¹³ См.: Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 16.
- ¹⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 27.
- ¹⁵ См.: Морина Л. П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург. 28–30 ноября 2001 г. СПб., 2001. С. 123–124.
- ¹⁶ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 10–11.
- ¹⁷ См.: Байбурина А. К. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ Ницше Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 564–565.
- ¹⁹ См.: Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 33.
- ²⁰ См.: Козлов В. В., Гиришон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб., 2006. С. 22–23.
- ²¹ См.: Семенов Ю. И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. 2005. № 3/4. С. 74–78.
- ²² См.: Ассман Я. Указ. соч. С. 95–96.
- ²³ Лосев А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 351.
- ²⁴ Амашукели А. В. Эстетика танца // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве : перспективы нового века / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 10 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 10–13.
- ²⁵ Сент-Экзюпери А. Цитадель. М., 2003. С. 79.

УДК 37.01

СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Е. В. Тяглова

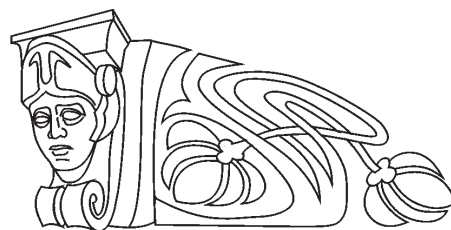
Волгоградская государственная академия физической культуры
E-mail: tiaglova@mail.ru

Статья посвящена специфике гуманитарной парадигмы в исследовании профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта. Формирование профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта предполагает образование функциональной системы на основе ценностей физической культуры: здоровья, тела, движения, которые будут выражаться во всех сферах бытия. **Ключевые слова:** гуманитарность, профессионализм, мировоззрение, система, ценности.

Specific Character of Humanitarian Paradigm in the Study of Professional World View of Expert in the Field of Physical Culture and Sports

E. V. Tyaglova

This article is dedicated to specific humanitarian paradigm in the study of professional ideology of expert in physical culture and sports. The

forming of professional ideology of expert in physical culture and sports supposes the formation of a functional system based on values of physical activities: health, body, movement, which will be shown in all spheres of life.

Key words: humanitarian, professionalism, world view, system.

В последние годы вопрос о педагогических парадигмах (как о самом понятии, так и о количестве парадигм и их содержательных характеристиках) является одним из важнейших предметов обсуждения среди учёных-педагогов. Согласно точке зрения Т. Куна, под парадигмами понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Он же утверждает: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, – вся совокупность убеждений,

ценностей, технических средств и т.д.»² По образному высказыванию К. Бейли, «парадигма – это ментальное окно, через которое исследователь рассматривает мир»³.

В современной педагогике дискутируется вопрос о том, можно ли относить понятие парадигмы к образовательной практике и понимать под ней подход к проектированию образовательных систем, базовую модель или стратегию образования. Принимая возможность такой трактовки, мы остановимся на понимании гуманитарной парадигмы как особой модели научно-исследовательской деятельности (в этом аспекте понятие парадигмы соотносимо с понятием методологии).

Исследователи волгоградской школы гуманитарно-целостного подхода выделяют три парадигмы – традиционную, гуманистическую и гуманитарную. Основанием для их выделения является понимание места человека в мире, аспекты его бытия – социальный, индивидуально-психологический и духовный.

Исследование феномена «профессиональное мировоззрение специалиста в области физической культуры и спорта» на протяжении многих лет остаётся актуальной проблемой, имеющей ярко выраженный педагогический аспект. В современной педагогической науке предпринимается попытка изучить более глубоко вопрос формирования профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта, однако анализ многочисленных исследований по данной проблеме приводит нас к выводу, что еще не выявлен в полной мере педагогический смысл данной категории, содержательные характеристики этого феномена.

Ранее в педагогических исследованиях проблема формирования профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта освещалась как неотъемлемая часть идеологического и политического воспитания. Такая тенденция прослеживается в научных трудах при рассмотрении традиционной парадигмы воспитания (Ю. К. Бабанский, И. Ф. Харламов, Б. Т. Лихачев, И. П. Подласый, Г. И. Школьник, Э. И. Моносзон, Р. Правдик, Р. М. Рогова). При этом акцент делался на вооружении студентов прочными философскими основами диалектического материализма, правильной ориентации в вопросах внешней и внутренней политики, усвоении духовно-нравственных ценностей, выработке научного сознания. Такое понимание феномена профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта, на наш взгляд, обедняет содержание этого понятия и существенно ограничивает круг педагогических средств, направленных на формирование этого мировоззрения.

Профессиональное мировоззрение специалиста в области физической культуры и спорта

в гуманистической парадигме (О. С. Газман, Р. А. Арцишевский, М. Г. Ашманис, А. С. Богомолов, Э. В. Ильенков, А. А. Касьян, Е. И. Кукушкина, В. М. Гайдулина, Е. П. Бельчикова, Р. Г. Мухамедзянова, В. И. Петрова, Н. И. Монахов) преимущественно понимается как область нравственного, эстетического и политического сознания.

Телесное бытие людей порождается той или иной физической деятельностью, теми ценностями, которые в качестве векторов направлены на физическое совершенство. Личностные ценности физической культуры – это выработанные в межсубъектном опыте и принятые смыслы главных атрибутов физической культуры в форме личностных ориентиров в профессиональной и других видах деятельности⁴.

Основным ценностным ориентиром гуманитарной парадигмы выступают отношения как проявление подлинно человеческой сущности, как то, что придаёт устойчивость бытию человека в мире (в отличие от знаний – в традиционной парадигме и умений – как способа самореализации человека в гуманистической парадигме). Основным лозунгом гуманитарной парадигмы является «воспитание человеческого в человеке», т.е. помощь человеку в становлении такой системы отношений к самому себе, к миру и с миром, которая помогает ему обрести смысл собственного бытия. В этой связи основными понятиями гуманитарной парадигмы выступают «ценности» и «смыслы». Для нашего исследования важно отметить следующие ключевые моменты данной парадигмы:

– формирование профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта предполагает образование функциональной системы на основе ценностей физической культуры: здоровья, тела, движения, которые будет выражаться во всех сферах бытия; именно доминирующая мотивация «вытягивает» в аппарате акцептора результатов действия весь накопленный опыт до конечного, удовлетворяющего лежащую в основе потребность результата, создавая определенную модель или программу поведения⁵;

– признание в качестве ведущей функциональной системы общечеловеческих ценностей: Добра, Истины, Красоты и др.; иерархия функциональных систем включает прежде всего иерархическое взаимодействие результатов их действия, когда результат деятельности одной системы входит в качестве компонента в результат деятельности другой⁶;

– эмоциональный характер формирования, который выражается, прежде всего, в проявлении богатой палитры в различных сферах бытия; эмоции как субъективные переживания возникли в ходе эволюции для обеспечения наиболее успеш-

ного и быстрого удовлетворения потребностей организма, что позволяет надежно и адекватно оценить свои внутренние состояния и возникшую потребность и быстро выстроить адекватную форму реагирования⁷;

– умение общаться (взаимодействовать) с другими, быть с Другим в диалоге; рефлексии при встрече с другими.

Все вышесказанное обуславливает необходимость и актуальность разработки новых перспективных направлений в системе формирования профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта, это и является проблемой исследования. В ходе её решения нами были выявлены противоречия между:

– потребностью современных учреждений физической культуры и спорта в специалистах, обладающих сформированным профессиональным мировоззрением, и недостаточной готовностью выпускников решать социодидактические задачи профессиональной деятельности;

– интегративной природой профессионального мировоззрения и отсутствием научно-методического обеспечения и системного знания по его формированию;

– объективно растущей потребностью в создании обучающимися образовательного маршрута для определения своего места в профессиональном мире и низким развивающим потенциалом традиционной вузовской системы.

Целью исследования является разработка концептуального замысла и методического инструментария, условий и средств формирования профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта. В качестве инструментального исследовательского подхода в рамках гуманитарной педагогической парадигмы выступает гуманитарно-целостный подход (Н. К. Сергеев, Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, Л. М. Лузина и др.), предполагающий выявление содержательных характеристик (структуры и функций) профессионального мировоззрения. Философско-антропологическое понятие сущностных характеристик человека находит свое отражение в смысле бытия. Смыслом обладает только человеческий мир. Отсутствие смысла означает отсутствие целей и сознательного контроля. Человек «делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания»⁸ и является субъектом по отношению к себе, к своей деятельности. Применение данного подхода позволило нам выявить функции феномена, одной из них является устойчивость. Это теоретически и эмпирически обоснованная готовность к социально ценным действиям по реализации определенной идеи, обеспечивающая защиту от фрустрирующего и стрессогенного воздействия трудных ситуаций. Поведение субъекта

с устойчивым мировоззрением осуществляется по схеме: задача – актуализируемый ею мотив – осуществление действий, ведущих к его реализации – осознание трудности – негативная эмоциональная реакция – поиск способа преодоления трудности – понижение силы отрицательных эмоций – улучшение функционирования (и сопутствующая ему оптимизация уровня возбуждения). Устойчивость мировоззрения обеспечивает каждому индивиду полноценное включение в жизнь общества, самовыражение и самореализацию. Плодотворные результаты достигаются там, где есть стремление человека быть в обществе других людей (аффилиация), в связи с этим мы выделяем в мировоззрении функцию аффилиации.

Аффилиация – возбуждение не только разума, но и чувства, не оставляющее человека безразличным к судьбам других людей, мира. «При этом общество других людей позволяет личности проверить избранный способ поведения и характер реакций на сложную и опасную обстановку»⁹. Взаимодействуя с окружающим миром, человек определенным образом относится к нему, испытывает какие-либо чувства к тому, что вспоминает, воображает, о чем думает.

Мировоззрение – не разрозненные знания, а их система, которая отражает, насколько возможно, структуру современного научного знания, организуется вокруг и на основе методологических идей, теорий и принципов. Усвоенные студентами системы знаний находятся в постоянном движении, соотносятся с другими, перестраиваются в соответствии с задачами познания и конкретного применения. Для того чтобы знания переросли в убеждения, органически вошли в общую систему взглядов, доминирующих потребностей, они должны проникнуть в сферу чувств и переживаний.

Эмоциональные переживания могут происходить с различной силой: чем они интенсивнее, тем устойчивее формируется система знаний о мире и своем месте в нем. В свою очередь, ярко выраженная функция устойчивости мировоззрения определяет более высокий уровень возбуждения не только разума, но и чувств. Положительное эмоциональное состояние побуждает обращаться к своему личному опыту, соотносить полученные с ним знания, осмысливая их. При этом выделяется такая функция мировоззрения, как гуманитаризация, которая понимается нами как создание и совершенствование научной картины, привнесение в мировоззрение моральных правил, принципов, в которых обобщен нравственный опыт человечества. В основе лежит диалектико-материалистический способ отбора и упорядочения информации. Данная функция привносит в мировоззрение идеи гуманизма, позволяющие осмыслить и гармонизировать взаимоотношения между природой, обществом и человеком. Про-

явление этой функции позиции предполагает движение от непосредственного, чувственного постижения действительности к абстрактному, понятийному мышлению с последующим восхождением от абстрактного к конкретному. Таким образом, предмет постигается глубоко и всесторонне, на основе социокультурного наследия. При этом обнаруживается связь с функцией аффилиации. Чем более эмоционально постигается определенный предмет, тем более гуманитаризованной становится в сознании учащегося научная картина мира. Благодаря этому вскрываются взаимосвязи между явлениями, определяющими данный объект со всех сторон, что способствует повышению устойчивости мировоззренческой позиции. Формируются систематизированные, целостные представления о закономерностях развития природы, общества, человека, которые являются основой научного понимания мира и человека в нем, что «предусматривает усвоение требований общества к нравственному облику человека, моральных правил, принципов, в которых обобщен нравственный опыт человечества, критериев истинности морали, способов познания и оценки нравственных явлений»¹⁰.

Выбор значимой информации в образовательной и житейской деятельности приводит к обобщению и нравственной оценке получаемых знаний, определению образцов поведения и, в итоге, к постановке жизненных целей, что соответствует функции ориентации профессионального мировоззрения. Эта функция формирует у субъекта систему представлений о цели, плане и средствах осуществления предстоящего или выполняемого действия, определяет оценочную деятельность. Именно устойчивые ценности человека выражают ориентацию и характеризуют его в человеческом плане.

Отношения субъекта основаны на понимании человека как высшей ценности и направлены на удовлетворение его потребностей: познавательных, эстетических, практических, оценочных. При достаточном проявлении функции гуманитаризации ориентация проявляется в многообразных отношениях к человеку, обществу, к духовным ценностям, к деятельности на основе принципов гуманизма. Эмоциональный характер таких отношений приводит к осознанию своей значимости, признанию важности своей деятельности, что, в свою очередь, способствует самоутверждению, устойчивости мировоззренческой позиции.

Ценностные ориентации субъекта определяют направления поиска собственного поведения, способного удовлетворить его потребности, побуждают к действию, поддерживают его, заставляют преодолевать препятствия, что соответствует функции регуляции. В. С. Швырев и Э. Г. Юдин выделяют влияние данной функции на

рационально-логическую сферу мировоззрения: при возможном проектировании полученного «научкой результата на свой внутренний мир» он обретает «не только объективное, но и субъективное значение»¹¹.

Функция регуляции определяет развитие у студента элементов самокритичности, самовоспитания и саморегуляции поведения: он выясняет объективные, социальные последствия возможных вариантов своей деятельности, стремится понять, что может дать эта деятельность ему лично, насколько она соответствует его мировоззренческим ценностям, т. е. каково его место в этом мире, в какой деятельности в наибольшей степени раскроются его индивидуальные способности. Субъект, овладевая целостным представлением о мире, где его система взглядов опирается на единство сознания и переживания, осуществляет выбор поступка, той или иной линии поведения.

Механизм регуляции имеет несколько фаз: возникновение побуждения и постановка цели; стадия обсуждения и борьбы мотивов; принятие решения; исполнение. Побуждение желания действовать порождает борьбу мотивов (если желания непомерны) и приводит к принятию решения. Для принятия решения субъекту необходимо: наличие разумных оснований для осуществления акта; сила внешних обстоятельств, определяющих шкалу мотивов; темперамент. Заключением данного процесса является исполнение. Принять решение – это не значит сиюминутно его исполнить. При яркой выраженности функции регуляции на этой стадии осуществляется планирование, определяется успешность и скорость исполнения. В стрессовых ситуациях эмоциональное напряжение частично снижает проявление функции регуляции, но сохраненные в сознании обстоятельства ситуаций, последовательность событий и собственные действия способствуют проявлению соответствующего поведения.

Наряду с определенной автономией исследуемые функции тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены. Функция аффилиации возбуждает не только разум, но и чувства. Функция гуманитаризации высвечивает пространство восприятия научных знаний и личностных ценностей физической культуры. Функция ориентации определяет выбор образцов поведения и постановку жизненных целей. Функция регуляции регулирует рационально-логическую сферу мировоззрения и трансформирует поведение в соответствии с выбранными образцами. Функция устойчивости является качественным показателем мировоззренческой позиции и наиболее ярко проявляется в отстаивании правильности своего выбора.

Выделение данных функций позволяет конкретно определить профессиональное миро-

воззрение специалиста в области физической культуры и спорта как суперсистему, складывающуюся из частных функциональных систем, формирующихся и совершенствующихся в процессе индивидуальной жизни. Полезным приспособительным результатом и системообразующим фактором таких функциональных систем является состояние комфортного пребывания в различных профессиональных условиях, т.е. определения своего места в мире.

Примечания

- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 195.
- ² Там же. С. 195.
- ³ Baily K. D. Methods of Social Research. N.-Y. ; London, 1982. P. 25.
- ⁴ См.: Савельев М. Ю. Формирование личностных ценностей физической культуры у будущих специалистов

сферы образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2008. С. 7–8.

- ⁵ См.: Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. М., 1984. С. 26.
- ⁶ См.: Анохин П. К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопр. психологии. 1974. № 4. С. 21–29.
- ⁷ См.: Судаков К. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 42. С. 93.
- ⁹ Психология : словарь. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. В. Петровского [и др.]. М., 1990. С. 34.
- ¹⁰ Моносзон Э. И., Рогова Р. М. Методологические и теоретические проблемы формирования коммунистического мировоззрения школьников. М., 1984. С. 13–18.
- ¹¹ Швырев В. С., Юдин Э. Г. Мировоззренческая оценка науки : критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973. С. 5.

УДК 1(470) (091)

ЛОГОС И ДАО: ОТ МЕТАФИЗИКИ ДО АНТРОПОЛОГИИ

В. А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В статье сопоставляются первичные имена традиции Логоса и числовая матрица контртрадиции. К лестнице первичных имён, согласно авторской гипотезе, принадлежит также метафизическая и одновременно антропологическая метафора Дао. Логосцентристская русская Идея и китайская традиция Дао – каково их подлинное соотношение? Герменевтическое прояснение метафизики и антропологии этих традиций составляет содержание предлагаемой статьи.

Ключевые слова: Логос, Дао, археограмма мировой культуры, первичные имена, матрица числовых репрезентаций, русская Идея, И цзин – Книга Перемен.

Logos and Tao: from Metaphysics to Anthropology

V. A. Friauf

The article compares the primary names in Logos tradition and numeric matrix of antitradition. Tao as a metaphysical and also anthropological metaphor, according to the author's opinion, belongs to primary names' ladder. How does logocentric «Russian idea» relate to the Chinese tradition of Tao? Hermeneutic clarification of metaphysical and anthropological content of these traditions is the maintenance of the article.

Key words: Logos, Tao, archeogramma of the world culture, primary names, numeric matrix representations, Russian idea, I Ching – Classic of Changes.

Итак, если Логос и Дао имманентны миру, то предназначены выполнять какую-то функцию. Скажем, Логос – цель Бытия, его реализация – бытие в Истине: идеальный порядок, Космос, когда всем хорошо. А Дао – Путь к этой цели; следуя Дао, проходя цикл за циклом, «мир идет к Добру», или к реализации собственной Энтелехии. Но Цель и Средство едины, вместе, сообща выполняют мировой замысел, т.е. они не противоречивы, дополняют друг друга: если Логос – жизнь согласно Разуму (Ноосфера), то Дао – средство ее достижения. Потому Дао и называют «моральным законом», от которого нельзя отступить ни на шаг ни вправо, ни влево¹. Цитату из книги Т. П. Григорьевой я привожу уже потому, что эта книга – чуть ли единственная в России работа, в которой посредством философского анализа сопоставляются такие, казалось бы, далёкие друг от друга традиции, как античный принцип Логоса и китайская духовная традиция, которую принято номинировать малопонятным термином – Дао. Вместе с тем можно специально отметить: в этой статье мало общего с идеями книги Григорьевой – у нас разные методологические принципы анализа и, соответственно, разные теоретические результаты.

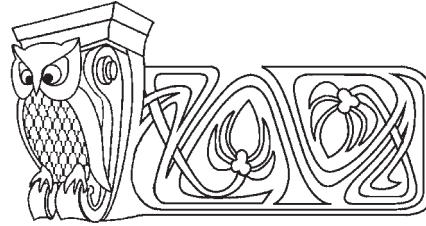

УДК 316:1

РИТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТАНЦА В МИФЕ КАК ПЕРВИЧНОЙ ФОРМЕ БЫТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Е. М. Сердешнов

Саратовский государственный университет
E-mail: serdeshnov@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению феномена социальной памяти в её социально-историческом становлении. Социально-философский анализ танца как феномена социальной памяти позволяет выявить генетическую взаимосвязь социальности и ритуального танца как важной мнемической формы мифа.

Ключевые слова: коллективная память, тотем, миф, ритуал, танец, коммуникация, социальная философия.

A Ritual Character of Dance in the Myth as a Primary form of Being Social Memory

E. M. Serdeshnov

The article considers the phenomenon of social memory in its socio-historical formation. Social-philosophical analysis of dance as a social phenomenon of memory reveals a genetic relationship of sociality and ritual dance as an important mnemonic form of the myth.

Key words: collective memory, totem, myth, ritual, dance, communication, social philosophy.

В современном мире всё отчетливее проявляются такие деструктивные тенденции, как распад коллективных ценностей, утрата идентичности. Общество, болезненно реагируя на эти явления, обращается к прошлому, к памяти. Исчезновение корней, разрушение традиций вызвали к жизни новые представления о механизмах памяти в жизни общества¹. «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти», – пишет А. Мегилл, упоминая о сегодняшней «мемориальной мании»². В данной работе мы обратимся к истокам становления социальности, анализируя их на примере ритуального танца в мифе как первичной форме бытия социальной памяти.

Рождение социальности фиксирует нетождественность человека и природы. Запас «прочности» бытия появляется в результате отношения к прошлому как социальной памяти, первым этапом которой был тотемизм. Рассматривая этапы исторической динамики социальной памяти, В. Б. Устьянцев считает, что в знаке-тотеме первобытная коллективность выражает своё происхождение, образуется прообраз усложненных форм идентичности. Более универсальной формой становится миф. Исследователь отмечает, что «духовная матрица тотемно-магической памяти

становится важнейшим средством приобщения человеческого существа к коллективным человеческим нормам. Привлекая для этих целей самые различные мнемические вехи – ритуальные танцы, магические обряды и другие магические действия, древний человек все дальше отдалялся от животных инстинктов, становился общественным существом»³.

Жизнь первобытного человека органически включена в природные космические ритмы, поэтому она отчетливо подразделяется на дневную и ночную. День – это время господства практического сознания, дневная жизнь проходит в мире рациональной деятельности; для первобытного человека она более или менее понятна и поэтому относительно безопасна. Ночная темнота – время тревоги, одиночества, сомнения, иррационального страха (и страха смерти в том числе). Темнота воспринимается как переход из «своего» мира в потусторонний. Опыт освоения опасной области, преодоления трудностей стал тем психологическим и социальным механизмом, который помог адаптироваться к неизвестному, полному опасностей ночному миру. Опыт этот ценился, сохранялся и передавался через миф. Соединя реальное и сакральное, миф позволил «приручить» ночной страх, объяснить непонятное, найти смысл и причину его появления с помощью привычных образов. Так выстраивается следующий смысловой ряд – *память, воображение, воскрешение*⁴.

Традиционная модель мифологии выражена в учении об эйдосах Платона. Она представляет собой идею «воспоминания» и связанные с ней – потустороннего мира, бессмертной души, некогда воочию созерцавшей вечные эйдосы, а ныне, находясь в земной оболочке, смутно о них припоминающей⁵. «Воспоминание» в данной модели, по мнению А. Ф. Лосева, основано на символическом понимании, поскольку вся действительность воспринимается как отражение вечных идей⁶. Миф может рассматриваться как обосновывающая история, воссозданная воспоминанием, которую рассказывают, чтобы объяснить происхождение настоящего⁷. Будучи первым историческим типом мировоззрения, миф

воспроизводит исходную потребность людей в единстве человеческого сообщества как непрерывном условии существования. Миф о «начале» является носителем и хранителем социально значимой информации. И наоборот, «социальные отношения выступают хранителями социальной памяти в том смысле, что именно они продуцируют определённые ценностные установки, способствующие переработке индивидуального опыта в социально значимую информацию»⁸. С усложнением родовых форм жизни возникает новая информационная матрица социальной памяти – мифологическая память.

Способность древнего человека к устной речи была ограничена. До тех пор, пока чувства не облакаются в слова, человек, подобно всем приматам, привлекает внимание к своему настроению с помощью лимбической системы. Древний человек не скажет «мне страшно», но он наглядно покажет, что испуган. Реакции, связанные с гневом, страхом, голодом, сексуальным желанием, берут своё начало в эволюционно древней подобласти в структуре мозга – эмоциональном центре, который первобытный человек использовал гораздо шире, чем современный. Он имеется у всех позвоночных, в том числе и у человека. Именно отсюда получают импульсы эмоции, сопутствующие этим реакциям и требующие выхода вовне⁹. Возникает потребность в новых средствах общения. До появления речи и письменности люди могли общаться друг с другом и окружающим их миром лишь с помощью жеста, мимики, междометий, телодвижений. Таким образом, язык тела можно считать одним из первых коммуникативных средств первобытного человека: «Не только язык служит мостом между одним человеком и другим, но и всякий вообще взгляд, нажим, жест...»¹⁰

Согласно гипотезе Н. Я. Марра о древнем языке жестов, танец понимается как телесный язык, средство коммуникации, возникшее у человека из потребности в общении. Источником танца является исторически первая форма языка – «всеобщий телесный жест», способный выполнять одну из основных функций языка – хранение и передачу системы ценностей общества¹¹. В первобытном танце язык тела являлся высшей формой выражения внутреннего опыта, поиска, единства с собой и божественным началом. Находясь в единстве с природой, первобытный человек через собственное тело воспринимал, проживал, выражал планетарные и космические ритмы, с помощью обрядов и ритуалов входил в контакт с высшими духовными силами, ощущая себя при этом частью космоса. Основной темой ритуалов является творение мира, установление различного рода правил и схем и, в первую очередь, – систем родства и брачных отношений¹². Воспроизведение в ритуале акта творения актуализирует саму структуру бытия,

придавая ей символичность и семиотичность, и служит гарантией безопасности и процветания рода¹³.

Как часть ритуала танец становится средством общения с высшими духовными силами, носителем и хранителем священных правил, табу и запретов, приобретая сакральный смысл. Отношение к танцу священное, важен не только танец, но и его происхождение, т. е. миф, рассказывающий о том, как он осуществлялся в первый раз. «Мы снова будем танцевать в утрашение демонам. Если мы не знаем, откуда идет танец, не будем об этом говорить. Если нам неизвестно происхождение танца, нельзя его исполнять»¹⁴. Миф и танец имеют родственную психологическую связь, поскольку танец помогает выразить то эмоциональное состояние, которое соответствует определённому мифологическому образу¹⁵. С помощью рисунка танца, с помощью движений и жестов, соответствующих тому или иному божеству, древние люди сообщая воскрешали в памяти священные для них мифические персонажи или события. Для культуры, которая основывается на запоминании и припоминании, первостепенное значение имеют мнемонические знаки¹⁶ и символы, которые образуют своего рода мнемоническую решётку. Различные мнемонические средства (в том числе ритм, звук, мелодия), перебрасывая «мостики» между различными элементами культуры, связывают и организуют её¹⁷.

Память первобытного человека была ориентирована в основном на воспроизведение уже имеющейся информации. Для увеличения её объёма, включения новой информации необходимы были специальные семиотические средства фиксации и хранения. Благодаря своей ритмической основе танец, таким образом, может рассматриваться как мнемоническое средство, позволяющее первобытному человеку сохранять, воспроизводить и расширять объём информации. Определённые виды танцев благодаря своей ритмической основе могли бы усиливать кульминационные точки ритуала, образуя тем самым мнемоническую решётку. Ницше, указывая на особую роль ритма и танца, пишет: «Даже мудрейший из нас оказывается при случае в дураках у ритма, хотя бы уже в том одном, что мысль ощущается им более истинной, когда она обладает метрической формой и приходит с божественным приплясом»¹⁸.

В первобытном обществе существовали различные виды танца – охотничьи, военные, тотемные, обрядовые. Поводы к танцам и их сюжеты диктовались самой жизнью. Среди первобытных танцев преобладали ритуальные, военные. Они были своеобразной репетицией ожидаемых событий, в которой оттачивалось военное мастерство, достигалась необходимая внутренняя концентрация. Д. Фрезер отмечает, что танец вселял в во-

инов силу, придавал им мужество и сопутствовал удаче¹⁹. Существовало также разделение танца по гендерному признаку: например, женщины исполняли ритуальные танцы возрождения животных, плодородия, танцы змей, птиц, мужчины – тотемические, охотничьи и военные танцы. Женский обрядовый танец состоял из различных колебательных и вращательных движений бедрами, животом и всем телом, при этом ноги почти не отрывались от земли. Основу мужских танцев составляли высокие прыжки, удары ног о землю и движения, аналогичные *coitus*²⁰.

Ритуальный танец служил тем организованным и «огороженным» пространством, где под присмотром возвратившихся из нижнего мира предков совершалось магическое соединение женского и мужского. Там происходило пересечение пространства и времени, возврат в нулевое время и начальное пространство для совершения обрядов, направленных на непрерывное возобновление жизни. Это – центр, требующий многократно усиленной сексуальности как наглядного утверждения жизни и ее воспроизводства во всем благополучии. Воспроизводство жизни людей и животных представлялось реально достижимым через магию искусства. Танец являлся неизменным атрибутом различных празднеств, в которых особое значение здесь имел тотем. Облачаясь в шкуры тотемных животных, люди подражали их действиям. Во время исполнения тотемических плясок возникало чувство единства, идентичности членов данной группы с животными тотемного вида²¹. Одна из функций праздника – воскрешение в памяти прошлого, где обосновывается идентичность группы, которая вспоминает. Группа сохраняет свою идентичность только благодаря памяти. Основу групповой памяти составляет комплекс знаний, обеспечивающих идентичность, объективированных в символических формах: мифах, законах, орнаментах, скульптурах и, конечно, танцах. Совершая в очередной раз обряд по строго установленным правилам, группа как бы возвращается к определённым этапным событиям, таким образом, создаётся представление о временном круговращении. Я. Ассман называет это «принудительностью повторения»²².

Ритуальный танец – это остановка времени, возвращение и реактуализация социального опыта первичной формы солидарности. Вот почему человек очень рано создаёт специальное ритуальное пространство как символ охранно-ограничительной модели вселенной. Таким символом уже с каменного века становится круг или овал – то пространство, которое мыслилось упорядоченным, доступным обозрению и подконтрольным, тогда как за его пределами простиралась область хаоса, неизвестности, тьмы. Эта модель нашла свое выражение в круглой (хороводной) форме

ритуального танца, а также палеолитического жилища, изображения которого сохранились на стенах пещер Франции и Испании (Фон-де-Гом, Бернифаль, Кастиль, Ля-Мут, Альтамира). Эти изображения, получившие название «тектиформы», относят к группе знаков, обозначающих женское начало, внутреннее защищенное пространство, обжитой человеком мир, за пределами которого находится мир враждебный, населенный дикими животными и духами.

На протяжении всей человеческой жизни танец был неотъемлемой её частью. Как сложный социокультурный многофункциональный феномен он и сейчас находится в центре внимания многих исследователей. Древние очень слабо расчленили искусство и ремесло, искусство и умственную деятельность, науку, или «мудрость», как её называли греки. В этой связи А. Ф. Лосев цитирует Анаксагора: «Мы пользуемся своим собственным опытом (*empeiriai*), памятью, мудростью (*sophiai*) и искусством (*technai*) и [таким образом] вынимаем мед из ульев, доим и всяческими способами берем <...> все [полезное для нас]»²³. Разумеется, танец не может претендовать на некую универсальную интерпретацию всех сторон человеческой жизни. Но все же, благодаря особой пластике и выразительности, он глубоко волнует, восхищает человека и в силу воплощенной образной специфики выступает общепонятным средством общения, обеспечивающим трансляцию и аккумуляцию культурных кодов. Не случайно А. В. Амашукели полагает, что «историческое изменение взгляда на танец связано с изменением взгляда на реальность, так как танец – это часть бытия...»²⁴ Танец даёт возможность описать бытие человека при помощи языка телодвижений, являясь универсальным коммуникативным средством, понятным людям всех возрастов и социальных групп. Только танец сближает нас с жизнью, – считает А. де Сент-Экзюпери: «Танец – судьба, танец – жизненный путь»²⁵. Философский анализ социальной памяти в её историческом становлении позволяет выявить генетическое единство социальности и ритуального танца как важнейшей мнемической формы мифа.

Примечания

- ¹ См.: Романовская Е. В. Память и забвение в жизни общества. Саратов, 2011. С. 48–49.
- ² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 138.
- ³ Устьянцев В. Б. Социальная память : этапы исторической динамики // Ученые зап. : сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 100–101.
- ⁴ См.: Ломако О. М. Генеалогия воспитания : Философско-педагогическая антропология. СПб., 2003. С. 215, 221.

- ⁵ См.: Платон. Филеб : в 3 т. СПб., 2007. Т. 3. С. 46
- ⁶ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон, М., 2000. С. 534.
- ⁷ См.: Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 55.
- ⁸ Аникин Д. А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2007. № 12. С. 166.
- ⁹ См.: Krantz G. S. Brain Size and Hunting Ability in Earliest Man // Current Anthropology. 1969. Vol. 9, № 8. P. 450–451.
- ¹⁰ Ницше Ф. Весёлая наука : соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 675.
- ¹¹ Луговая Е. К. Танец как язык и миф // Вестн. МГУ. Сер. 6. 1991. № 3. С. 54–57.
- ¹² См.: Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре // Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 12.
- ¹³ См.: Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 16.
- ¹⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 27.
- ¹⁵ См.: Морина Л. П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург. 28–30 ноября 2001 г. СПб., 2001. С. 123–124.
- ¹⁶ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 10–11.
- ¹⁷ См.: Байбурина А. К. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ Ницше Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 564–565.
- ¹⁹ См.: Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 33.
- ²⁰ См.: Козлов В. В., Гиришон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб., 2006. С. 22–23.
- ²¹ См.: Семенов Ю. И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. 2005. № 3/4. С. 74–78.
- ²² См.: Ассман Я. Указ. соч. С. 95–96.
- ²³ Лосев А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 351.
- ²⁴ Амашукели А. В. Эстетика танца // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве : перспективы нового века / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 10 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 10–13.
- ²⁵ Сент-Экзюпери А. Цитадель. М., 2003. С. 79.

УДК 37.01

СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Е. В. Тяглова

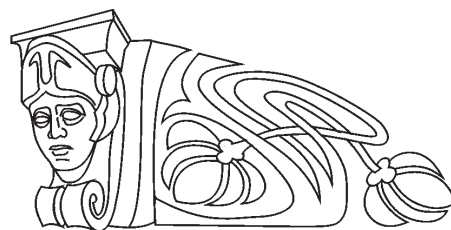
Волгоградская государственная академия физической культуры
E-mail: tiaglova@mail.ru

Статья посвящена специфике гуманитарной парадигмы в исследовании профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта. Формирование профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта предполагает образование функциональной системы на основе ценностей физической культуры: здоровья, тела, движения, которые будут выражаться во всех сферах бытия. **Ключевые слова:** гуманитарность, профессионализм, мировоззрение, система, ценности.

Specific Character of Humanitarian Paradigm in the Study of Professional World View of Expert in the Field of Physical Culture and Sports

E. V. Tyaglova

This article is dedicated to specific humanitarian paradigm in the study of professional ideology of expert in physical culture and sports. The

forming of professional ideology of expert in physical culture and sports supposes the formation of a functional system based on values of physical activities: health, body, movement, which will be shown in all spheres of life.

Key words: humanitarian, professionalism, world view, system.

В последние годы вопрос о педагогических парадигмах (как о самом понятии, так и о количестве парадигм и их содержательных характеристиках) является одним из важнейших предметов обсуждения среди учёных-педагогов. Согласно точке зрения Т. Куна, под парадигмами понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Он же утверждает: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, – вся совокупность убеждений,

Ясно, что при таком знании мировоззренческих приоритетов духовной культуры России со стороны представителей иной культуры, участвующей в межкультурном диалоге, его трудно осуществлять. Реален риск ограничения межкультурного диалога политическим. Но, как известно, политика, осуществляемая на основе марксистской философии, – явление классовое, предполагающее насилие в различных формах. В этой ситуации исходным условием минимизации подобного риска будет глубинное знание мировоззренческих оснований культур народов, тяготеющих к межкультурному диалогу.

Публикация выполнена в рамках проекта «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» при финансовой поддержке гранта РГНФ (№12-33-09003а).

Примечания

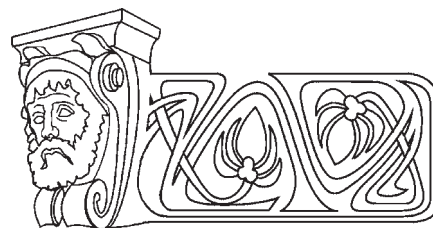
- ¹ Цзя Цзэлинь. Изучение русской и советской философии в Китае // Вопр. философии, 2007. № 5. С. 64.
- ² Ма Иньмао. Русская философия в Китае // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 68.
- ³ См.: Цзя Цзэлинь. Указ. соч. С. 64–65.
- ⁴ Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 72.
- ⁵ Ли Цзинюань. Современное состояние и тенденции развития китайской философии // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же. С. 21.
- ⁸ Там же. С. 21–22.
- ⁹ Там же. С. 23–24.
- ¹⁰ Там же. С. 22–23.
- ¹¹ См.: Ма Иньмао. Указ. соч. С. 72.
- ¹² Там же. С. 68.

УДК 130.2

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Е. В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

В последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». Проблема идентичности обострилась, когда общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. Психологи рассматривали идентификацию в качестве одного из механизмов защиты; ключевую роль во всех проблемах идентичности играют память и традиция.

Ключевые слова: идентичность, память, традиция.

Identity as a Social Phenomenon

E. V. Romanovskaya

In the recent years the real storm of interest to the concept of «identity» is observed. The problem of identity became strained when the society had lost the contact to power of nature and tradition and faced the necessity to make self-dependent decisions. Psychologists considered identification as one of defense mechanism. Tradition and memory play the key role in every problem of identity.

Key words: identity, memory, tradition.

Анализируя проблемы современного общества в контексте феномена глобализации, З. Бауман писал, что в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». По-видимому, никакой иной

аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов, психологов. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Так, по мнению исследователя, теоретические споры вокруг проблем прав человека связывают сейчас напрямую с правом на собственную идентичность, а проблему повседневного поведения – с оформлением, обсуждением и утверждением идентичности¹.

«Идентичность» словари определяют как психологическое представление человека о своём Я, характеризующееся субъективным чувством индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образом, нормой, группой, культурой и т. п.)².

Одно из научных направлений в гуманитарном знании связывает изучение проблемы идентичности с изменением роли традиции в современном обществе. Психологическая составляющая проблемы традиции обнаруживает

себя по мере того как роль традиции меняется и жизнь приобретает новую динамику. Особенно остро это проявляется в эпоху глобализации и общественных рисков. Речь идёт о дилемме между свободой и зависимостью. Там, где традиции ослабевают, человеку приходится жить в атмосфере большей свободы, открытости и самостоятельности. В этом автономном существовании появляются новые проблемы. Общество, «оторвавшееся» от власти природы и традиций, стоит перед необходимостью принимать самостоятельные решения. В развитых странах Запада отмечается зависимость от многих сторон обыденной жизни. Это может быть алкоголь, наркомания, работа, еда, спорт, секс и т.п. Одно из объяснений этого явления предлагает Э. Гидденс. Он понимает зависимость, как «замороженную» самостоятельность. В любом контексте детрадиционализация открывает возможность для большей свободы действий, чем это было прежде. Речь идёт об освобождении человека от ограничений прошлого. Зависимость вступает в действие, когда выбор, который должен определяться самостоятельностью, подрывается беспокойством. В рамках традиции прошлое определяет настоящее через приверженность коллективным убеждениям и ощущениям. Но человек, попавший в зависимость, тоже раб прошлого, однако по другой причине. Он не может порвать с привычками и образом жизни, которые некогда выбрал по доброй воле³. С этим связана популярность психоанализа на Западе с конца XIX в.

Ряд исследователей объясняют идентичность с помощью психоаналитической теории З. Фрейда. Психоанализ З. Фрейда и его научная школа, которые разрабатывали методы лечения неврозов, в сущности, занимались методом обновления идентичности на ранней стадии процесса детрадиционализации. Он также рассматривал идентификацию в качестве одного из механизмов защиты. С сужением сферы влияний традиций в обществе меняется идентификация человека, ощущение себя как личности. Идентичность понимается как отождествление, как одинаковость.

В современной психологии разводят понятия «идентификация» и «идентичность». Идентичность, с точки зрения психосоциального подхода, по Э. Эриксону, понимают как некоторое состояние самоотождествления, а идентификацию – как совокупность процессов и механизмов, ведущих к достижению этого состояния⁴. Идентичность является своего рода эпицентром жизненного цикла каждого человека, формируется в качестве психологической составляющей в юности, и от её качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой жизни. Согласно Эриксону, который исследовал социальное становление личности, человек на протяжении жизни переживает ряд психосоциальных кризи-

сов. Ученый выделяет восемь стадий развития идентичности, на каждой из которых человек делает выбор между двумя противоположными фазами решения возрастных и ситуативных задач развития. Характер выбора влияет на всю последующую жизнь с точки зрения успешности или неуспешности.

Психологи рассматривают процесс формирования идентичности в условиях социального взаимодействия. Эриксон считал, что «формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, <...> посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нём с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него»⁵. Деструктивной альтернативой идентичности, в рамках психосоциального подхода, считается спутанность идентичности. Типичным проявлением этого разрушающего психику явления, этой негативной идентичности является идентификация с криминальными сообществами. Утрата идентичности проявляется в таких негативных явлениях, как отчуждение, деперсонализация, аномия, маргинализация, ролевые конфликты и др.

Можно рассматривать идентичность и как многогранный социальный феномен. Философы пришли к выводу, что мир открывается по-другому, когда нарушается привычный ход вещей: одни из них исчезают или становятся иными. Эта «непредсказуемость вещей», изменение их первоначальной формы, превращение в иное приводят к определённым последствиям. Знание этих свойств вещей побуждает человека мечтать о другой, новой жизни и вселяет уверенность в том, что при мягкости и «гибкости» вещей их можно переделать. Очевидно, быстрый, решительный динамизм современного буржуазного общества был бы невозможен без уверенности человека в себе, в том, что реальности можно сопротивляться. «Как бы то ни было, человеческая природа, некогда считавшаяся прочным и неизменным результатом божественного творения, была брошена вместе со всеми прочими божественными творениями в плавильный тигель. Ничто уже не рассматривалось и не могло рассматриваться как данность. Напротив, каждая сторона жизни стала задачей, причём такой, которая не оставляла человеку иного выбора, кроме как взяться за её решение, прилагая для этого все свои способности. “Предначертанность” сменилась “житейскими планами”, судьба – призыванием, “природа человека”, в каковой он был рождён, – “идентичностью”, за которой необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме»⁶.

Другой подход к идентичности основывается на рассмотрении культуры социальной общности, принадлежность к которой определяется актом соотнесения индивида или группы с этой социальной общностью. Культурологический аспект проблемы идентичности связан с памятью и традицией. Во многих сферах культуры и на различных уровнях засвидетельствованы разрывы в традиции. В гуманитарном знании становятся популярными размышления о социальной и культурной памяти. Культурологи понимают память как «надындивидуальную систему вещных и функциональных средств, которая формируется в недрах социокультурной целостности для хранения, пополнения, свободного выбора из имеющегося запаса и воспроизведения различных форм жизнедеятельности, преобразованных в символические структуры и сохраняемых в таком виде с помощью каких-либо материальных носителей»⁷, мы же можем выделить память индивидуальную и надындивидуальную. В архаических сообществах большое значение имели надындивидуальные формы памяти. Таким образом, память обеспечивала идентичность не только отдельных индивидов, но и сообществ.

Идентичность в таком контексте предполагает наличие некоторой точки отсчёта. Если взять животный мир, то там идентичность жизнедеятельности определяется инстинктами, передающимися по наследству. Никакие живые существа, кроме человека, не нуждаются в точке отсчёта вне их организма: у человека опыт передаётся не биологическим путём, возникает необходимость в искусственных средствах, исполняющих эту роль. Память и является коренным различием между человеком и животным, и это отличие – в способе передачи жизненного опыта. Человек использует для этого специальные, искусственные средства, которые являются культурой.

В контексте социальной памяти можно выделить память автобиографическую, которая, являясь личностно-когнитивной психологической структурой (посредником), преломляет реальное бытие человека в различные формы идентичности⁸. Механизмом формирования и поддержания идентичности служат анализ и ревизия зафиксированных в автобиографической памяти событий жизни. Психологи утверждают, что быть личностью – это значит иметь самоидентичность и свою историю. Автобиографическая память – это инструмент конструирования и детерминации, поддержания этих структур.

Человек осмысливает своё личностное бытие, ощущает целостность своего существования, сохраняет его полноту и значимость вопреки смертности при условии гармонии и в единстве с той или иной культурно-исторической общностью. Сравнивая концепцию Эриксона с философскими установками экзистенциалистов,

можно сделать вывод, что экзистенциальное тождество личности в его концепции является оборотной стороной внешней социальной идентичности, т. е. развивается в соответствии с групповой идентичностью, а не вне ее и не в оппозиции к ней. «Экзистенциальные параметры личности оказываются инвариантом социально-принятого способа организации бытия, в рамках которого индивид должен реализовать свой уникальный личностный потенциал. При этом социально-историческая идентичность группы расценивается её членами как единственно аутентичный, подлинно человеческий способ существования, участие в котором приобщает индивида к высшей реальности и даёт ему гарантию морального бессмертия»⁹.

Если говорить о социальной идентичности в современном обществе, то она трактуется как самоопределение, принадлежность индивидуума к определённой группе (нации, социальному классу, этносу, полу и т. д.). Входя в новые сферы жизни, человек испытывает кризисы идентичности; пытается примкнуть к новой группе идентификации. Поэтому идентичность можно представить как процесс, аналогичный овладению иностранным языком (в отличие от языка родного)¹⁰. Идентификация может быть не только индивидуальной, но и коллективной и выполнять роль эмоциональной связи в группе, обществе, нации. В молодёжной среде она, например, наблюдается между человеком и его кумиром. Аналогичная идентификация возможна и в политических партиях, социальных движениях, национальных объединениях. В традиционном обществе самоидентификация поддерживается за счёт стабильности общества и опоры на обычаи и традиции. С разрушением традиционной основы человек должен сам создавать и воссоздавать свою идентичность.

В контексте социальности идентичность формулируется как результат осознания, рефлексии над прежде неосознанными представлениями о себе, это касается как индивидуальной, так и коллективной жизни¹¹. «Я» являюсь личностью только в той мере, в какой осознаю себя личностью, а группа является «племенем», «народом» или «нацией» только в той мере, в какой она сознаёт, представляет и выражает себя в рамках этих понятий. Между этими определениями существует связь. Можно сказать, что «Я» развивается снаружи вовнутрь. Это происходит в процессе коммуникации в группе, к которой индивидуум принадлежит в результате представлений группы о самой себе. Групповая «Мы»-идентичность имеет приоритет над индивидуальной «Я»-идентичностью. В таком случае идентичность есть социальное явление. «Я»-идентичность воплощается в индивидуальной и личной идентичности. Первая представляет

собой образ индивидуальных черт в сознании, отличающийся уникальностью, незаменимостью. Личная идентичность воплощает все роли и свойства, которые приобретает отдельный человек. Индивидуальная идентичность опирается на биографию, личная идентичность – на общественную востребованность индивида. Оба эти аспекта идентичности социально обусловлены и культурно детерминированы: они возникают в сознании, которое формируется и специфически определяется языком, представлениями, ценностями и нормами данной культуры и эпохи. Таким образом, общество не только противостоит индивиду, но является составляющей его самости. Идентичность, в том числе и «Я»-идентичность – продукт социального конструирования и культурная идентичность¹².

Разница между «Я»-идентичностью и «Мы»-идентичностью в том, что вторая не опирается на «естественную явственность телесного субстрата». Коллективная идентичность носит символический характер и её особенностью является то, что её нельзя считать неизбежной. Коллективную идентичность можно проигнорировать, от неё можно отказаться (эмиграция, смена конфессии). Мы определяем общество и культуру как основные условия человеческого существования, в которых формируется идентичность – всегда личная, но не обязательно коллективная. «Мы понимаем коллективную идентичность как социальную принадлежность, ставшую предметом рефлексии. Соответственно, культурная идентичность – это ставшая предметом рефлексии причастность к той или иной культуре, иначе говоря, признание своей принадлежности к ней»¹³.

Если рассматривать проблему идентичности со стороны коммуникации, то коллективная идентичность зиждется на общем знании, языке, памяти – общей системе символов. Символика воплощается в обрядах, обычаях, орнаментах, костюмах, живописи, еде и, конечно, в языке и текстах. Коммуникация общего смысла порождает чувство общности. Самой важной формой социальной циркуляции смыслов является речь, а средствами формирования идентичности – хозяйство и родство¹⁴.

Для обеспечения идентичности большое значение имеют память и традиция. Традиция, воплощённая в ритуалах, обрядах и обычаях, обеспечивает идентификационную систему общества. Для существования архаического сообщества огромное значение имеет порядок; житейский уклад имитирует и повторяет мировой, космический порядок, который противостоит хаосу и поддерживается при помощи ритуалов социальной и культурной памяти. Я. Ассман

считает, что в бесписьменных обществах задачей обрядов, иначе говоря, «ритуальной коммуникации» является циркуляция и воспроизводство знания, обеспечивающего идентичность. «Ритуальная коммуникация и идентичность тесно связаны в единую систему. Обряды – это каналы, “жилы”, в которых течёт обеспечивающий идентичность смысл, инфраструктура идентификационной системы. Социальная идентичность обеспечивается возвышенной, приподнятой над повседневностью, ритуально организованной коммуникацией. В бесписьменных обществах, а также в таких, которые, подобно Древнему Египту, основывались, несмотря на употребление письма, на “обрядовой когерентности”, когерентность группы опирается на принцип ритуального повторения, причём как в плане синхронии, так и диахронии»¹⁵.

В итоге, можно согласиться, что возрастание интереса к проблеме идентичности может сказать многое о состоянии современного общества, возможно даже больше, чем другие аналитические подходы к его осмыслению.

Примечания

- 1 См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 176.
- 2 См.: Николаев В. Г. Идентичность // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 238.
- 3 См.: Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.
- 4 См.: Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности : содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008. С. 8.
- 5 Эрикссон Э. Идентичность : юность и кризис. М., 1996. С. 32.
- 6 Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 179.
- 7 Пигалев А. И. Память // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 141.
- 8 См.: Нуркова В. В. Память // Общая психология : в 7 т. М., 2008. Т. 3. С. 227.
- 9 Якимова В. Е. Идентичность социальная // Культурология. XX век. Т. 1. С. 241.
- 10 См.: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 308.
- 11 См.: Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 139.
- 12 Там же. С. 141.
- 13 Там же. С. 143.
- 14 См.: Мосс М. Общество. Обмен. Личность : Труды по социальной антропологии. М., 1996 ; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
- 15 Ассман Я. Указ. соч. С. 154.

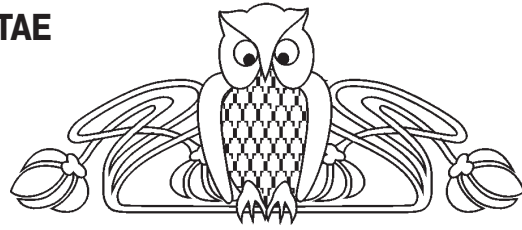

УДК 1(470+510)(09)

ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ И КИТАЕ НА РУБЕЖЕ II–III ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме мировоззренческих оснований межкультурного диалога России и Китая на рубеже II–III тысячелетий; анализируется динамика развития философского процесса в России и Китае в XX – начале XXI столетий, внимание акцентируется на векторной разнонаправленности тенденций, проявляющихся в пространстве философских культур этих стран.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, культура, диалог, политика, марксизм, христианство, традиция, Китай, Россия, буддизм, даосизм, конфуцианство.

Philosophical Process in Russia and China at the Turn of XXI Century

V. P. Rozhkov

The article discusses the problem of the worldview foundations of intercultural dialogue between Russia and China at the turn of XXI century. The author analyzes the dynamic of development of philosophical processes in Russia and China at the beginning of XXI century. The article is focused at the omnidirectional vectors of various trends that appear in the continuum of philosophical cultures of these countries.

Key words: creed, philosophy, culture, dialogue, politics, Marxism, Christianity, tradition, China, Russia, Buddhism, Taoism, Confucianism.

На рубеже II – III тысячелетий деятельность Homo sapiens реализовалась в крайне противоречивой динамике техногенной цивилизации, адресовавшей планетарному сообществу глобальные вызовы виталистического характера. Вполне понятно, что вызовы такого масштаба таят в себе риски соответствующего формата. Прежде всего, это риск глобальной гуманитарно-экологической катастрофы в случае ошибки в искомом ответе.

Думается, что поскольку в основе созидания глобального жизненного пространства проявляется тенденция резкого расширения всех сфер деятельности человека, отчетливо выраженная в создании глобальной системы коммуникации в параметрах информационной фазы цивилизационной динамики, постольку ключевым ответом человечества на глобальный вызов современной истории может быть межкультурный диалог с целью интеграции нравственно-интеллектуальных ресурсов народов, населяющих планету Земля.

В этом плане для современной России в силу ее евразийского геополитического положения особую важность приобретает межкультурный диалог в векторном направлении «Россия – Китай».

Реален ли он? Какие проблемы и противоречия несет в себе взаимодействие культур издавна соседствующих народов? Подобные вопросы возникают неслучайно. Известно, что характер внешней государственной политики правящих кругов рассматриваемых стран только в XX в. менялся неоднократно. Однако, когда речь идет не о политической стороне международных отношений, а о межкультурном диалоге, на первое место выходит проблема не внешних, а внутренних факторов, влияющих на характер рождающихся взаимосвязей между государствами. И среди них, в первую очередь, требует разработки тема мировоззренческих оснований культур, вступающих в диалог, так как мировоззрение представляет ядро сознания индивидуального и социального субъектов культуры.

С учетом этого особое значение приобретает марксизм как философско-мировоззренческое основание организации и развития всех сфер функционирования советской и китайской социальных систем на достаточно длительном отрезке их социокультурного движения. Причем, принимая во внимание историческое доминирование советской интерпретации марксизма-ленинизма в развитии диалектического и исторического материализма до 1990-х гг., можно говорить о его активной роли в распространении марксизма в Китае.

Это подтверждается современными китайскими философами. «В течение XX в. среди зарубежных философских течений, – пишет профессор Цзя Цзэлинь, – наиболее сильное и глубокое влияние на Китай оказала советская философия. Определяющую роль в этом, вне сомнения, сыграли слова Мао Цзэдуна “Орудийные залпы Октябрьской революции принесли нам марксизм-ленинизм, идти по пути русских – таков был вывод” и слова Сунь Ятсена “Россия – как учитель”»¹. Другой исследователь философского взаимодействия СССР и Китая в период 1940–80-х гг. Ма Иньмао считает, что советская философия оказывала влияние на восприятие китайцами не только марксизма, но и западной философии вообще: «Можно не только сказать, что благодаря Советскому Союзу китайцы узнали и усвоили марксизм, – утверждает он, – но и что всю западную философию в целом они тоже воспринимали и изучали под советским влиянием»².

Реконструируя динамику влияния советской философии марксизма-ленинизма, китайские исследователи отчетливо выделяют несколько основных периодов. Показательна в этом отношении периодизация профессора Цзя Цзэляня, одного из известных представителей старшего поколения ученых Китая. Он выделяет четыре периода отношения китайских марксистов к советскому марксизму-ленинизму:

- учеба, усвоение, почитание и копирование (самый ранний период);
- критика и бойкот (1960 – начало 80-х гг.);
- специальное изучение в качестве объекта научного исследования (начало 1980–90 гг.);
- удаление марксизма-ленинизма из сферы научных интересов, переключение внимания на русскую традиционную философию, включая религиозную философию (с 1990-х гг.)³.

Таков взгляд из Китая. С какими процессами в истории советской и постсоветской философии совпадают выделенные периоды?

Начало монополии марксизма-ленинизма с 1920 и до 1990-х гг., как известно, обозначил «Философский пароход» 1922 г., разделивший отечественную философскую культуру на «философию русского зарубежья» и «советскую философию». Утверждение последней в качестве идеологически ориентированного мировоззрения советского человека на начальном этапе, в 1920 гг., не исключило развертывания дискуссии между советскими теоретиками по поводу отношения марксизма к естественным наукам.

Полярные позиции в решении этой проблемы заняли, с одной стороны, «механисты» – Л. Аксельрод, А. К. Тимирязев, И. И. Скворцов-Степанов, А. И. Варьяш, а с другой стороны – «диалектики» – А. М. Деборин, Н. Карев, Я. Стэн и др. Выступая с позитивистских позиций, «механисты» ставили под сомнение отличие философии от естественных наук, в выводах которых ими и усматривалась философия. «Диалектики» сводили философию марксизма к диалектике как учению о развитии и всеобщем методе познания. Дискуссия завершилась в начале 1930-х гг. критикой позиций всех ее участников молодыми философами М. Б. Митиным, П. Ф. Юдиным и В. Рализевичем, вдохновленными И. В. Сталиным. А в 1938 г. сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», включивший очерк «О диалектическом и историческом материализме», обозначил канонизированные положения основных знаний в области марксизма-ленинизма.

Раздвижение идеологических рамок в марксистско-ленинской философии наблюдается с 1960-х гг. Усиливается внимание к диалектической логике. Интересные исследования в этом направлении проводятся Э. А. Ильенковым, Г. С. Батищевым, В. С. Библером, Б. А. Босенко и др. В период 1960–80-х гг. активизируется

разработка проблем в сферах методологии науки (В. С. Степин, А. И. Ракилов, Е. А. Мамчур, В. С. Швырев, В. А. Штофф), гносеологии (В. А. Лекторский, А. М. Коршунов, П. А. Копнин), социальной философии (В. С. Барулин, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, В. М. Межуев, А. К. Уледов), аксиологии (Б. Т. Григорян, О. Г. Дробницкий, М. С. Каган).

В 1970–80 гг. ведется полемика о проблеме сознания. В разворачивающейся дискуссии ставится вопрос о необходимости переноса внимания с решения общих задач по соотношению материи и сознания в свете теории отражения на исследование внутренних механизмов динамики сознания (Н. В. Любомирова, В. И. Толстых), обосновывается возможность осмысления сознания как «идеального» в онтологическом и гносеологическом аспектах (Т. П. Малькова, О. А. Овчинников, В. В. Мархинин). Но происходящее углубление методологических и теоретических положений диалектического и исторического материализма не отрицает монопарадигмальности философского мировоззрения в советском обществе. Конечно, можно отметить самостоятельность философов М. М. Бахтина или М. К. Мамардашвили. В то же время очевидно, что определяющее воздействие на формирование индивидуального и общественного сознания в советский период оказывает марксистская философия.

Кардинальные изменения характера отечественной философии начинают происходить в 1990 гг. В этом десятилетии нарастает динамика философского процесса, что выражается в первых шагах по переходу от монопарадигмального мировоззренческого пространства, векторно ориентированного диалектическим и историческим материализмом, к полипарадигмальному варианту философской культуры. В отечественной философии вновь интенсифицируется развитие двух основных потоков. Представители одного обращаются к освоению открывшегося ареала мировой и, прежде всего, западноевропейской постнеклассической философии, а приверженцы другого – к изучению русской религиозной философии.

Взаимодействие этих направлений приобретает характер острой борьбы. Показательны в этом отношении дискуссии рассматриваемого периода. Они развернулись на международных конференциях, организованных Транснациональным институтом США в Петербурге и Москве в 1991, 1994 гг. и продолжились на Первом российском философском конгрессе 1997 г. (Санкт-Петербург) и международном симпозиуме «Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России» (2000 г., Санкт-Петербург). Представители первого направления негативно восприняли восстановление русской религиоз-

но-философской традиции, обосновывая свою позицию несоответствием идей отечественной религиозной философии содержанию и задачам современного культурно-исторического процесса. Этот мотив отчетливо прозвучал в выступлениях отечественных и зарубежных «западников», считающих, что исторической задачей постсоветской России является ее «возвращение в Европу». Таковы, например, высказывания профессора А. Валицкого (США), который считает, что восстановление роли русской религиозной философии в культурном сознании общества опасно. «Это особенно ошибочно и опасно в философии, – настаивает он, – которая должна все-таки решать философские проблемы современности и не концентрироваться на задаче адекватного воспроизведения архетипов, генотипов и стереотипов...»⁴.

Свои доводы приводят и приверженцы развития русской религиозно-философской традиции. Главный из них состоит в апелляции к духовно-нравственному ресурсу этой философии, интенсификация которого весьма своевременна, так как позволяет решать сложнейшую из современных задач – задачу противостояния массовой моральной деградации, масштабно проявляющейся в России и странах Запада.

Что несет эта борьба двух потоков отечественной философии общественному сознанию современной России? Осваивая постнеклассическую философию, современные российские философы в 1990-х гг. получили возможность углубленного изучения экзистенциализма Ж. П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, феноменологии Э. Гуссерля, герменевтики Ф. Шлеймахера, В. Дильтея, Г. Гадамера, постпозитивизма К. Поппера, Т. Куна, структурализма К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж. Лакана, сциентистских идей У. Росту, Д. Белла, А. Тоффлера, философии культуры Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Ф. Лиотара, У. Эко, идей социальной онтологии Ж. Бодрийяра, Т. Адорно, Д. Лукача, Р. Барта и др. Это позитивно отразилось на расширении методологического и теоретического ресурса отечественной философии.

Но при этом нельзя не обратить внимания на неоднозначность мотивов, которые вносятся постнеклассической философией в общественное сознание. С одной стороны, утверждение информационной парадигмы в структуре современного мышления позитивно воздействует на усиление коммуникативного мотива в культуре сознания. И эта тенденция начинает реально проявляться в ориентации индивидуального и общественного сознания на ценности «диалога», «толерантности», «партнерства».

С другой стороны, принципы нелинейности, неравномерности, неустойчивости ориентируют человека на закономерность хаотического состо-

яния представляющего перед ним «разделенного» на частицы и части мира. Упорядочение «хаоса» снова создает системную целостность – это целостность открытой системы. При таком подходе в сознании, как в калейдоскопе, проявляется «мозаичная» картина мира, лишь возрастает скорость изменения элементов мозаики в проекции: хаос – порядок – хаос – порядок и т. д. Методологически настроенное таким образом сознание готово к динамичному переходу от социального порядка к общественному беспорядку, от сотрудничества к борьбе, от толерантности к нетерпимости, от социальной стабильности к социальному взрыву. Человек – носитель подобных методологических оснований мировоззрения, в принципе может воспроизводить любое из названных состояний. Тем более постнеклассическая философия, теоретически обновляя установку на относительность нравственных ценностей, во многом способствовала той тенденции массовой моральной деградации, которая мощно транслируется в общественное сознание современной техногенной цивилизации.

Этим воздействиям на ценностную ориентацию противодействует часть современных отечественных философов, обращаясь к русской религиозной философии. Воспроизводству и распространению ее идей в российском обществе и за рубежом посвящены исследования М. Н. Громова, А. Ф. Замалеева, И. И. Евлампиева, А. А. Ермичева, А. П. Козырева, М. В. Максимова, Б. В. Маркова, А. И. Новикова, Н. П. Полторацкого, В. А. Фриауфа, С. С. Хоружего, Л. Е. Шаповалова и др. Интенсивная научная и просветительская деятельность представителей этого направления в 1990–2010-х гг. не только способствовала распространению историко-философских трудов русского зарубежья, но и позволила выявить те аспекты духовно-интеллектуального ресурса русской религиозной философии, которые были и остаются актуальными для отечественного общественного сознания.

Речь идет, прежде всего, о духовно-нравственной доминанте русского философско-религиозного мировоззрения, выделяя которую, исследователи определяли её как панэтизм (панморализм). Эта особенность отечественного философско-религиозного сознания проявляется в абсолютизации нравственных ценностей Любви и Добра в Боге (Бог есть Любовь). Подобная позиция, по сути, выражает онтологическую этизацию, так как Любовь декларируется сущностью Бога, или нетварного бытия. За этим следует гносеологическая этизация, когда в основании богопостижения выделяется «сердце» как символ истока любви. Отсюда вытекает этизация антропного и исторического измерений бытия в идеях духовно-нравственного первоначала в Богочеловеке и духовно-нравственного смысла

исторического процесса становления человечества как человекобога. Понятно, что, обосновывая положения об абсолютности нравственных ценностей, русская религиозная философия противостоит западноевропейской философской ориентации сознания на относительность нравственных ценностей.

Анализ процессов в советской и постсоветской философии показывает, что период исключения марксизма-ленинизма из сферы научных интересов китайских философов и переориентация их внимания на «русскую традиционную» и особенно – религиозную философию совпадает с этапом формирования плюралистического пространства философской культуры в постсоветском российском обществе. Динамика образования такого пространства определяется внутренним противоречием полярности ценностного воздействия на сознание человека философских ориентаций приверженцев западной постнеклассической философии и русской религиозно-философской традиции. Этой дилеммы мировоззренческого выбора, который совершается общественным, в том числе и политическим сознанием современной России, не могли не заметить китайские философы, изучающие рассматриваемую проблему. С каких позиций могут они отнестись к подобной ситуации? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно обратиться к приоритетам современной китайской философии.

Ядро пространства современной китайской философской культуры представляет марксизм. «В современном Китае, – подчеркивает один из исследователей тенденций развития китайской философии Ли Цзинюань, – марксистская философия является и руководящей идеологией, и объектом научного исследования. С начала политики реформ и открытости марксистская философия, обладая культурой научного характера, добилась значительного обогащения и развития»⁵. Судя по изысканиям цитируемого автора, модернизация марксизма связывается, прежде всего, с интерпретацией марксистской философии в контексте «западной классической философской традиции с особым акцентом на “диалог” с западным марксизмом»⁶. Китайские философы открыто заявляют о взятой на себя задаче достижения «взаимопонимания» между марксистской философией китайского образца и западной философией.

Ощущается повышенный интерес китайских ученых к западной философии, в частности к философии Просвещения, христианской философии, феноменологии. Именно западная философия, по мнению Ли Цзинюаня, открывает «новые горизонты» даже в области исследований китайской традиционной философии, в сферу которой включаются конфуцианство, даосизм и буддизм⁷. Из трех обозначенных составляющих китайской традиционной философии по интен-

сивности изучения выделяется конфуцианство в доцинском, сунско-минском и современном периодах его истории. Об этом свидетельствует тот факт, что изучение классических текстов учения начинает рассматриваться как государственная задача, а издание и освоение конфуцианских канонов представляется важным государственным проектом. Философский ресурс конфуцианства апробируется в подходах к современным проблемам глобализации, экологии, прав человека и унификации морали⁸. В этом отношении выявляются и возможности его модернизации в соотнесении с западной методологией.

Активно исследуется и буддийская философия. В 1980 гг. публикуются книги Тан Юнтуна, Люй Чэна, Ван Сэна, создается Институт буддийской культуры. Показательно, что, по мнению китайских философов, наиболее оживленную дискуссию вызвал вопрос о причинах превращения буддизма в «один из источников принципов конфуцианства у мыслителей последнего периода цинской династии»⁹. Разрабатываются проблемы «даосской философии», «даосской алхимии» и «даосской религии», в 2003 г. завершена семилетняя работа по составлению «Китайского Даосского Канона», включающего 48 томов текстов и один том приложений¹⁰.

Что касается изучения русской философии, то до периода исключения советского марксизма из поля научных интересов китайская философия оказывает ему пристальное внимание. Достаточно сказать, что из десяти международных симпозиумов по советской и русской философии с 1985 по 2005 гг. семь посвящалось изменениям в марксистской философии советского периода и три – русской религиозной философии. Несмотря на растущую активность китайских специалистов, круг русских философов, чьи сочинения переведены и изданы достаточными тиражами, сравнительно узок. Это В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, вызывают интерес работы М. М. Бахтина, творчество Ф. М. Достоевского. Отсюда, по признанию самих китайских исследователей, представления о русской философии религиозного направления страдают макроподходом и отражают «взгляд с птичьего полета», русская философия, по мнению китайских специалистов, преемница западной¹¹. Во многом поэтому в общественном сознании Китая значение русской религиозной философии – как истока основания русской культуры в целом не проявлено. «В сознании многих китайцев, – замечает Ма Иньмао, – политическое значение России несомненно с ее философскими достижениями, поскольку эти достижения нельзя даже сравнить с ее влиянием в международной политике, более того, невозможно ставить в один ряд с ее успехами в сфере литературы, искусства и науки»¹².

Ясно, что при таком знании мировоззренческих приоритетов духовной культуры России со стороны представителей иной культуры, участвующей в межкультурном диалоге, его трудно осуществлять. Реален риск ограничения межкультурного диалога политическим. Но, как известно, политика, осуществляемая на основе марксистской философии, – явление классовое, предполагающее насилие в различных формах. В этой ситуации исходным условием минимизации подобного риска будет глубинное знание мировоззренческих оснований культур народов, тяготеющих к межкультурному диалогу.

Публикация выполнена в рамках проекта «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» при финансовой поддержке гранта РГНФ (№12-33-09003а).

Примечания

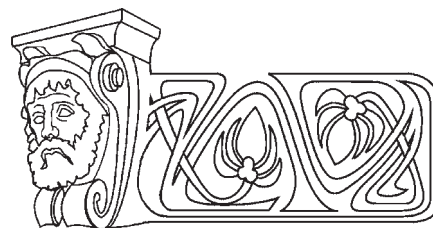
- ¹ Цзя Цзэлинь. Изучение русской и советской философии в Китае // Вопр. философии, 2007. № 5. С. 64.
- ² Ма Иньмао. Русская философия в Китае // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 68.
- ³ См.: Цзя Цзэлинь. Указ. соч. С. 64–65.
- ⁴ Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 72.
- ⁵ Ли Цзинюань. Современное состояние и тенденции развития китайской философии // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же. С. 21.
- ⁸ Там же. С. 21–22.
- ⁹ Там же. С. 23–24.
- ¹⁰ Там же. С. 22–23.
- ¹¹ См.: Ма Иньмао. Указ. соч. С. 72.
- ¹² Там же. С. 68.

УДК 130.2

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Е. В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

В последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». Проблема идентичности обострилась, когда общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. Психологи рассматривали идентификацию в качестве одного из механизмов защиты; ключевую роль во всех проблемах идентичности играют память и традиция.

Ключевые слова: идентичность, память, традиция.

Identity as a Social Phenomenon

E. V. Romanovskaya

In the recent years the real storm of interest to the concept of «identity» is observed. The problem of identity became strained when the society had lost the contact to power of nature and tradition and faced the necessity to make self-dependent decisions. Psychologists considered identification as one of defense mechanism. Tradition and memory play the key role in every problem of identity.

Key words: identity, memory, tradition.

Анализируя проблемы современного общества в контексте феномена глобализации, З. Бауман писал, что в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». По-видимому, никакой иной

аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов, психологов. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Так, по мнению исследователя, теоретические споры вокруг проблем прав человека связывают сейчас напрямую с правом на собственную идентичность, а проблему повседневного поведения – с оформлением, обсуждением и утверждением идентичности¹.

«Идентичность» словари определяют как психологическое представление человека о своём Я, характеризующееся субъективным чувством индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образом, нормой, группой, культурой и т. п.)².

Одно из научных направлений в гуманитарном знании связывает изучение проблемы идентичности с изменением роли традиции в современном обществе. Психологическая составляющая проблемы традиции обнаруживает

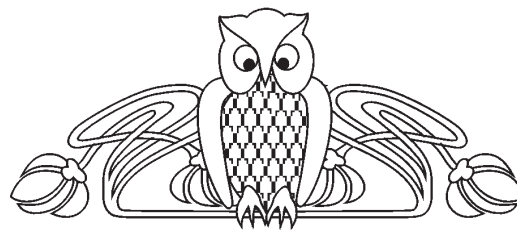

УДК 159.9.016.3 : 141.111

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ИСТОРИОГРАФИИ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ Ж. ДЕЛЁЗА И Ф. ГВАТТАРИ

Г. Г. Коломиец

Смоленский государственный университет
Email: ardor@list.ru

Статья посвящена проблемам методологии исторического исследования, исторической периодизации, концепции исторического времени, характеристике исторического процесса в материалистической психиатрии Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

Ключевые слова: Ж. Делёз, Ф. Гваттари, методология исторического исследования, периодизация, исторический процесс.

The Basic Principle of Historiography in Deleuze' and Guattari's Materialistic Psychiatry

G. G. Kolomiets

The article deals with problems of methodology of historical investigation, concept of historical time and characteristic of historical process in Deleuze' and Guattari's materialistic psychiatry.

Key words: G. Deleuze, F. Guattari, methodology of historical investigation, periodization, historical process.

Философский проект, разработанный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари и названный ими материалистической психиатрией (шизоанализом), задает исследовательское поле для широкого спектра проблем, относящихся к сфере онтологии, гносеологии, философской антропологии, философии экологии, политологии, психоанализа, культурологии, этики¹. Особый интерес представляет исторический компонент шизоанализа, в рамках которого реконструируются структура общественного бессознательного и сознания, характерная для этапов, соответствующих периодизации А. Фергюсона (дикость, варварство, цивилизация). Подход Ж. Делёза и Ф. Гваттари характеризуется тесным взаимодействием между философскими и историческими научными методами, активным обращением как к историческим свидетельствам, так и к данным антропологии (в том числе и философской), этнографии, лингвистики. В связи с этим целесообразным представляется определение концептуальных основ историографического метода Ж. Делёза и Ф. Гваттари и выявление их особенностей путем сопоставления с близкими по проблемной и предметной сферам концепциями. Библиография по этой проблеме крайне скудна. Американский исследователь Дж. Ламперт, автор исследования «Философия истории Ж. Делёза и Ф. Гваттари», описывает шизоаналитическую историографию как совокупность тематических

дискурсов (посвященных критериям исторического, отбору исторического материала, вопросам хронологии, теории каузальности, «наброскам» исторических эпох). Основное внимание Дж. Ламперт уделяет исследованию модели времени, предложенной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, поэтому были выделены два базовых принципа: индетерминизм и случайность². Целесообразно дополнить список указанных принципов на основании теоретической базы шизоанализа и в ходе компаративного анализа выявить их характерные черты. Ж. Делёз и Ф. Гваттари отчетливо формулируют принципы своей историографии.

Первым можно назвать *случайность и уникальность*. По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, невозможно определить закономерности исторического процесса. Смена неповторимых и уникальных исторических событий основана на случайности³. Исторический проект Ж. Делёза и Ф. Гваттари основан на индетерминизме, характер которого сводится к тому, что все события (исторические в том числе) происходят одновременно. Прошлое реально присутствует в своих последствиях и при определенных условиях способно повторяться в настоящем в форме совпадения, а будущее существует в форме «вечного повторения того же самого» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари заимствуют это понятие у Ф. Ницше, не внося в него никаких изменений)⁴. Выявить специфические черты этого принципа поможет его сопоставление с близкими по структуре построениями, поэтому заслуживает внимания вариант индетерминизма, разработанный Дж. Беркли. Ирландский философ утверждает, что установление отношений каузации всегда носит субъективный характер. Любая причинность относится к сфере представления и воображения и никогда – к реальному положению вещей. Эмпирически переживаемая смена событий обусловлена, по его мнению, не наличной закономерностью, а произволом Бога⁵. Особенности шизоаналитической историографии в данном случае можно считать её строгую материалистичность и отказ от установления взаимосвязи между сменой событий и волей какой-либо инстанции или индивида.

Наиболее близкая шизоанализу концепция причинности обнаружена в работе Д. Юма

«Трактат о человеческой природе». Шотландский философ утверждает, что причинность не может быть выведена из эмпирических данных и соседство двух событий в пространстве и их последовательное появление в фокусе восприятия не означает, что между ними может быть установлено реальное отношение каузации. Более того, нет никакой необходимости обращаться к причинности при объяснении явлений материалистического мира. Если наличный факт может быть представлен без порождающей его причины в воображении, то и содержание восприятия может отвечать тому же принципу⁶. Отношения каузации, по мнению Д. Юма, устанавливаются человеком произвольно, на основании привычки. Рассуждая о возможности преемственности между двумя последовательными событиями, философ приходит к концепции времени, близкой шизоаналитической: «Если какая-нибудь причина может быть вполне одновременной со своим действием, то, согласно вышеуказанному положению, и все причины должны быть таковыми, так как любая из них, опоздав хоть на мгновение со своим действием, не проявляет его в тот самый момент, когда она уже могла бы действовать, и в силу этого не является настоящей причиной. Следствием этого было бы не более и не менее как уничтожение последовательности причин, наблюдаемой нами в мире, и даже полное уничтожение времени, ибо если бы одна причина была одновременна со своим действием, а это действие – со своим действием и т.д., то ясно, что вообще не существовало бы последовательности и все объекты должны были бы быть сосуществующими»⁷. Эту концепцию Д. Юм не без сомнений отвергает, ссылаясь на то, что даже если она истинна, это не имеет значения для его исследования. Ж. Делёз и Ф. Гваттари, напротив, принимают эту идею и развивают её, выявляя конкретные формы, в которых реализуется «одновременность» событий прошлого, настоящего и будущего.

Вариант историографии, основанной на случайности всякого события, предлагает М. Хайдеггер. Историчность Dasein, по его мнению, реализуется в специфически историческом бытии в форме состоявшейся возможности, т.е. Dasein как форма бытия необходимо обосновано тем, что оно является результатом состоявшейся возможности, реализованного потенциала. Учитывая тот факт, что Dasein обладает множеством потенциалов («экзистенциалов») возможного будущего существования, выбор одного из них всегда случаен и по природе непредсказуем⁸. Особенность прочтения этого принципа в шизоаналитической историографии заключается в том, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари не считают, что историческое событие реально существует исключительно в рамках человеческой экзистенции.

Вторым принципом являются *критичность и ироничность*. Свойства критичности и ироничности истории оговариваются Ж. Делёзом и Ф. Гваттари на примере капиталистической общественной формации. Её основой, по мнению создателей шизоанализа, выступает тенденция к сужению содержания восприятия объектов бессознательным до совокупности количественных характеристик. Процесс устранения качественных характеристик в рамках капиталистического общества построен таким образом, чтобы ограничить их движение с помощью аксиоматики абстрактных количеств и не дать им возможности хаотически перемещаться, что означало бы уничтожение капитализма посредством уничтожения понятий обмена, торговли. Таким образом, функция капитализма состоит в постоянно откладываемом самоуничтожении⁹. Ж. Делёз и Ф. Гваттари трактуют критичность истории как имманентно присущую капитализму тенденцию к выходу за собственные пределы, а ироничность – как постоянное откладывание реализации этой тенденции.

Для выявления специфики принципа критичности истории достаточно сопоставить его с аналогичной концепцией К. Маркса. В работе «К критике политической экономии» предлагается крайне близкая шизоанализу модель критической истории. По его мнению, развитие средств производства всегда обгоняет развитие производственных отношений. Чем в большей мере реализуется тенденция развития способа экономического производства, присущего конкретной формации, тем больше обостряется его противоречие с существующими производственными отношениями. Таким образом, конечная точка развития того или иного способа производства хронологически совпадает с созреванием общественного конфликта, ведущего к социальной революции. Сама структура общественной формации создает материальные условия для совершения переворота и замены существующих производственных отношений на более прогрессивные¹⁰. Ж. Делёз и Ф. Гваттари, в отличие от К. Маркса, отрицают возможность социальной революции в рамках капиталистического общества и считают, что тенденция капитализма к критике самого себя никогда не может быть реализована в полной мере.

Иронический компонент шизоаналитической историографии, который заключается в постоянном откладывании реализации глубинной тенденции капитализма, можно считать интерпретацией высказывания Ф. Энгельса: «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иро-

нией, которой избежали немногие исторические деятели»¹¹. Ф. Энгельс апеллирует к известной идее Г. В. Ф. Гегеля о том, что сумма поступков людей, реализующих собственные интересы, организуется в исторический процесс, развитие которого происходит согласно логике «мирового разума»¹². Ж. Делёз и Ф. Гваттари считают, что несовпадение между предполагаемым результатом исторического события и реальным заложено в присущем капитализму свойстве бесконечного отдаления предельной реализации капиталистических отношений.

Третий принцип заключается в *ретроспективности*. Авторы материалистической психиатрии считают, что историческое исследование должно основываться на знаниях о современности. Ретроспективная тенденция, фундирующая исторический процесс, обусловлена динамикой вывода внеэкономических качеств объектов за пределы общественного и индивидуального бессознательного. Примитивным обществам присуща, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, наиболее сложная система качественной оценки объектов, которая определяет законы поведения любого потока материи, энергии, информации в рамках отдельно взятого общества. Капитализм, напротив, подменяет качественные характеристики вещи «аксиоматикой абстрактных количеств» (числом). Структура капиталистического общества определяет условия и возможности установления периодизации и создания философской модели всемирной истории¹³.

Единственная концепция ретроспективной историографии, помимо шизоаналитической, предложена М. Хайдеггером в ходе рассмотрения способа бытия, называемого *Dasein*. *Dasein* – это особый род сущего, сущность которого заключается в его бытии, экзистенции. По мнению Хайдеггера, *Dasein* по природе историчен («миро-историчен»). Исследуя вопрос о возможности историографии бытия такого рода, немецкий философ создает концепцию исторического и онтологического времени, включающую в себя одновременно антерградное движение из прошлого в будущее и ретроградное движение из будущего в прошлое. Первое связано с тем, что всякая экзистенция потенциальна, т. е. содержит в себе совокупность реализованных и нереализованных возможностей, бытие которых необходимо требует движения из прошлого в будущее. Ретроградное время возникает тогда, когда *Dasein* овладевает бытием-к-смерти. По мнению М. Хайдеггера, ужас, переживаемый человеком при осознании необходимости и неотвратимости собственной смерти, требует от него решимости, которая обретается в ходе возобновления потенциалов прошлого. Бытие-к-смерти, по выражению немецкого философа, «вбирает» в себя прошлое¹⁴. Историография

Desein, таким образом, – это часть его самого, она сама по природе исторична, т. е. содержит в себе и антерградный и ретроградный компоненты¹⁵. Нам не удалось обнаружить сходств между концепцией М. Хайдеггера и Ж. Делёза – Ф. Гваттари, что позволяет констатировать уникальность данного принципа шизоаналитической историографии.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать отличительные особенности историографического метода Ж. Делёза и Ф. Гваттари: постулирование случайности и уникальности любого исторического события на основании одновременности всех событий; выделение особенного свойства капиталистического общества – перманентно незавершенной тенденции к саморазрушению; определение ироничности истории как специфического свойства капиталистического общества; понимание всемирной истории как ретроспективного процесса.

Примечания

- 1 См.: Попова Н. Г. Французский постфрейдизм : критический анализ. М., 1986. С. 87.
- 2 Lampert J. Deleuze and Guattari's philosophy of history. N.Y., 2006. P. 1–3.
- 3 См.: Deleuze G. Cours Vincennes - 21/12/1971 // Webdeleuze.com. URL: <http://www.webdeleuze.com/php/texte.php?cle=121&groupe=Anti Oedipe et Mille Plateaux&langue=1> (дата обращения: 20.02.2012).
- 4 См.: Lampert J. Op. cit. P. 4–6.
- 5 См.: Беркли Дж. Теория зрения, или зрительного языка, показывающая непосредственное присутствие и провидение божества, защищенная и объясненная в ответ анонимному автору // Беркли Дж. Соч. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. М., 1978. С. 140–141.
- 6 См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. И. Церетели и др. 2-е изд., доп. и испр. М., 1996. С. 132–136.
- 7 Там же. С. 132.
- 8 См.: Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. С. 394.
- 9 См.: Deleuze G., Guattari F. L'Anti-Edipe – Capitalisme et schizophrénie. P., 1972. P. 164.
- 10 См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7–8.
- 11 Энгельс Ф. Письмо В. И. Засулич от 23 апреля 1885 года // Там же. Т. 36. С. 263.
- 12 См.: Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М. ; Л., 1935. Т. 8. С. 32.
- 13 Deleuze G., Guattari F. Op. cit. P. 163–164.
- 14 Хайдеггер М. Указ. соч. С. 390–391.
- 15 Там же. С. 396.